

**ҲАМВАТАНОНИ АЗИЗ, ШУМОРО БА ФАРОРАСИИ 25-УМИН СОЛГАРДИ
ИСТИҚЛОЛИЯТИ ДАВЛАТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН САМИМОНА
ШОДБОШ МЕНАМОЕМ!**

**ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ
АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ ИЛМҲОИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**ББК 63.3. (2 рус) + 74.263.1
К-78**

МУАРРИХ

(мачаллаи илмӣ)

**№ 2
(6) 2016**

Мачалла соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми сол чаҳор шумора интишор мешавад.
Ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Мачаллаи илмӣ аз тарафи Вазорати фарҳанги
Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти рақами 0228/МҶ аз санаи 14-уми апрели соли 2015 ба қайд гирифта шудааст.

Муассис: *Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи АИ ҶТ*

Сармуҳаррир

доктори илмҳои таърих, профессор Зикриё АКРАМӢ

Бунёдгузор ва муҳаррири илми мачалла

академик Раҳим МАСОВ

Ҳайати таҳририяи мачалла:

*Зикриё АКРАМӢ, Раҳим МАСОВ, Баҳринисо ҚОБИЛОВА, Абдулло ҒАФУРОВ,
Лариса ДОДХУДОЕВА, Виктор ДУБОВИТСКИЙ, Ҳайдаршо ПИРҲУМШОЕВ, Ҳамза КАМОЛ,
Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ, Аскаралӣ РАҶАБОВ, Александр ЧУБАРЯН (Руссия),
Франсис РИШАР, Анри-Пол ФРАНКФОР (Фаронса)*

Дабири масъул

Ҳамза КАМОЛ

Мусахҳаҳ

Манзура ҲАСАНОВА

**Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои
мазмуни мавод ва маълумотҳои саҳеҳ муаллифони маъсул мебошанд. Истинод ба сарчашма, муаллиф ва
шумора ҳатмист.*

**©Институти таърих, бостоншиносӣ
ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АИ ҶТ, 2016**

**ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ, ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С 25-ЛЕТИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН!**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ.
АХМАДА ДОНИША АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**ББК 63.3. (2 рус) + 74.263.1
К-78**

ИСТОРИК

(научный журнал)

№ 2
(6) 2016

Журнал зарегистрирован Министерством культуры Республики Таджикистан.
Свидетельство о регистрации № 0228/ МЧ от 14 апреля 2015г. Основан в 2015 г.
Журнал выходит на таджикском, русском и английском языках.

Учредитель: *Институт истории, археологии и этнографии АН РТ*

Главный редактор

*доктор исторических наук, профессор
Зикриё АКРАМИ*

Основатель и научный редактор журнала
академик Рахим МАСОВ

Редакционная коллегия:

*Зикриё АКРАМИ, Рахим МАСОВ, Бахринисо КОБИЛОВА, Абдулло ГАФУРОВ,
Лариса ДОДХУДОЕВА, Виктор ДУБОВИЦКИЙ, Хайдаршо ПИРУМШОЕВ, Хамза КАМОЛ,
Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ, Аскарали РАДЖАБОВ, Александр ЧУБАРЬЯН (Россия),
Франсис РИШАР, Анри- Поль ФРАНКФОР (Франция)*

Ответственный секретарь

Хамза КАМОЛ

Корректор

Манзура ХАСАНОВА

**Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
Ответственность за содержание публикаций, и достоверность фактов несут авторы. При полной или
частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.*

**© Институт истории, археологии и
Этнографии им. А. ДОНИША АН РТ, 2016**

**ҲАЁТ ВА ФАЪОЛИЯТИ АБӮБАҚР МУҲАММАД
ЗАКАРИЁИ РОЗӢ**

Зикриё АКРАМӢ,

профессор, доктори илмҳои таърих, директори Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон

Баҳром ҚУРБОНОВ,

доктори илмҳои таърих, устоди
Донишгоҳи давлатии тичорати Тоҷикистон

Ҳабибулло МАҚСАДОВ,

ходими илмии Институти таърих,
бостоншиносӣ ва мардумшиносии АИ ҚТ

Калидвожаҳо: *Абӯбақри Розӣ, донишманди форсу тоҷик, тиб, табиӣёт, кимиё, фалсафа, педагогика, ахлоқ, гуманизм.*

Агар ба таърихи осори гузаштагонан назар афканем, маълум мегардад, ки онҳо дар риштаҳои мухталифи илм ба дастовардҳои арзишманду нодир ноил гардидаанд. Аз ин лиҳоз, таҳқиқи осори ба ёдгор мондаи онҳо барои наслҳои имрӯза аҳамияти гаронбаҳо дорад. Омӯзиши ҳаёт ва фаъолияти илмии Абӯбақр Муҳаммад Закариёи Розӣ низ аз ҷумлаи онҳост.

Абӯбақр Муҳаммад Закариёи Розӣ яке аз бузургтарин ва барҷастатарин табиб, файласуф, табиатшиноси форсу тоҷик ва ҷаҳон ба шумор меравад. Ӯ дар инкишофи илмҳои гуногун саҳми муносиб гузошта, яке аз саромадони илми тиб ва табиатшиносӣ ба шумор меравад. Абӯбақр Муҳаммад ибни Закариё ибни Яҳёи Розӣ дар шаҳри Рай 28 – уми августи соли 251 ҳиҷрӣ (865) дар оилаи касиб таваллуд шудааст. Солҳои тифлию айёми ҷавонии ӯ дар зодгоҳаш мегузарад. Аз маълумоте, ки дар «Китоб-ут-тиб – ул – Мансурӣ» мавҷуд аст, бармеояд, ки донишманд дар аввалҳои умр бо касби заргариву саррофӣ шуғл варзида, дар як давраи муайян ба ҳаваси кимиёгарӣ дар пайи омӯхтани илми кимиё мегардад. Абӯрайҳони Берунӣ (973 -1048) дар «Феҳрасти майлу рағбат доштани Закариёи Розӣ» ном асараш дар бобати ба илми кимиё шавқу ҳавас доштани Закариёи Розӣ чунин гуфтааст: «Наздиқӣ ба оташ ва бӯйҳои тунд ҷашми ӯро маъҷуб сохт ва ӯ ба сӯи муолиҷа ва мудово ва сипас ба илми пизишкӣ кашонид».

Муаллифи китоби мазкур дар саҳифаи дигари ҳамин асар равшану возеҳ сабабу иллати аз илми кимиё ба илми тиб гузаштан ва дар ин соҳа ба яке аз рукну сутуни бузурге, ки минбаъд ҳазинаи донишандӯзии инсон бар сари он қарор ёфтааст, табдил ёфтани осори тиббии Закариёи Розиро ба тариқи зайл менигорад. «Иштиғоли Розӣ ба илми тиб пас аз даврони ҷавонӣ буд ва дар натиҷаи рамаде буд, ки дар ҷашмони ӯ падидор омад. Ва гӯянд, пеши куҳоле рафт. Куҳол гуфт: «Муолиҷати ту мавқуф аст бар понсад динор, ки бояд бидиҳӣ». Ӯ он маблағро ба куҳол доду гуфт: «Кимиё илми тиб аст, на он ки ту бад он машғули». Бад он сабаб аз кимиё аъроз намуд ва дар таҳсили илми тиб ба ғояте расид, ки тасонифи ӯ дар ин илм носихи таълифи муътақадимон гашт.

Розӣ аз овони ҷавонӣ бо омӯхтани илму адаб ба василаи китобу навиштаҷот, маҳфилҳо ва баҳсу мунозирот дилбастагии махсусе доштааст. Ҳисси кунҷковию кӯшиши донишандӯзии ӯро дақиқае тарк нанамуданд.

Тазаккур бояд дод, ки Муҳаммад Закариёи Розӣ дар овони ҷавонӣ монанди дигар кимиёгарон аз пайи орзуи ёфтани икхир шуда буд, ки ба воситаи он маъданҳоро ба тилло баргардонад, валекин баъдтар аз ин амал даст кашид ва ҷилави истеъдоди донишро бар сӯи майдони илми тиб, ҳикмат, риёзиёт, фалакиёт ва адабиёт баргардонид. Закариёи Розӣ аввал ба хидмати ҳокими Рай – Мансур ибни Исҳоқ ибни Аҳмад ибни Асад, ки солҳои 290 – 296 ҳиҷрӣ (902-908) ҳукуматдорӣ кардааст, ба вазифаи сарвари бемористон адои вазифа намуда, баъд аз чанд соли хидмат ин мутафаккири барҷаставу табиби ҳозикро ҳокими Бағдод ба дарбори худ даъват мекунад. Дар сарчашмаҳо оид ба сарвари бемористони Бағдод таъин шудани Закариёи Розӣ ривоятҳои зиёд оварда шудаанд. Закариёи Розӣ баъд аз солҳои зиёд дар бемористони Бағдод хидмат намудан ва соҳиби тахаллуси «табиби мористонӣ» шудан ба зодгоҳаш бармегардад. Ӯ як қисми умрашро дар Мовароуннаҳр гузаронида ва бо доираҳои илмии ин кишвар робитаҳо дошта аст. Дар охири умри худ нобино шуда, дасташ аз кор монда будааст. Файласуф ва табиби

мушкилкушо, кимиёгари маъруф Закариёи Розӣ дар байни солҳои 320 ҳичрӣ (25-уми октябри соли 925 мелодӣ) аз олам чашм пӯшидааст.

Фаъолияти илми ин донишманди бузург ба тадриҷ ба Аврупо нуфуз намуд ва дар он ҷо бо номи Abubater ё Razas шуҳрат пайдо кард. Аз омӯзиши осори Закариёи Розӣ бармеояд, ки ӯ дуруст будани назарияи сунъӣ, яъне истехсоли тилло ва нукраро оид ба тавассути иксир эътиқоди комил надоштааст, ки онро мо аз ду асари ӯ таҳти унвони «Меҳнат- ул – заҳоб ва алфизати ва мизони табиӣ» ва «Фиана саноатил кимиёи ақрабу илал вучуд минҳо илал имтиноъ» дарёфт карда метавонем. Ин нуктаи назари Закариёи Розиро мо зимни мутолиаи асарҳои дигари ӯ ба монанди «Китоб- ул – асрор» ва «Китоб -ул – сирил – асрор» низ пайдо намудем. Бояд тазаққур дод, ки китоби дуввуми дар боло номбар шуда, яъне «Китоб-ул- сирил – асрор» ҳанӯз дар замони Розӣ ба забони латинӣ тарҷума шуда, дар кишварҳои ғарб шуҳрати васеъ пайдо кардааст. Худи Муҳаммад Закариёи Розӣ дар ҷое зикр кардааст, ки «Китоб-ул- сирил – асрор» аз асари «Китоб- ул- асрор» пурмазмунтар асту мақоми баланде дорад. Дар ҳақиқат ин китоб дар тарҷумаи Ҳасаналии Шайбонӣ ба забони форсӣ (ҳаҷмаш 630 саҳифа) буда, аксари матни онро маълумоти кимиёӣ ташкил медиҳад. Илова бар китобҳои дар боло зикршуда, Закариёи Розӣ боз ба шахсоне, ки мухталифи ақидаҳои буданд, асарҳо навиштааст. Ҳамчунон ба осори Арасту ва Афлотун шарҳи ҷолибе ба ёдгор гузоштааст. Китобе дар илми мантиқ тадвин карда, дар бораи фалсафаи Фисоғурис низ асаре нигоштааст. Асари муҳими табиӣ ӯ «Ал – ҳовӣ» аст, ки инчунин ба номи «Ҳақоик доиратул- маорифи тиббӣ» ёд мешавад.

Муҳаммад Закариёи Розӣ қариб 238 китоб ва рисола навиштааст. Мутаассифона аксарияти онҳо несту нобуд гардида ва имрӯз фақат 30 ҷилд аз осори ӯ боқӣ мондаасту ҳалос, ки аксарияташон ба забони арабӣ нигошта шудаанд. Рақиби таҷрибаи Закариёи Розӣ нишон медиҳад, ки ӯ аз рӯи усули таҷрибаи империзм кор мекард. Ба мисли уламои дигари замони ҳеш, ӯ ба офариниши олам имони комил дошт, аммо биниши ӯ биниши моддӣ буд ва аз ақидаҳои хурфотӣ сарфи назар менамуд ва пайваста машғули таҳқиқ буда, зиндагии фақирона дошт. Вобаста ба ин Каъбӣ дар борааш чунин гуфтааст: «Ту адои кимиёгарӣ, дар ҳоле ки натавонистӣ даҳ динор қобили занатро дар маҳзари қозӣ бипардозӣ. Ту муддаии табобат ҳастӣ, дар ҳоле, ки натавонистӣ чашмонатро дармон кунӣ ва нобино шудӣ».

Илова бар муҳаққиқони қаблӣ, Муҳаммад Закариёи Розӣ дар тиб низ пешниҳодҳои муҳим намуда, ба даст овардани тезоби сулфат ва спиртро ба роҳ монд. Ӯ спиртро ба тақрири маводи қандӣ ва ношоиста ва тезоби сулфатро бо таҷзияи зочи сабз ба даст овард. Зочи сабзро метавон сулфати мис донист, чунки ҳамаи намакҳои тезоби сулфатро дар он замон ба номи зоч зок ёд менамуданд, аммо ранги сабзро ионҳои мис (II) медиҳад.

Закариёи Розӣ ҷӣ дар илми кимиё ва ҷӣ дар илми тиб саҳми босазое гузоштааст. Омӯзиши ғояҳои фалсафии Ар- Розӣ нишон медиҳад, ки вай назарияи худро дар асоси муҳимтарин ҷараёнҳои фалсафаи исломӣ асоснок намуда, анбиқҳои махсусе таҳия намудааст ва дар зимни омӯзиши анбиқҳо роҷеъ ба категорияҳо, инчунин дар бораи фарқ байни зоҳир ва ботин сухан рондааст. Аз сабабе ки Закариёи Розӣ дар натиҷаи омӯзиши таносуби ҷисм ва рӯҳ ба натиҷаи мусбат нарасидааст, бинобар ин ӯ муҳолифи ақидаи таҳаввули рӯҳ будааст. Ин натиҷагирӣ ба ӯ имкон додааст, ки нисбат ба тамоми алқимиёгарони дигари мусулмон бештар дар масъалаи табилии ҳамдигарии моддаҳои гуногун аҳамият бидиҳад, яъне барои табилии алқимиё ба кимиёи ҳақиқӣ заминаи хубе гузоштааст. Дар баробари ин аз ҳама бештар вожаҳои алқимиёро тафсир намудааст. Асарҳои ӯ «Китоб – ул асрор» ва «Аз – мадҳалул – таълимӣ» аз тарафи олимони исломӣ дар асрҳои баъд ҳамчун асарҳои соҳаи алқимиё омӯхта шудаанд, зеро дар онҳо забони вожаҳои ҳамина соҳа истифода шуда будаанд ва мазмуни ин асарҳо ба соҳаи кимиё иртибот доштанд. Ар-розӣ дар тадқиқотҳои худ дар ин ришта бештар ба Ҷобир пайравӣ кардааст. Масалан, дар масъалаи тақсим кардани филизот саҳми босазое гузоштааст. Роҳи воситаҳои аз филиз сохтани асбобҳоро барои таҷрибаи кимиёӣ ва об кардани маъданҳоро баён доштааст. Вай дар хусуси сохтани шишаҳои гуногун пешниҳодҳои судманд дорад. Намудҳои бештарини он шишаи беранги ҷилонок буда, бо сифати худ ба булӯр монанд аст. Закариёи Розӣ бори аввал дар таърихи кимиё моддаҳоро ба се гурӯҳ маъданӣ, рустанигӣ ва ҳайвонӣ ҷудо кардааст. Моддаҳои маъданӣро бошад, дар навбати худ дар шаш гурӯҳ: 1) моддаҳои аз гармӣ бухоршаванда: симоб, амиак, сулфур ва ғайра; 2) филизот: тилло, нукра, мис, оҳан, (рӯҳ) ва ғайра; 3) сангҳо: малахит, мәрмари сабз, оҳаксанги сурх, оҳаксанги хокистарранг, шиша ва ғайра; 4) купоросҳо, купориси сиёҳ, купороси рӯҳ ва ғайра; 5) Танакор: сода, танакор; 6) намакҳо: намаки ош, намаки талх, оҳак, намаки пешоб ва ғайра.

Муҳаммад Закариёи Розӣ роҳҳои тозакунии ва ҳосил кардани маъданро медонист. Ӯ дар озмоишгоҳи (лабораторияи) худ мис, нукра, оҳан, тилло, қалбағӣ ҳосил мекард. Барои гудохтан ва тоза кардани онҳо Розӣ аз кӯраи оҳангарӣ, бута, анбур, чакуш ва дигар асбобҳои сохтаи худ истифода мекард.

Тадқиқотчиёни соҳаи кимиё Розиро ҳамчун кимиёдони маъруф мешиносанд, агарчи кимиёгарони Эрон баъзе назариёти ӯро хато низ ҳисобиданд. Мутолиаи осори Розӣ ва навиштаҳои муаррихоне, ки роҷеъ ба фаъолияти илмии ӯ китобу мақолаҳо навиштаанд, нишон медиҳад, ки Закариёи Розиро дар радифи асосгузори илми кимиё ҷой бидиҳем ва ҳамчунон ӯро яке аз инкишофдиҳандагони ятрокимиё бидонем. Дар ҳақиқат Закариёи Розӣ баъд аз донишмандони асосҳои кимиёи он замон ба омӯзиши илми тиб шуруъ намуда, дар ин соҳа низ ба комёбиҳои зиёд ноил гардидааст. Донишҳои кимиёӣ ба ӯ имкон додаанд, ки он малакаҳои амалиро дар санъати дорусозӣ ва табobati беморон истифода намояд. Агар Ҷобир ибни Ҳайён дар санъати кимиёгарӣ, яъне кимиёи амалӣ саҳми босазое гузошта бошад, Закариёи Розӣ натиҷаи таҷрибаи арзёбӣ намуда, кӯшиш намудааст, ки онро аз нигоҳи назарӣ асоснок кунад.

Яке аз кӯшишҳои муҳимтарини Розӣ таснифи (классификатсия) –и моддаҳои гуногун буд. Тавре, ки дар боло зикр гардид, ӯ моддаҳои маълуми он замонро ба шаш гурӯҳ табақабандӣ кардааст. Ар-Розӣ инчунин баъд аз Ҷобир ибни Ҳайён ҷараёнҳои кимиёиро ба мисли дистилатсия, калсинатсия ва филтратсия дақиқ тасвир намуда, истифодаи онҳоро асоснок кардааст. Донишмандони асосҳои тиб ва тарикаи истифода ва истеъмоли гиёҳҳо ба Розӣ имкон додаанд, ки дар бораи ятро кимиёи низ тадқиқотҳои зиёд анҷом диҳад. Ӯ аввалин шахсе буд, ки алкул спиртро дар тиб истифода кардааст, аммо ин амида ӯ аз ҷониби дигар табибон дастгирӣ наёфтааст.

Муҳаммад Закариёи Розӣ дар натиҷаи омӯзиши маъданҳо роҳҳои омӯзиши омехтаҳои тиллодорро шарҳ додааст. Дар асарҳои ӯ моддаҳои гуногун ёдовар шуда, зарфҳои гуногуни кимиёӣ, таҷҳизот ва тарзҳои гуногуни истифодаи онҳо дар озмоишгоҳ нишон дода шудааст. Розӣ ба дуруст будани назарияи тарзии истеҳсоли сунъии тилло ва нукра эътиқоди комил надоштааст, ки онро мо аз ду асари ӯ таҳти унвони «Меҳнат – ул заҳаб», «Алфизоти ва мезона табиӣ» ва «Фи ана саноатил – кимиёи ақрабу илал вучуд минҳо илал иминоъ» мебинем. Ин нуктаро инчунин дар китобҳои дигари ӯ «Китоб -ул -асрор» ва «Китоб-ул- сирил асрор» низ метавон дарёфт кард. Аз боби аввали «Китоб - ул – асрор» дар маърифати ақоқир, яъне дар бораи адвия, ки аз қисми таркиби решаи наботот ба даст меояд, маълумот пайдо мекунем. Аз қисми дигари китоб, ки ба номи «Дар маърифати олот» ёд мешавад ба хулосае омадан мумкин аст, ки асари мазкур дар иртиботи кимиё таълиф шудааст. Ва аз порчаҳои асарҳои то ба мо расида маълум мешавад, ки Закариёи Розӣ то андозае ба роҳҳои тадбиқи санъати дарёфти тилло ва нукра мароқ зоҳир карда будааст. Муҳаммад Закариёи Розӣ дар муқаддимаи «Китоб – ул – асрор» дар хусуси асрори пинҳон кардаи файласуфони гузашта: Оғосозимус Ҳирмиз, Аристотелис, Холид ибни Язид ва Ҷобир ибни Ҳайён маълумоти кофӣ додааст, ки моҳияти он маълумотҳо ба донишмандони гирифтани се маърифат вобаста аст.

1. Маърифати ақоқир, яъне дар бораи адвия;
2. Маърифати олот;
3. Маърифати таҷриба.

Дар навбати худ Закариёи Розӣ маърифати ақоқирро ба се навъ тақсим кардааст:

- 1.1. Минералӣ, яъне хокӣ, маъданӣ, ки марбут ба гурӯҳи унсурҳои ғайриузвӣ мебошад;
- 1.2. Наботӣ;
- 1.3. Ҳайвонӣ

Навъи 1.2 (наботӣ) ва 1.3 (ҳайвонӣ) марбути гурӯҳи узвианд. Ба асоси тафаккури худ Закариёи Розӣ дар натиҷаи омӯзиши маводи табиӣ онҳоро ба ду гурӯҳ тақсим кардааст, ки якеро арвоҳ ва дигареро аҷсод номидааст, ки маънои рӯҳ ва ҷисм ё ҷасадро медиҳанд. Ин тарзи табақабандӣ ба он сабаб пайдо гаштааст, ки дар он замон ҷудосозӣ ба филизот ва ғайри филизот набуд. Бинобар ин Закариёи Розӣ ба сабаби нармӣ, ҷоришавӣ ва қобилияти табхир доштани баъзе мавод онҳоро арвоҳ ва маводи дигарро ба иллати ҷомид зудгудохтанашаванда – аҷсод номидааст, ки он ба қарори зайл аст.

1. Арвоҳ (ҷамъи рӯҳ), яъне маводи нарм ва табхиршаванда, ки ҷаҳоранд.
1. Симоб, ки ба арабӣ зайбик ва ба форсӣ инчунин чева хонанд.
2. Навшодир, инчунин нӯшодир.
3. Сулфур, ба арабӣ кибрит ва ба форсӣ инчунин гӯгирд гӯянд.
4. Арсен, ки ба арабӣ зарних хонанд.

1. Аҷсод (чамъи ҷасад), яъне маводи ҷомид ва ҷисмӣ, табхирнашаванда, ки ҳафтоанд.
1. Нукра ба арабӣ физат, рамзи кимиёӣ Aq инчунин сим хонанд.
2. Тилло ба арабӣ заҳаб, рамзи кимиёӣ Au , инчунин зар хонанд.
3. Сурб ба арабӣ расос, рамзи кимиёӣ Sn ин унсуро дар забони имрӯзии форсии тоҷикӣ баъзан кӯрғошим низ хонанд.
4. Қалъағӣ ба арабӣ қасдир, рамзи кимиёӣ Sb ба форсӣ қалъ ва арзиз низ хонанд. Ба фармудаи Фирдавсӣ.

Ба чашми хирад чиз ночиз кард,

Ду сандук пур сурбу арзиз кард.

5. Оҳан ба арабӣ ҳадид, рамзи кимиёӣ Fe ;
6. Мис ба арабӣ нухос, рамзи кимиёӣ Cu .
7. Оҳани чинӣ ба арабӣ алҳор ас – сини хонанд. Табиати ин филиз то ба имрӯз маълум нест. Агарчи Ал – Берунӣ дар китоби хеш ба номи «Ал – ҷамоҳир фи маърифат ал – ҷавоҳир» роҷеъ ба он маълумот додааст, вале табиати он ноаён мондааст.

Аз маълумоте, ки Ҳасан Алии Шайбонӣ додааст, бармеоҷд, ки оҳани чинӣ иборат аз пайкарҳои дарунтиҳӣ будааст ва дохили онро маъмулан бо симоб пур мекарданд. Ба назари мо, шояд манзур аз оҳани чинӣ ҳамон зарфи чинӣ ё фарфор бошад, ки дар амалиёти кимиёӣ ба шакли васеъ истифода мешавад. Закариёи Розӣ анвои сангҳоро ба гурӯҳи алоҳида ҷудо карда, навъҳои онҳоро мусовӣ ба сездах медонад. Яъне:

1. Марқшишо, инчунин морқшишо ё марқисо низ гӯянд. Сангест, ки рангҳои сафеди нуқрай, сурхи мисӣ, сиёҳи оҳанӣ ва зарди тиллоиро доро мебошад.
2. Магнисиё, инчунин макнотис ё миқнотис, яъне оҳанрабо, магнит. Рангҳои хокии сиёҳи дурахшанда, сурхи пӯстдорро дорост.
3. Ду, сангест ба ду навъ, астахрӣ (истахрӣ) ва ароқӣ (ироқӣ) ва навъи истахрӣ беҳтар аст.
4. Тӯтиё инчунин тӯтиё, ки ба рангҳои сабзтоб, зардтоб, сурхтоб маълум мешаванд, ки дар таркибаш сурма низ дорад.
5. Лочвард, инчунин ложвард, сангест, ки ранги кабудӣ осмониро дорост. Ин вожаи форсӣ ба Аврупо ба шакли лазур нуфуз кардааст.
6. Духна, сангест сабзранг, ки имрӯз онро малахит хонанд, инчунин мрамми сабз низ гӯянд.
7. Фирӯза, сангест, ки фақат як навъ дорад.
8. Шодна ё шодуна, ки онро имрӯз хемотит ё гематит хонанд.
9. Шак, сангест, ки ба ранги зард ва сафед маълум мешавад ва дар маъдани сим (нукра) ба даст меояд.
10. Сурма, вожаи форсӣ ва арабии он ал-кухл аст. Тибқи фармудаи Закариёи Розӣ дар таркиби он сурб низ мавҷуд аст.
11. Талк ё тилк низ хонанд, ки анвои гуногун дорад: яманӣ, дарёӣ ва кӯҳӣ. Ҳангоми зарба хӯрда барг – барг мешавад.
12. Гач, як навъ дорад ва яке аз чинсҳои кӯҳӣ мебошад.
13. Обгина, санги шишамонанд аст, ки сафед ва чун булӯр соф аст.

Муҳаммад Закариёи Розӣ ҳамчунон набототи табобатиро ба тафсил шарҳ дода, роҷеъ ба асбобу олотӣ озмоишгоҳ маълумот додааст, ки барои таҳияи мавод ва анвои адвия истифода мешуд. Масалан, кӯра, оҳангарӣ ва ҳован ё қаръ олаи кадушакле, ки дар он маводро майда мекарданд. Ҳамчунин анбиқ олае мебошад, ки маводи моеъро ба қатраҳо бармегардонад ва тариқи тадбиқ онро нишон додааст. Дар асараш «Китоб – ул – асрор» бисёре аз таҷрибаҳои гузаронидаи ӯ оварда шудаанд, ки бешубҳа аҳамияти бузурги илмӣ доранд ва метавон гуфт, ки баъзе аз хулосаҳои худро вай аз рӯи қиёс берун аз таҷриба низ гуфтааст. Масалан, ӯ гуфтааст, ки номи баъзе маъданҳоеро, ки олимони гузашта бо рамз ишора кардаанд, кашф хоҳад намуд. Худи вай дар ин бора мегӯяд. Офтоб – тилло ва моҳтоб – нукра мебошад. Инчунин тазаккур додааст, ки имконияти як теъдод маъданҳоро ранги тиллоӣ бахшидан ва онҳоро ба тилло мубаддал сохтан имконпазир аст.

Муҳаммад Закариёи Розӣ дар асарҳои худ масоили ҷамъшуда, ҷамъшудаи хушк ва об кардану ғудохтани маъданҳоро баррасӣ намудааст. Бояд гуфт, ки илм ва амалия дар замони Закариёи Розӣ ба ҳамдигар мисли имрӯз равоҷи мустақам надошт. Манбаҳое, ки ба мо дар бораи пайдоиш ва инкишофи илми кимиё ва амалияи он маълумот медиҳанд, ба хизмати бузурги Ҷобир ибни Ҳайён, Закариёи Розӣ ва дигарон марбут аст, агарчи то ба имрӯз дар бораи қисми онҳо таҳқиқҳои амиқ ба анҷом нарасида бошад ҳам, саҳми онон дар рушди илмҳои табиӣ, аз он ҷумла, илми кимиё дар

чомаи башарӣ бузург будааст. Закариёи Розӣ муфассал таомули кимиёро, ки анҷом додааст, тартиб дода, асбобҳоеро, ки дар озмоишгоҳи кимиё истифода карда буд, тасвир кардааст, ки онҳо чунинанд бута (тигел), комагирак (шипци), микроз (қайчӣ), сҳон (сӯян) шишаи ғунҷоишӣ (колба), қиф, ҳован (ўғурча), ҳаммоми обӣ, истакони кимиё ва ғайра. Бута -зарфи гудозиш ва гарм кардани маводи гуногун мебошад. Бутаро аз филиз, графит, чинӣ ё материалҳои маводи муқовими оташ месозанд. Дар он замон ин асбобро барои гарм кардани маводе, ки барои гузаронидани таомули кимиё лозим буд, мавриди истифода қарор медоданд.

Ҳамчунин Закариёи Розӣ тарзи тоза кардан, софкунии моеъ, сӯрохкунӣ, ҳал кардани металл дар симоб (ба даст овардани амалгама, сири оина, омехтаи ягон филиз бо симоб) ва инчунин ҳангоми гарм кардан аз ҳолати ҷомид якбора ба газ табдил ёфтани мода, яъне тасғияҳоро медонист, ки имрӯз онро сублиматсия мехонанд.

Яке аз саҳифаҳои бойтарини таърихи кимиё садаи дуюми исломиро Муҳаммад Закариёи Розӣ ташкил медиҳад, ки ӯ чӣ дар илми кимиё ва чӣ дар илми тиб саҳми босазое гузоштааст. Омӯзиши ғояҳои фалсафии Закариёи Розӣ нишон медиҳад, ки вай назарияи худро дар муҳимтарин ҷараёнҳои фалсафии исломӣ асоснок намудааст. Нисбат ба тамоми кимиёгарони мусулмон Закариёи Розӣ бештар дар масъалаи табдили санъати кимиё ва кимиёгарӣ ба илми кимиё кӯшиш ба харҷ додааст.

Воқеан, Закариёи Розӣ ҳанӯз дар он замон вазнҳои қиёсии маводи гуногунро бо ёрии вазнҳои гидростатикӣ муайян менамуд. Ӯ ба тарзи илмӣ тариқаҳои тоза кардан, софкунии моеъ, сӯрохкунӣ, амалгамасозӣ ва инчунин ҳангоми гарм кардан аз ҳолати ҷомид ба ҳолати дигари агрегатии мода, яъне ба газ табдил ёфтани мода медонист. Ӯ роҷеъ ба барқарор намудани филизот бо роҳи озод намудан аз омехтаҳоро медонистааст. Розӣ китобҳои зиёде эҷод кардааст. Асарҳои ӯ ва корҳои илмию таҷрибавии ӯро бо забонҳои гуногун тарҷума намудаанд. Як қатор олимони Аврупо ба корҳои Закариёи Розӣ баҳои баланд дода, ӯро олим ва донишманди бузург, асосгузори илми кимиё шуморидаанд.

Муҳаммад Закариёи Розӣ олими энциклопедисти барҷаста, файласуф, табиб, омӯзгор, риёзидон, кимиёгар ва табиатшиноси машҳури асрҳои VIII – IX – и форсу тоҷик ба шумор меравад. Осори бойи Закариёи Розӣ аз 164 то 234 номгӯӣ асарҳои хурду калонро ташкил медиҳад. Мероси ба тиб бахшидаи ӯ зиёда аз 60 китобу рисолаҳоро дар бар мегирад. Ба муҳимтарин асарҳои энциклопедии донишманд «Китоб – ул- ҳовӣ» ва «Китоб – ул – тиб ул - Мансурӣ» дохил мешавад. Китоби якум номбаршуда аз 30 ҷилд иборат буда, тамоми шохаҳои тиббӣ – назариявӣ ва амалиро дар бар мегирад. Дар китоби мазкур назария ва қомебиҳои пешқадами илми тибби қадимаи юнонӣ, ҳиндӣ, арабӣ, форсӣву тоҷикӣ, дар навбати аввал таҷрибаи амалии ҳуди ҳаким гирд оварда шудааст. Ин асар соли 1279 ба забони лотинӣ тарҷума ва дар соли 1486 нусхаи ҷопии он дастраси аврупоӣ гардид. Тақрибан ин шоҳасар ба забони лотинӣ боз ду маротиба дастраси табибону донишмандони мамӯликии зиёди ҷаҳон мегардад.

Асари дигари Закариёи Розӣ «Китоб – ул ҷадори вал ҳасба» (китоби нағзак ва сурҳак) бо забони лотинӣ, юнонӣ, англисӣ ва немисӣ тарҷума шуда, 49 маротиба пайи ҳам нашр гардидааст. Закариёи Розӣ доир ба илми кимиё 22 китобу рисола таълиф намудааст. Дар бораи ӯ чунин ривояте мавҷуд аст. Рӯзе шоҳ Закариёи Розиро назди худ мехонад ва ба ӯ мегӯяд. Шумо ҳамчун шахси донишманду табиб бигӯед, ки барои сохтани беморхона чӣ хел ҷой мувофиқ аст? Дар ҷавоби ин савол Закариёи Розӣ чунин фикри хешро баён менамояд: «Ду сутуни дарозро дар ду тарафи ҳамин ноҳия шинонеду баъд аз он ду пора гӯштро ба нӯги ин сутунҳо баста, муддати муайянеро интиҳоб кунед, баъди он гӯштҳоро гирифта муқоиса намоед ва бинед, ки кадоме аз онҳо тез вайрон шудааст, пас дар ҳамон ҷо сохтани беморхона ғайриимкон аст».

Муҳаммад Закариёи Розӣ ба ғайр аз кимиёгар буданаш, ҳамчунин бо маҳорати бузурги тиббӣ ва осори бойи абадзиндаи илмиаш на танҳо дар пешрафт ва раванқи тиббу табиатшиносии олам саҳми ниҳоят бузург дорад, балки ӯ дар таърихи илму маданияти ҷаҳонӣ ҷойи намоёнро ишғол менамояд. Китобу рисолаҳои эҷоднамудаи ӯ ба таълиму тарбияи кимиёгарон, табибон, барои сохтмони табобатхонаҳо, муолиҷаи бемориҳои алоҳида, тартибу ҳуроку об ва дигар мушкилоти барои ҳифзи саломатии инсон зарур бахшида шудаанд. Бояд гуфт, ки дар он замон амалияҳои тиббӣ ба амалияи кимиё алоқаманд буд, бинобар ин асарҳои эҷодшудаи Закариёи Розӣ дар кимиёгарӣ ва тибби имрӯза низ иртиботи қавӣ дорад.

Дар маҷмуъ метавон гуфт, ки Абӯбакр Муҳаммад Закариёи Розӣ аксарияти илмҳои замонашро аз устодаш Ҷобир ибни Ҳайён фаро гирифта худ саромад ва устоди бузурги ин риштаҳои илм гардидааст. Ин дастовардҳои илмии Закариёи Розӣ ба илми Аврупо таъсири назаррас расонида, номи ӯро ба қатори саромадони тамаддуни башарӣ шомил гардонда аст.

АДАБИЁТ

1. Закариёи Розӣ. Мунтахаби осор. – Душанбе: Адиб, 1989. –160 с.
2. Ар-Рози Абу Бакр. Духовная медицина.- Душанбе: Ирфон, 1990 - 88 с.
3. Каримов У.И. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». - Ташкент: Фан, 1957. - 241 с.
4. Девонакулов А. Муҳаммад Закариёи Розӣ. – Душанбе: Ирфон, 88 с.
5. Комилов А.Ш. Физика ар-Рази и Ибн Сины. – М.: МГУ, 1999. – 160 с.
6. Забехуллои Сафо. Таърихи адабиёти Эрон. – Душанбе: Алхудо, 2001.

О ЖИЗНЬ И НАУЧНЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АБУБАКР МУХАММАД ЗАКАРИЁ АР-РАЗИ

Статья посвящена учением известного персидско-таджикского философа, медика, физика, химика и педагога Абубакра ар-Рази о пространстве, времени, материи и атомистике. В средние века, как и в античности, не было дифференциация наука как в современном мире или Европейском средневековье. Поэтому многие ученые одновременно занимались различными вопросами тогдашней науки. Известный в основном как медик, философ и химик ар-Рази особое внимание уделял также различным вопросам физики и педагогики, и его труды сыграли большую роль в становлении и развитие последующий ученых мусульманского Востока и Европы.

Ключевые слова: *Абубакр ар-Рази, медицина, химия, физика, педагогика, гуманизм, нравственность.*

ABU BAKR MUHAMMAD IBN ZAKARIYYA AL-RAZI

The article reveals the problems of various famous Persian-Tajik scholar-scientist Abu Bakr Muhammad Ibn Zakariyya Al-Razi (865-925), known in the world as a doctor, philosopher and chemist.

Particular attention is given to the natural sciences, philosophy, and scientific and pedagogical views. The authors give the generalised characteristic of scientific creativity Abu Bakr Ar-Razi, pertinent questions of physics, natural philosophy, as well as pedagogy from the point of vision of medieval science and culture.

The article has an interdisciplinary character, written at the junction object physics, philosophy and pedagogy in view of the history and techniques of teaching and pedagogical analysis.

In the article some are briefly examined to date issue of the day moral educations of the young generation in the context of philosophical, estestvennonauchnogo and medical view of scientist. This article briefly discusses some relevant today problems of moral education of the young generation in the context of the philosophical views of the scientist.

Keywords: *ar-Razi, physics, pedagogical, medieval, Persian-Tajik Encyclopaedist, space, time, substance, atomism.*

К ВОПРОСУ ОТТОКА РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В КОНЦЕ 80-х НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Ракиб АБУЛХАЕВ,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан
Телефон: 2212093

В статье исследуется обострение военно – политической ситуации в конце 80-х. и начале 90-х. годов прошлого столетия в Таджикистане. Вкратце рассматриваются причины и последствия февральского погрома 1990 г. в городе Душанбе. В связи с этими событиями и приближением гражданской войны русскоязычное население постепенно начало покидать республику. В статье опираясь, на достоверные материалы объективно и взвешено рассматривается процесс оттока русскоязычного населения из Таджикистана.

Ключевые слова: *отток, мигрант, погром, «растохез», распад, конфликты, демократы, интриги, притеснения, нежелательные последствия.*

В конце 80-х годов XXв. демократическая оппозиция стала набирать силы против существующего режима. Появились первые политические группы, как «Рӯ ба рӯ» («Лицом к лицу»), «Ошкоро» («Гласность»), «Растохез» («Возрождение») и т.д. (1).

Горбачёвская «перестройка» до крайности обострила общественно-политическую обстановку, обнажила скрытые пружины предстоящих потрясений. Множество стихийно возникших неформальных объединений и политических партий (Демократическая партия исламского возрождения, общественное движение «Растохез», полит клуб «Ру ба ру» и др.), рвавшиеся к власти, крайне обострили ситуацию в республике, сделав её взрывоопасной.

«Перестройка, задуманная, как мера избавления страны от застойного состояния, превратилась в катализатор ускорения назревавшего политического кризиса в стране. Беловежское соглашение 1991 г. и распад СССР означали бесславный конец пресловутой горбачёвской «перестройки» (2).

Безусловно, одним из самых серьёзных событий мировой истории начала 90-х годов XX в. явился распад Советского Союза и образование молодых суверенных государств. В основе данного исторического процесса, и это сегодня вполне очевидно, лежали как объективные причины экономического, политического, социального и идеологического характера, так и серьёзные просчёты в управлении страной. Разрушение и противоречие в системе народного хозяйства в ряде случаев привели к затяжным вооружённым конфликтам. Таковы негативные итоги, вышедшего из под контроля процесса распада единого государства.(3).

Южные и центральные районы нынешнего Таджикистана, бывшие в составе Восточной Бухары в начале XX в., представляли собой самую отсталую часть в Бухарском эмирате. Влияние городской культуры здесь было не столь велико, доминировала крестьянская общинная традиция. В то же время, в отличие от равнинных, южные горные таджики были раздроблены на локальные субкультуры, такие как Каратегинская (Раштская), Кулябская, Бадахшанская, Курган-Тюбинская и др. Социально-экономическая и культурная стратификация таджикского общества на уровне крупных регионов сохранилась до конца XX в., вплоть до образования суверенного Таджикистана.

В социально-экономическом плане Север республики является также более развитой частью Таджикистана. Уровень жизни здесь был и остаётся выше, чем в среднем по республике, ибо труженики весьма рационально используют своё время в процессе промышленного и сельскохозяйственного производства. В области добывали и сейчас добывают и перерабатывают драгоценные металлы. Северная часть Таджикистана до сих пор лидирует по численности населения. Согласно переписи населения 1989 г., в ней проживало 1 588, 1 тысяч человек. В то же время социально-экономическая ситуация в области на рубеже 80-х-90-х гг. XX в. ухудшалась.

По уровню жизни Куляб значительно отставал от других регионов республики. Высокими темпами шёл естественный прирост населения. За десять лет, с 1979 по 1989 гг. он увеличился на 41% и составил 621,4 тыс. человек. Область давала самый низкий показатель участия трудовых ресурсов в общественном производстве и учёбе с отрывом от производства. Высокие темпы прироста трудоспособного населения постоянно опережали уровень его занятости.

Гиссарская зона, примыкающая к столице и тянущаяся от неё на запад к границе Узбекистана, относительно развитая в промышленном отношении часть Таджикистана. В Гиссарской долине, в г.Турсунзаде (бывший город Регар), возведён промышленный гигант – Таджикский алюминиевый завод. Наряду с хлопком алюминий – главный источник поступления твёрдой валюты в республику.

В ином положении находилась Гармская группа районов или Раштская долина на востоке республики. Эта зона республики бедна выявленными месторождениями полезных ископаемых, хлопок не возделывается. Вначале 90-х гг. население Раштской долины превышало 500 тыс. человек. В крайне тяжёлом положении находилась юго-восточная, соседствующая с Раштской долиной, Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО). Среди всего населения республики в Бадахшане накануне распада Союза ССР был самый низкий уровень жизни по основным показателям. К 1992 г. число безработных там приближалось к 40 тыс. человек. Постепенно выходцы из Бадахшана пробивались в сферы образования, культуры, науки, транспорта, отчасти торговли. С 1990 г. прослеживалось весьма впечатляющее пополнение ими органов Министерства внутренних дел. Сложилась такая ситуация, когда за пределами ГБАО проживало около 180 тыс. бадахшанцев – больше чем в самой области. Население ГБАО составляло 3,1% от всех жителей Таджикистана, но на развитие области направлялось лишь 1,8% от централизованных капитальных вложений. Бадахшан не в состоянии обеспечить себя необходимыми продуктами и товарами. Поэтому ГБАО всегда находилось на республиканских дотациях.

В количественном отношении население районов Вахшской долины, согласно переписи 1989 г., составляло 1046,6 тыс. человек, т.е. более 20% состава всего населения Таджикистана.

Факты свидетельствуют о том, что во второй половине 80-х – начале 90-х гг. в Вахшской долине наблюдались локальные конфликты как между таджиками и другими этносами, так и между самим таджиками из различных районов республики. Шла острая номенклатурная борьба, прежде всего между узбеками, гармскими и кулябскими таджиками за административно-хозяйственные посты всех уровней.

В то же время во второй половине 80-х годов XX века, как раз в условиях горбачевской «перестройки», возрос приток в административно-хозяйственный аппарат представителей южных регионов республики. Здесь следует, на наш взгляд, заметить, что основные определяющие причины вовлечения в руководящие органы некоторых кадров из населения центральных, южных районов Таджикистана заключаются в том, что к этому времени они во всех отношениях стали специалистами и самостоятельно могли управлять государственными и партийными органами местного и центрального значения.

К концу 80-х годов XX в. в нашей республике, накануне распада Союза ССР и краха горбачевской «перестройки», появляются движения, имевшие ярко выраженный националистический характер, выдвинувшие лозунг «Таджикистан для таджиков». Это не могло не настораживать проживающие здесь этносы как русские, украинцы, евреи и др. Естественно, они вполне обоснованно стремились, как можно быстрее, пока еще была возможность, покинуть Таджикистан и найти для себя приемлемое место постоянного жительства и работу в различных отраслях народного хозяйства. Поэтому они искали и готовили себе почву – в случае начала любого инцидента срочно покинуть республику.

В Таджикистане, используя горбачевскую «перестройку», так называемые «демократы» по регионам республики весьма спешно начали создавать различные организации, названия которых вытекали из географических и административных понятий, которые стремились расчлнить единую республику на отдельные регионы, создать в них карликовые правительства и считать себя хозяевами этих районов. Эти так называемые «демократы» тем самым разжигали нездоровые идеи местничества, которые привели к центробежным последствиям и к национальному катаклизму. Так, были созданы такие организации как «Лаъли Бадахшон», «Зарафшон», «Хамдилон», «Истаравшан».

Как показывают некоторые факты и события, в различных регионах республики политическая обстановка начала ухудшаться, и уже было ясно, что скоро начнется какой-нибудь серьезный инцидент, который будет служить поводом миграции и оттока русскоязычных специалистов из Таджикистана.

Миграционные потоки в современном мире достигают внушительных размеров. Политическая и экономическая нестабильность, демографическое давление в странах догоняющего развития, положение на такие факторы, как глобализация рынков труда, обмен

информацией, специалистами, технологиями – все это приводит к тому, что уже к 2005 г. легальные и нелегальные мигранты составили свыше 15% населения в более чем 50 странах.(4).

В Таджикистане главной социальной, экономической и политической причиной для миграционного взрыва и начала массового оттока русскоязычного населения послужили трагические события в Душанбе 11-14 февраля 1990 г. Следует отметить, что в то время таджикскому народу довелось испытать всю горечь политических интриг. До этого схожие события произошли в Баку, Сумгаите, Нагорном Карабахе, Фергане, Тбилиси и т.д.

Трагическому событию февраля 1990 года в столице Таджикистана положил начало несанкционированный митинг утром 11 февраля около здания Президиума Верховного Совета Таджикской ССР.

Несанкционированный митинг 12 февраля примерно к 15 часам превратился в массовые беспорядки, усилился штурм, требовали, чтобы армяне-беженцы были изгнаны из Таджикистана. По оперативным данным на 12 февраля было разбито, разгромлено, сожжено 24 магазина, в том числе ювелирный, «спорттовары» в центре города, продовольственные - в районе площади перед зданием ЦК Компартии Таджикистана, в районе рынка «Баракат» и ряд других объектов. молодчики останавливали машины, развозящие хлеб по торговым точкам, избивали водителей и грабили их.(5).

Это были, в основном, мальчишки лет шестнадцати–семнадцати, в лицах которых можно было наблюдать фанатичную решимость и злобность. Все вместе они образовали стену ненависти и непонимания. Не удалось пробить ее партийным работникам, которые попытались предостеречь, образумить, разъяснить.

Февральские события разделили население Таджикистана, его интеллигенцию, особенно поэтов, писателей, журналистов, ученых, общественно-политических деятелей на противоположные стороны в оценке одних и тех же явлений. А все это началось с оценки несанкционированных митингов. Для одних, участники беспорядков – народ, совершивший революцию, проявление борьбы добра против зла, противостояние демократии против реакции. Для других, наоборот, характерны диаметрально противоположные оценки и позиции. Как уже отмечалось, 12 февраля буквально с раннего утра беспорядки продолжались, с новой силой они охватили практически весь город. Наиболее активные участники митинга – члены организации «Растохез» - начали формировать так называемый представительный орган, «Временный комитет», функции которого заключались в передаче партийному и советскому руководству республики требований, ультиматумов с площади. Из толпы выкрикивали имена тех, кто должен войти в состав «Временного комитета», получившего официальное название «Комитет 17-ти» по числу его членов.(6).

Основным требованием митингующих было не допустить в республику армян, беженцев из Закавказья.

В результате февральских событий Таджикистану было нанесен большой материальный и моральный ущерб. Всего в беспорядках 11-14 февраля пострадало 565 граждан. Огнестрельные ранения получили 136 человек, ножевые – 88, госпитализировано – 188, убито – 25.(7).

Кроме того, серьезный урон понесло народное хозяйство Таджикистана. Всего было повреждено, сожжено, уничтожено и разграблено более 100 объектов торговли, государственных учреждений, более 20 единиц государственного и личного транспорта. Ущерб составил 51 млн. советских рублей.(8).

В этот период во многих городах и промышленных районах республики русскоязычные специалисты планировали отъезд из Таджикистана и находили для себя соответствующие места жительства и работы за пределами республики, преимущественно в Российской Федерации. По этому поводу тогда на страницах СМИ, по радио и телевидению была опубликована и сообщена информация, велась усиленная разъяснительная работа, чтобы русскоязычное население не покидало место жительства и работы и не уезжало из Таджикистана.

В нашем расположении имеются достаточно достоверные факты, которые свидетельствуют о стремлении русскоязычного населения, несмотря на то, что долгие годы плодотворно работали, без всякого национального ущемления и притеснения проживали в Таджикистане, скорее без всяких эксцессов покинуть республику и обосноваться в РФ и других бывших Советских республиках.

К примеру, историю одного из старейших промышленных предприятий -трансформаторного завода - можно без преувеличения считать историей становления города Курган-Тюбе. Как завод по ремонту сельхозмашин он был основан на базе ремонтных мастерских «Вахшстроля» в начале

30-х годов XX века. В начале 60-х годов заводу предстояло полностью сменить профиль – освоить выпуск трансформаторов. С этой сложнейшей задачей интернациональный коллектив, воспитанный на добрых традициях вахшстроевцев, блестяще справился. Причем в кратчайший срок. На заводе работало немало рабочих династий, общий стаж которых берёт начало в предвоенные годы.

После февральских событий инструментальщик Эдуард Меджидов отработывал свои последние рабочие дни. Все у него было готово к отъезду в город Изобильный Ставропольского края. Он вырос в Курган-Тюбе, где жил с 1949 года. Кроме него во второй половине февраля 1990 г. в связи с переездом уволилось с завода 12 человек. Это было начало оттока русскоязычного населения с этого крупного трансформаторного завода в центре Вахшской долины.

Слухи о февральских событиях в Душанбе и страшном погроме со стороны малограмотных и вообще безграмотных озверевших подростков распространились молниеносно по всей территории республики и ее пределами.

В первые десять дней после погрома у заводских ворот во время перемены, руководством завода регулярно проводились беседы с рабочими и инженерно-техническим персоналом. И в ходе беседы доказательно опровергались всякие беспочвенные, порою провокационные слухи, и людей призывали к спокойствию, чтобы трансформаторный завод бесперебойно работал и давал для народа необходимую продукцию. Видно было из психологии людей, что у них появилось чувство недоверчивости к подобной разъяснительной работе, и все постепенно приготавливали почву для своевременного ухода из республики, чтобы более безопасно жить и работать в других стабильных республиках, и конечно, прежде всего в РФ.

В период февральского погрома и после этого нежелательного инцидента трансформаторный завод не единственное предприятие, где наметился отток инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих, преимущественно русскоязычных. Граждане города Душанбе буквально осаждали бюро по трудоустройству населения города. Эти напуганные люди усердно просили бюро предоставить благоприятные условия для скорейшего выезда за пределы республики. А работники бюро принимали людей до позднего вечера. Так, только во второй половине февраля 1990 г. было зарегистрировано 535 заявлений. Люди просили оказать содействие в выезде в Орловскую, Курскую, Калининскую, Ярославскую, Костромскую и другие области РФ.(9).

Специальный корреспондент тогдашней газеты «Коммунист Таджикистан» С.Мирзорахматов брал интервью у секретаря партийной организации Курган-Тюбинского трансформаторного завода Толибжана Хакимова по поводу оттока русскоязычного населения, который в частности отмечал: «Большинство из тех, кто подал заявления о выезде - люди с нужными специальностями. Это инженеры-экономисты, авиамеханики, слесари, ремонтники, сварщики, фармацевты. Если произойдет массовый отток, то многие промышленные предприятия и строительные организации окажутся в затруднительном положении». Мы много говорим о создании новых рабочих мест. Но чем объяснить такой парадоксальный факт – только в строительных организациях Курган-Тюбе не хватает примерно 600 рабочих? Вот одна из главных причин хронического отставания в строительном комплексе. При строительном росте трудовых ресурсов постоянно ощущается нехватка высококвалифицированных рабочих и на швейной фабрике имени 50-летия СССР».(10).

Как показал исторический опыт, процесс постепенного спада производства в различных отраслях народного хозяйства в Таджикистане главным образом связан с оттоком русскоязычного населения, а также некоторых специалистов из коренного населения. Прежде всего, подобный спад можно было наблюдать на основных промышленных предприятиях столицы республики, таких как Душанбинский текстильный комбинат, где ранее трудилось более 15 тыс. рабочих, Таджиктекстильмаш, Масложиркомбинат, Цемзавод, Таджикгидроагрегат и других предприятиях.

Большинство русскоязычного населения, которое в основном проживало в промышленных и культурных центрах республики, после февральских событий, оценивая политическую обстановку весьма серьезно, решило покинуть Таджикистан. Многие из тех, кто уехал в другие перспективные регионы бывшего Союза ССР, никогда, ни при каких обстоятельствах не испытывали никакой национальной дискриминации в государственной политике. На протяжении десятилетий все народы и нации, которые находились в Таджикистане, весьма дружно и братски работали и жили в республике. До этого не было межнациональных конфликтов. Недоверие между нациями и народностями появилось именно после февральских событий. Причина недоверия

заклучалась в том, что между людьми появилось недружественное, весьма сомнительное отношение именно по отношению к так называемым «демократам», которые ради достижения своих выгод, любым путем и методом хотели дестабилизировать общественно-политическую обстановку. Эти «демократы» своими скрытыми действиями хотели нарушить общий дом многонационального народа, проживающего долгие годы в обстановке дружбы и взаимопонимания. Об этом свидетельствуют следующие яркие примеры. На основе опроса общественного мнения, проведенного центром социологических исследований Душанбинского горкома партии, при участии научных сотрудников отдела философии АН Таджикской ССР, большинство трудящихся столицы (94%) дали крайне негативную оценку трагическим февральским событиям. Причем 85% опрошенных людей считали, что это была запланированная акция с целью дестабилизации политической обстановки в республике.(11).

Самую большую заинтересованность в обострении межнациональных отношений опрошенные связывали с частью руководителей, которая идейно и морально разложилась (27,2%). Второе место отводилось националистически настроенным кругам (17,1%), затем числились неформальные организации (15,5%). За ними следовали реакционное духовенство (12,4%) и представители теневой экономики (11,3%).

Несмотря на тревожное состояние людей по поводу межнациональных отношений 59,3% опрошенных выразили твердое решение – продолжать жить в республике. Однако, оставался высоким (более 40%) процент желающих или колеблющихся переехать в другой регион.(12).

В основе начавшегося в конце перестройки социально-экономического кризиса, и в связи с этим больших и судьбоносных политических преобразований в бывших республиках Союза ССР, стоял этнический принцип. Приоритетное развитие титульной нации и введение государственного языка во всех действующих организациях и учреждениях, в связи с этим определенные ограничения и притеснения русскоязычных граждан, вызвали обострение межнациональных отношений. Это обстоятельство естественно вынудило многих представителей некоренного населения покинуть места своего постоянного проживания и выехать в поисках более безопасных условий жизни в другие места бывшего Союза.

Накануне распада Союза ССР в Таджикистане имелось уже вполне сформированная интеллектуальная интеллигенция, которая по примеру цивилизованных стран стремилась создать суверенную республику и установить демократические институты, отвечающие требованиям современного общества. С ростом национального самосознания у представителей таджикской интеллигенции появились партии, различные общественные движения, которые координировали деятельность с международными мусульманскими организациями. Некоторые лидеры (особенно религиозные) межэтнических и межклановых движений усиливали антирусские настроения, которые постепенно оказывали психологическое воздействие на формирование вынужденных мигрантов не титульных национальностей. Следует особенно акцентировать то обстоятельство, что миграция населения главным образом возросла после требований части интеллигенции установить в Таджикистане в качестве государственного – таджикский язык, объявить государственный суверенитет, сменить власть, распространить исламизацию в масштабах государства. Особенно в этом требовании отличались ученые – представители общественных наук, которые считали, что республика только выигрывает, став суверенным государством. Именно первый этап оттока русскоязычного населения Таджикистана из республики в другие регионы бывшего Союза ССР, начинается с принятием в 1989 г. таджикского языка как государственного.

Как известно, республика Таджикистан является многонациональным государством, граничащим с мусульманскими странами: на севере, западе и востоке с Республикой Узбекистан и Республикой Афганистан. Географическое положение республики влияло на формирование миграции населения из республики: Ферганские события (1990 г.) с изгнанием турок – месхитинцев из Узбекистана, а также события в Оше (Кыргызстан) вызвали всплеск оттока русскоязычного населения из Таджикистана. Вмешательство во внутренние дела Таджикистана извне, со стороны южных исламских государств, в которых стали проходить военное обучение посланцы оппозиции таджикскому правительству, привело к межэтнической миграции.(13).

Как уже было отмечено, дестабилизация в общественной жизни Таджикистана коренным образом началась, именно после февральских событий 1990 г. Поэтому с этого времени в республике начинается интенсивный этап оттока русскоязычного населения в другие республики бывшего Союза ССР, преимущественно в РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мирзоев Г.Р. Гражданская война в Таджикистане в начале 1990 годов: причины возникновения: журнале Отечественная история (РАН), №5, 2004, с.114.
2. Хайдаров Г.Х. История таджикского народа XX века. Худжанд, 2001. С. 335.
3. Махмадали Джалилов. Международные отношения парламента Республики Таджикистан в годы национальной независимости и политического суверенитета (1991-2000 гг.). Душанбе, «Эчод», 2005, с.11.
4. Еремеева Л. Миграция в Центральной Азии: закономерности и особенности. В журнале: Азия и Африка. №6, 2005, с.23
5. «Народная газета», 10 февраля 2010 года.
6. «Народная газета», 10 февраля 2010 года.
7. «Народная газета», 5 февраля 2003 года.
8. «Коммунист Таджикистана», 15 марта 1990 года.
9. «Коммунист Таджикистана», 15 марта 1990 года.
10. «Коммунист Таджикистана», 15 марта 1990 года.
11. Журнал «Коммунист Таджикистана», №5, 1991, с.17.
12. Кобилова С. Февральские события 1990 г. в Таджикистане. Худжанд, 2007. С. 75.
13. Хвалебнова А.А. Вынужденная миграция население Таджикистана: особенности, последствия, регулирование. М., 2004, с.8.

RUSSIAN-SPEAKING POPULATION OUTFLOW FROM TAJIKISTAN IN THE LATE 80'S AND EARLY 90-IES OF THE XX CENTURY

Rakib ABULHAEV,

The article investigates the aggravation of the military - political situation in the late 80s. and early 90's. the last century in Tajikistan. Briefly discusses the causes and consequences of the February 1990 massacre in the city of Dushanbe. In connection with this event, and the approach of the Civil War Russian-speaking population gradually began to leave the republic. The article based on authentic materials objectively weighed and considered the process of outflow of the Russian-speaking population of Tajikistan.

Keywords: *outflow, migrant pogrom "Rastokhez" disintegration, conflict, Democrats, intrigue, harassment, unwanted effects.*

ОПЫТ ПРОШЛОГО В АРХИТЕКТУРЕ ТАДЖИКИСТАНА 30-90-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Рустам МУКИМОВ,

доктор архитектуры, профессор, главный научный сотрудник отдела теории и истории искусств
Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики
Таджикистан пр. Рудаки- 33, 734025 , г. Душанбе, Республика Таджикистан
эл. почта mukimovr@mail.ru тел.: (+992) 231-65-29

Салия МАМАДЖАНОВА,

доктор архитектуры, профессор Таджикский технический университет имени академика
М.С.Осими пр. им. акад. Ражабовых, 10а, 734042 , г. Душанбе, Республика Таджикистан
тел.: (+992) 907-987-858

Авторы статьи анализируют опыт прошлого Таджикистана в 30-90-х годах XX века на примере города Душанбе. Зодчество столицы Таджикистана в целом как в зеркале отражает проблемы архитектуры всей республики. Именно здесь можно выявить преемственное развитие традиций во всей истории города.

Ключевые слова: архитектура, традиция, преемственность, архитектурное наследие, ассоциативное восприятие, история, строительное производство.

Вопрос, который хотелось бы обсудить в настоящем очерке, помимо полемического раскрытия проблемы предусматривает и конкретный анализ опыта прошлого зодчества Таджикистана за последние шесть десятилетий Советской власти, т.е. 30-90-е годы XX века. Здесь наиболее ярким примером может служить развитие города Душанбе, архитектура которого во многом определяла и продолжает определять архитектуру всей республики. Говоря об опыте прошлого зодчества Душанбе за последние семь десятилетий (если отсчет вести с 20-х годов, когда он стал столицей Таджикистана) может возникнуть вопрос: всегда ли преемственность существовала на всем протяжении истории архитектуры этого города? Действительно, преемственность традиций - это одно из важных категорий развития зодчества на всем его истории. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть архитектурное наследие и традиции в одном из районов Южного Таджикистана - Гиссарской долине¹. Однако безвестные зодчие не думали конкретно о понятии "преемственность традиций", она была заложена в сущности их профессиональной деятельности.

Отсутствие специальных учебных заведений по архитектурному образованию с лихвой компенсировалось, например, цеховой организацией строительного производства в средние века, где накопленный положительный опыт передавался из поколения в поколение, иногда в виде семейных или цеховых секретов². Передача этого опыта в процессе строительной деятельности и была преемственностью традиций в конкретных условиях региона. После же Октябрьской революции 1917 года все приходилось начинать сначала - осваивать новые строительные материалы (цемент, жженный кирпич нового русского образца, а также стекло, металл, фанера и т.п.), строительные приемы и возведения зданий, новые типы зданий и сооружений, принципы градостроительства и многое другое³.

Последнее весьма сильно отличалось от установившихся вековых строительных приемов и традиций и поэтому говорить о какой-либо преемственности в первые годы становления архитектуры Душанбе не приходится. Со временем архитекторы (в основном приезжие, т.к. своих пока не было) убедились, что импортированный ими метод строительства и градостроительства в условиях жаркого климата, высокой сейсмичности и просадочности грунтов становится непригодным, особенно при создании массовой и многоэтажной архитектуры. Именно в этот период (для Душанбе и других городов Таджикистана это начало 30-х годов) возникает вопрос: а как приспосабливались местные мастера к названным специфическим условиям? Вот здесь и

¹ Каримов Р. Душанбе // Гиссарская долина. - Душанбе, 1987. - С. 14-23.

² Рузиев М. Народные умельцы. - Душанбе, 1983. - С. 14-20.

³ Веселовский В.Г., Мукимов Р.С., Мамадназаров М.Х., Мамаджанова С.М. Архитектура Советского Таджикистана. - М.: Стройиздат, 1987. - С. 61-64.

появляется в советской архитектуре Таджикистана, в том числе в его столице, понятие необходимости преемственности прогрессивных традиций зодчества прошлого.

Следует учесть то обстоятельство, что Душанбе в рассматриваемый период был небольшим городом, где гражданская война не оставила в сохранности какие-либо крупные сооружения. А население в основном было пришлым, связанным с установлением в 1925 году здесь столицы молодой союзной республики. Иное положение было в относительно крупных древних городах Худжанде, Ура-Тюбе (Истаравшане), Исфаре, где и после Октябрьской революции существовали небольшие цеховые организации строительно-художественного производства, сохранявшие свои традиции. Например, в Худжанде, согласно данных архива, в начале 20-х годов было 500 человек, занятых строительным делом, в том числе мастера по кладке и штукатурке стен (гилькор), по плотничным работам (дуредгар), столяры, резчики по дереву, алебастру и другие, объединенные в несколько десятков мастерских-цехов¹.

После революции многие народные мастера активно приняли участие в новом строительстве Советского Таджикистана с использованием древних традиций своего искусства. Среди них можно назвать резчика по ганчу Муминджана Бабаджанова, Мамура Каримджанова, Наима Аминова, Юсуфа Курбанова, наккоша Абду-Наби, дуредгара Махмуда Аюбова и других, которые строили не только жилые дома, но и клубы, чайханы, дома культуры, читальни, бани, мечети и многие сооружения в городах и селениях Северного Таджикистана². Так что, преемственность традиций в древних городах республики была непрерывной и закономерной.

Поэтому-то мы отметили в архитектуре Душанбе имеющийся отрыв от наследия прошлого, вызванный рядом объективных обстоятельств, приведенных выше. Уже на первой республиканской конференции архитекторов Таджикистана, прошедшей 1-2 марта 1936 года в городе Душанбе, стали обсуждать вопросы использования национальных форм и традиций в архитектуре. А первый опыт обобщения исторического наследия Таджикистана был сделан в докладе Х.З.Гаировой на I Всесоюзном съезде советских архитекторов в Москве в июне 1937 года. В частности, здесь было подчеркнуто, что богатое художественное наследие дошло до нас, "...ожидая не в той или иной своей части, в работе творческого коллектива архитекторов Таджикистана". В тоже время в докладе прозвучали также противоречащие высказанным, слова, что "...наше наследие -архитектура эпохи феодализма, эпохи рабства ... архитектура в основе своей чуждая нам, архитектура эпохи, диаметрально противоположной нашей". Далее говорилось о серьезной ошибке, когда "архитектура своей резкой спецификой, своими формами с первого взгляда претендующая на национальность, подкупаяще соблазняя творческую мысль", выдается за архитектуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию, в то время как она механически переносит чуждую по форме и содержанию архитектуру в советскую действительность.

Основное место в докладе занял анализ перспектив архитектуры Советского Таджикистана: «...Молодая республика, бурно расцветающая на рубеже капиталистического Востока, Социалистический Таджикистан требует архитектуры, которая по своей стилиевой природе, своей выразительностью форм и элементов, в сочетании с лучшими национальными чертами и особенностями быта, климата и культуры таджикского народа, правдиво отобразила бы великую эпоху: архитектура национальная по форме и социалистическая по содержанию, где содержание и форма монистичны, где каждый архитектурный элемент - форма и деталь - своей выразительностью говорят о сути содержания, оттеняя национальную, подлинно народную культуру Таджикистана... Архитектура, где логично, правильно решенный план, архитектурно выраженные формы и образы с резонной и экономической конструкцией, где техника архитектурно освоена»³.

В целом, произведенные выдержки из доклада представителя Таджикистана на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов отражают подход архитекторов республики, в особенности города Душанбе, к проблеме освоения наследия на начальном этапе формирования архитектуры. И здесь, судя по архитектурной практике тех лет, сказались два встречных процесса: рост национального самосознания и в связи с этим потребность опереться на достижения

¹ Турсунов Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX- начала XX вв. - Душанбе, 1976. - С. 91-100.

² Воронина В.Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. - М.: Госстройиздат, 1959. - С.67-90; Рузиев М. Искусство таджикской резьбы по дереву. - Душанбе, 1976. - С. 97-113; Он же. Народные умельцы, с.36-66; и др.

³ Союз архитекторов Таджикистана: история становления. /Авторы-составители С.Мамаджанова, Р.Мукимов. - Душанбе: ООО «Базис Принт», 2012. - С. 78-79.

национальной культуры прошлых эпох; развитие принципиально новой социалистической культуры, ее противопоставление культуре феодализма, где архитектура должна быть национальной по форме и социалистической по содержанию. Оба эти процесса определили характер освоения наследия прошлого зодчества Душанбе в первой половине 30-х годов.

Правда, особые специфические условия столицы республики в конце 20-х - начале 30-х годов не позволили проявиться в архитектуре обеих процессов. Сооружения этого периода просто не сохранились до наших дней и о них нет никаких письменных сведений, хотя, судя по фотографиям тех лет в городе строились в основном одноэтажные невзрачные постройки без каких-либо своеобразных черт¹.

Второй процесс развития новой социалистической архитектуры оставил в Душанбе свои следы в виде немногочисленных зданий, образ которых был навеян влиянием конструктивизма (например, здания Наркомзема, Главпочтамта, Коммунального банка, двухзального кинотеатра и др.). Вторая половина 30-х начала 40-х годов в архитектуре Душанбе характеризуется попыткой соединения форм национальной и классической европейской архитектуры, которая была признана советской архитектурной теорией как наиболее верное направление. В начале этот поиск осуществлялся в проектах легких деревянных, но монументализированных павильонов Центрального пионерского парка культуры и отдыха (арх. С.Анисимова, Госпроект, 1936 г.), а затем сельскохозяйственной выставки 1937 года Таджикской ССР (архитекторы С.Кутин, С.Анисимов, Р.Рудовская, А.Покровский, инженеры М.Карадумов, А.Рекант, АППУ НККХ Таджикской АССР, 1936 г.)². Архитектура этих сооружений в миниатюре повторяла облик павильонов Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в Москве 1923 года (арх. И.Желтовский при участии арх. Н.Колли), построенные в духе упрощенной классики и эклектики. К сожалению, об этих зданиях сохранилась только одна фотография большого главного павильона сельскохозяйственной выставки, возведенного на территории нынешнего парка им. «Боги устод Рӯдакӣ» в центре города Душанбе.

С этого периода классика стала трактоваться как универсальный язык, а ее сочетание с национальными элементами воспринималось как решение проблемы национальной формы интернациональной в своей основе архитектуры

Первую попытку найти образ крупного общественного здания Душанбе сделала группа ленинградских и местных архитекторов и художников под руководством профессора А.А.Юнгера. Они создали проект театра оперы и балета, строительство которого началось в 1939 году. Трагедия его архитектуры выразила ход мыслей, архитектурную направленность, которая господствовала среди архитекторов, приехавших в Душанбе в конце 30-х годов и искавших создание новой социалистической архитектуры. В частности, композиция главного фасада была решена с использованием колоннады крупного ионического ордера, поставленной на высоком стилобате. В элементах ордера, оконных обрамлениях, решетках, ограждении кровли, лестниц использованы мотивы таджикского орнамента. Еще шире это сделано в интерьере здания, где можно увидеть резьбу по ганчу и декоративную роспись, выполненные художником С.Е.Захаровым.

Одновременно рядом с театром, с южной стороны образовавшейся театральной площади, ныне площади имени 800-летия Москвы, строится трехэтажная столичная гостиница "Вахш", в облике которой также нашли отражение приемы европейского зодчества прошлых веков с применением на фасадах и в интерьере элементов таджикского орнамента (арх. А.Антоненко, инж. Д.Грекова, Таджикгоспроект, 1939 г.). И эта тенденция отражения в архитектуре синтеза классической архитектуры и национального декора, зародившаяся во второй половине 30-х годов, стойко сохранялась на протяжении двух десятилетий и получила особый размах в послевоенные годы. Например, эту выделенную тенденцию могут охарактеризовать здания Педучилища на 740 мест (арх. А.Покровский, инж. А.Рекант, Таджикпроект, 1938 г.), педагогический институт (архитекторы Д.Билибин, Г.Стрекалов, инж. Э.Ичаджик, АППУ НККХ Таджикской АССР, 1937 г.), кинотеатр "Юбилейный" (ныне "Ватан") на 200 мест (привязка типового проекта 1939 г., Союзкинопроект, арх. Калмыков, Таджикгоспроект, 1940 г.), строительный техникум (арх. Ю.Цветков, Госпроект, 1936 г.), комплекс сельхозтехникума и сельхозшколы (арх. А.Покровский, Таджикгоспроект, 1940 г.), Дом правительства (арх. С.Анисимов, инж. Н.Рекант, Таджикгоспроект, 1940 г.) и др. Из послевоенных объектов следует назвать Государственную республиканскую библиотеку им. Фирдоуси (арх. С.Анисимов, скульптор Е.Татарина, инж.

¹ Веселовский В.Г., Гендлин Д.Д. Архитектура Советского Таджикистана. - М.: Стройиздат, 1972, фото на с.30.

² Центральный Государственный архив, отдел общих фондов, ф.408, оп.6, д.989, ф.408, оп.6, д.1000; и др.

Е.Барсукова, *Таджикпроект, 1953 г.*), 60-ти квартирный жилой дом на пересечении улиц Айни и Лахути (арх. П.Кузьменко, инж. Э.Ичаджик, *Таджикпроект, 1954 г.*), Дом колхозника (арх. Б.Никоро, инж. Бородай, *Таджикпроект 1951 г.*), кинотеатр им. 8-го Марта (арх. А.Бабаханов, *Таджикпроект, 1952 г.*), Дом культуры, ныне театр им. А.Лахути (арх. А.Бабаханов, *Таджикпроект, 1952 г.*), Гидротехникум, затем историко-краеведческий и изобразительных искусств музей им. К.Бехзода (арх.А. Кнопмус, *Таджикпроект, 1949-1950 гг.*) и многие другие.

Активное применение принципов архитектурной декорации в таджикском народном зодчестве вызвало внимание к изучению архитектурно-художественного наследия с целью освоения лучших образцов в архитектуре жилых и общественных зданий. В этом отношении следует назвать альбом рисунков резьбы по дереву, стальных росписей в мечетях и жилищах, подготовленных в 1945 году архитекторами Д.Билибиным и В.Пясковским¹. В 1957 году издается альбом "Архитектурный орнамент Таджикистана", подготовленный архитектором Х.А.Юлдашевым². В этот период также проводятся научные исследования в области систематизации архитектурного декора. В частности, в 1955 году в Ленинграде защищает диссертацию В.Н.Пясковский по теме "Деревянная пластика в народной архитектуре Северного Таджикистана" и др. Следует отметить, что освоение наследия в русле творческой направленности советской архитектуры было в то же время неотделимо от процесса нарастания интернационалистических тенденций в жизни общества. Менялось в связи с этим и содержание понятий национального и интернационального в архитектуре, стала глубже осознаваться их сложная диалектическая взаимосвязь. Правда, такое осознание пришло далеко не сразу.

В архитектурной практике Душанбе рубежа 50-х и 60-х годов проблема освоения наследия зачастую игнорировалась, упрощалась, больше обращалось внимание на освоение утилитарно-функциональных особенностей традиций архитектуры, связанных с созданием микроклимата, экономичного использования территории, типизацией и т.п. (например, работа архитекторов Г.В.Соломина и Н.В.Головиной в ГПИ "Таджикгипрострой" над проблемой архитектурно-планировочной организации первичных жилых образований)³.

Постепенно в 60-х годах архитектура Душанбе переходит к следующей ступени в освоении наследия - к условно-декоративному использованию форм традиционной национальной архитектуры (например, стрельчатая арка, геометрический орнаментальный узор, исполненный в виде железобетонной панели ограждений), приспособленная к условиям индустриального производства, особенно в крупнопанельном домостроении.

Разумеется, такая новая модификация использования архитектурного декора не позволила полноценно решить художественно-эстетические проблемы зодчества. Так, например, строительство 46-го экспериментального микрорайона с типовыми домами и общественными узлами обслуживания так и остались серой однообразной массой домов, хотя фасадные панели лоджий имели различный орнаментальный рисунок.

И только в середине 70-х годов в Душанбе стали появляться сооружения (в основном общественного назначения), где заметны тенденции принципиально нового подхода к освоению традиций прошлого, а именно поиск глубинных корней национального зодчества, позволившие установить синтетическую связь с традициями прошлого (например, дворец Профсоюзов, Дом дружбы и др.). Эта тенденция поиска глубинных корней национального зодчества активизировала и научные исследования в области истории архитектуры Таджикистана. В частности, в 1976 году защищает диссертацию М.Мамадназаров на соискание ученой степени кандидата архитектуры⁴, в 1980 году народному зодчеству горного региона Северного Таджикистана посвящает свою кандидатскую диссертацию архитектор Р.Мукимов⁵. Увеличились публикации по проблемам использования архитектурного наследия Таджикистана в современной архитектурной практике, в проектных институтах стали чаще разрабатывать экспериментальные проекты с использованием прогрессивных традиций прошлого⁶.

¹ Центральный Государственный архив, отдел общих фондов, ф.108, оп.4, д.31.

² Юлдашев Х.А. Архитектурный орнамент Таджикистана. /Альбом. - М.: Госстройиздат, 1957. - С.26, 192 отд. листов ил.

³ Веселовский В.Г., Гендлин Д.Д. Архитектура Советского Таджикистана, с.74-75.

⁴ Мамадназаров М.Х. Архитектура народною жилища Западного Памира и его современная модификация. -Дисс... канд. архит. - Л., 1977.

⁵ Мукимов Р.С. Народная архитектура Верхнего Зеравшана (XIX-начало XX вв.). -Дисс... канд. архит. -М.,1980.

⁶ Головкин Н.И., Мукимов Р.С. Проблемы сельского жилищного строительства в Таджикистане // Жилищное строительство. - 1981. - М. - № 8. - С. 12-13; Они же. Для таджикского села // Жилищное строительство. - 1985. - М. - № 8.

Таким образом, мы вновь подошли к той проблеме поиска национального в архитектуре Душанбе, с которого начали разговор в начале нашей статьи. Каков будет следующий этап освоения наследия прошлого предугадать трудно, хотя мы постарались выделить наиболее возможные пути поиска национального своеобразия в облике зданий. Удачные, на наш взгляд, примеры в городах и селах в республике уже есть, но есть и явные промахи (хотя бы противоречивая архитектура чайханы в парке Дружбы народов 6-го жилого района Душанбе). Наверное, нет необходимости завершать начатый разговор и поэтому оставим его как есть с его неясностями и полемичностью характера. Время рассудит нас, как мы уже пытались разобраться в практике последнего десятилетия XX века. Да и нет необходимости определять пути развития архитектуры республики. Пусть этот путь будет длителен с его разными подходами и решениями. В этом, очевидно, сущность всей архитектуры - постоянно искать и совершенствоваться.

ОПЫТ ПРОШЛОГО В АРХИТЕКТУРЕ ТАДЖИКИСТАНА 30-90-Х ГОДАХ XX ВЕКА

**Рустам МУКИМОВ,
Салия МАМАДЖАНОВА**

Аннотация

Авторы статьи анализируют опыт прошлого Таджикистана в 30-90-х годах XX века на примере города Душанбе. Зодчество столицы Таджикистана в целом как в зеркале отражает проблемы архитектуры всей республики. Именно здесь можно выявить преемственное развитие традиций во всей истории города.

Ключевые слова: архитектура, традиция, преемственность, архитектурное наследие, ассоциативное восприятие, история, строительное производство.

PAST EXPERIENCE IN THE ARCHITECTURE OF TAJIKISTAN IN THE 30-90-IES OF THE 20TH CENTURY

**Rustam MUKIMOV,
Saliya MAMADJANOVA**

Annotation

The authors of the article analyze the past experience of Tajikistan in the 30-90-ies of the twentieth century on the example of Dushanbe city. The architecture of the capital of Tajikistan in whole as in the mirror reflects the problems of architecture of the whole country. This is the place where you can identify the successive development of traditions in the entire history of the city.

Keywords: architecture, tradition, continuity, architectural heritage, associative perception, history, building production.

1- С. 10-11; Мамаджанова С. Национальные традиции в архитектуре общественных зданий Душанбе // Архитектура и строительство Узбекистана. - 1990. - Ташкент. - № 10. - С.6-7; и др.

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Лариса ДОДХУДОЕВА,

доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан
Душанбе, пр. Рудаки- 33,734025, Республики Таджикистан
эл. почта logasdodo@rambler.ru, тел.(+992) 221 37 42

Автор статьи рассматривает творческую судьбу Народного художника Таджикистана Ашура Карабоевича Хайдарова, который стал жертвой идеологических репрессий в конце 40- гг. XXв.

Ключевые слова: *художник, история, репрессии, НКВД, Карлаг, «ленинградское дело», творчество, картина*

Так называемые массовые идеологические репрессии в истории Средней Азии и Казахстана в 40-х и в начале 50-х гг. XXв. были связаны с «реформами» на идеологическом фронте в области науки, литературы и искусства. Национальной интеллигенции вменяли в вину «буржуазный национализм», и многие из них были отправлены в различные структуры Гулага (Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений, 1930–1960). Особо опасную силу в создании «нежелательной атмосферы» усматривали в бывших военнопленных, вернувшихся из-за границы и в родственниках эмигрантов. Чистки в этот период носили избирательный характер. Как правило, о большинстве дел в то время почти никто ничего не знал, ходили лишь слухи об арестах и расстрелах. Целью идеологических репрессий было предупредить, дисциплинировать массы на примере наказания отдельных лиц.

Жертвой этой волны несправедливых обвинений стал Ашур Карабоевич Хайдаров(1916-1998гг.), один из основоположников таджикской национальной школы живописи, яркий представитель стиля социалистического реализма. 20 августа 1941 он ушел на фронт, а в 1942г. попал в плен и находился в лагерях Польши и Германии. В 1944г. бежал и воевал в отряде 1-ой Украинской партизанской дивизии им. Ковпака под командованием П. Вершигоры, затем партизанского отряда им. Буденного под командованием И. Яковлева.

Жизнь А.К. Хайдарова, уроженца Самарканда, была до предела напряжена, собрана в тугой энергетический узел, поскольку он формировался как творческая личность в вихревом потоке зарождения советской власти в Средней Азии, диалога искусств Востока и Запада. В 20-30х гг. XXв. менялось все в традиционной культуре таджиков, складывались новые эстетические принципы. Искусство стало одной из главных движущихся сил общества, средством пропаганды новой коммунистической идеологии.

С раннего возраста Хайдаров оказался в эпицентре всех происходящих в стране перемен, сам стал активным их участником. В его творчестве нашла отражение острая проблематика искусства переходного периода начала XXв., в котором сосуществовали глубокая связь с традициями и смелое их отрицание, возвышенная романтика и государственный заказ в виде нормативной эстетики, пропаганды. Для него, как и для многих художников советской эпохи, социальные проблемы истории постепенно приобретали первостепенное значение.

В ранней юности у будущего художника обнаружили способности к рисунку и живописи. Вопреки желаниям деда и отца, которые мечтали приспособить сына к «коммерческим делам», мальчик окончил Самаркандское художественное училище, где обучение было основано на пристальном изучении природы. В тот период, искусство встало на рельсы соцреализма, была весьма важна связь с российской культурой, поскольку именно она определяла направленность нового искусства и являлась своего рода образцом для подражания.

А.К. Хайдаров жил в эпоху перемен и был современником эпохальных исторических событий, благодаря чему в будущем ему никогда не придется искать темы для своих исторических работ - они остались навечно в его памяти. В древнем центре таджикской культуры Самарканде, столице в то время Узбекской ССР, в которую входила до 1929г. Таджикская АССР, активно кипела художественная жизнь. Здесь в 1918г. возникла первая Коммуна художников. Русские мастера, приехавшие на Восток, искали новые темы, спешили модернизировать принципы европейской школы живописи. В Бухаре развивалась своя ветвь плакатного искусства, которую представляли В. Уфимцев, Н. Никитин, в Ташкенте - В. Солодов, А.Рождественский, Усто Мумин, в Самарканде - А. Бурэ, А. Патрашкин, Е. Бурцев. Судьба была необычайно благосклонной к Хайдарову. Она свела его со многими выдающимися деятелями русской культуры этого времени. Достаточно сказать, что его педагогами в художественном училище были П.Беньков, Л.Бурэ, П. Фальбов, З.Ковалевская. В этих обстоятельствах складывалась творческая манера Хайдарова,

которая полностью соответствовала эстетике нового времени, соединившей мечту и реальность, традицию и советскую идеологию, одновременно поэтичность образов и классовую борьбу.

В 1949г. Хайдаров собирался отвезти одну из картин в Таджикистан, но прямо на вокзале перед отъездом был схвачен сотрудниками НКВД. Его пытали, требовали от него признания в якобы совершенном им предательстве, но не смогли ничего добиться. Художника, согласно приговору, отправили в Караганду, в Карлаг, отбывать свой десятилетний срок. Он был освобожден через пять лет по амнистии после смерти Сталина. Однако только 10 ноября 1988г. художник получил официальное письмо о своей реабилитации. Приговор военного трибунала Самаркандского гарнизона 1949г.и определение военного трибунала ТуркВО были отменены, а дело прекращено за отсутствием состава преступления. Однако до этого дня он и его семья постоянно подвергались негласному осуждению, оставались “невыездными”.

На территории Казахстана находились самые крупные лагеря структуры ГУЛАГа –АЛЖИР, Степлаг, Карлаг, из-за чего республика напоминала большую тюрьму, в которую было сослано более 5 миллионов человек. Карагандинский лагерь Карлаг(1930- 1959) занимал особое место в истории репрессий, так как был одним из крупнейших исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа и служил основой для создания крупной продовольственной и производственной базы развивающейся угольно-металлургической промышленности Центрального Казахстана.

Он состоял из 26-ти «точек», расположенных в радиусе от 2 до 400 км. В Карлаге содержались известные всему миру ученые, военачальники, деятели культуры, политики, люди духовного звания, монашествующие. Считается, что за годы своего существования Карлаг принял около миллиона человек. К своему закрытию лагерь уже практически не содержал заключенных по политическим статьям. Условия проживания и работы заключенных, как и везде в Гулаге, были нечеловеческие. Тем, кто не справлялся с нормой, урезали паек. Тела мертвых клали прямо в железнодорожную насыпь и засыпали грунтом.

А.К. Хайдаров побывал в этих местах, где трудно не впасть в депрессию, регулярно сталкиваясь со смертью, насилием, о чем он написал сам в книге своих воспоминаний «Жизнь в искусстве». Моделями лагерных зарисовок, которые ему всячески запрещали делать надзиратели, служили преимущественно его товарищи по несчастью. Эти карандашные зарисовки привлекают внимание пристальным изучением лиц сотоварищей, точной передачей натуры. На оборотной стороне многих из них художником написаны имена портретируемых, их профессия, приводятся причины их пребывания в лагере. Например, некоторые из тех, кто был в Карлаге, находились там по известному «ленинградскому делу», судебных процессов конца 1940-х в начале 1950-х г. против партийных и государственных руководителей РСФСР.

В 1995г. А.К. Хайдарова уговаривали отдать эти ценные исторические документы в музей репрессий в Казахстане. Он отказался, так как считал, что все его творческое наследие должно принадлежать его родине. И только после его смерти в 2003г. семья согласилась передать 105 рисунков художника в Фонд музея памяти политзаключенных и репрессированных в г. Алматы.

В годы ареста его брат, который занимал значительный партийный пост в Самарканде, вынужден был подписать отказ от брата- «врага народа». Но Ашур Хайдаров не держал обиду на него, помог вдове похоронить его, увез двух племянников в Душанбе, дал им образование.

Важной вехой в биографии художника стал 1955г., когда он переехал в Душанбе. Именно здесь Хайдаров смог раскрыться полностью как творческая личность. Природная одаренность позволила ему работать в различных жанрах и видах искусства: пейзаже, портрете, натюрморте, исторической и современной тематике. Одновременно оттачиваются и формальные качества его живописной манеры.

Серию его исторических картин можно было бы назвать «энциклопедией таджикского народа». В области исторической живописи его привлекала возможность раскрыть эмоциональную выразительность предложенной ситуации. Острые коллизии и значительные исторические деятели, своеобразие костюма, неповторимый колорит старины весьма его интересовали. В его сложносочиненные композиции всегда неожиданно бывают вкраплены собственные воспоминания, под влиянием которых он нередко пребывал. Это прежде всего касается картин, созданных на тему эмансипации женщин Востока: «Снятие паранджи» 1967г., «Худжум» (преодоление)1974г.и другие.

8 марта 1927г. в Самарканде он стал свидетелем того, как женщины, рискуя собственной жизнью, снимали с себя фаранджи, открывая миру свои лица. В своих мемуарах он подробнейшим образом описал этот исторический факт на примере собственной матери и сестры, которые, находясь под давлением представителей новой власти и агрессией традиционного общества, решились на подобную акцию.

Реальные сцены, связанные с судом над бандой «Амирча», конвоированием главы басмачей Ибрагим бека в Самарканде в 1931г. всплыли в памяти Хайдарова, как призрак ушедшего детства, когда он работал над картинами «Последний бек», «Отряд командира Афзали» и др. В

первом полотне осужденный идет с опущенной головой, точно также, как Ибрагимбек в Самарканде в тот памятный день. Об этом художник сам рассказывает в своих мемуарах.

Стихией художника была современность. В праздничной декоративности современных картин, изображающих свадьбу, выступление артистов на предприятиях, в колхозах, что было в практике советской культуры, воплощен пульс времени, эмоциональная атмосфера, ощущается как звучит музыка. Бесспорно, лучшими произведениями Хайдарова всегда оставались пейзажи, которые наполнены светом, живым, волнительным наблюдением, импрессионистической эмоциональностью. Они писались с наибольшей живописной свободой.

Значительное место в творчестве Хайдарова занимают портреты. Особенно художника привлекала творческая интеллигенция: певцы, писатели, актеры, режиссеры. Ученик русской живописной школы, он видел задачу портретиста прежде всего в том, чтобы познать психологию человека.

Серия театральных портретов А. Хайдарова была вызвана к жизни не только его личным интересом к драматургии, но и тем обстоятельством, что в советское время театр необычайно вырос в своем значении, оказавшись на магистральной линии развития культуры. Сцена, актеры, костюмы открывали широкие возможности и для решения собственных художественных проблем. В этих портретах Хайдаров всегда старался выбрать нужный ракурс, установить эмоциональную связь с моделью. Художник часто использовал реквизит, писал модель «в образе», costume, поэтому его полотна так много могут рассказать зрителю. При выборе композиции мастер использовал то необычный ракурс «со взглядом на модель с низкой точки зрения», то нарочито постановочно строил композицию, чтобы смысл изображаемого был более доступен зрителю.

Хайдаров оказался одним из немногих художников, кто откликнулся на события военного конфликта в Таджикистане (1992-1997гг.). В 1993г. он пишет картину «Горе матери», публикация которой в СМИ сопровождала его личное обращение к соотечественникам. Он придал классической сцене *пюета* (жалости), в которой безжизненное тело сына лежит на коленях у матери, особое эмоциональное воздействие, духовное наполнение. Идея самопожертвования здесь трактована, как психологическая жизненная ситуация. Мать скорбит о невозможной утрате и призывает всех опомниться.

Мастер работал до последних дней жизни. На его мольберте в мастерской остался стоять незаконченный пейзаж родного Самарканда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹КАРЛАГ. Карагандинский исправительно-трудовой лагерь<<http://www.bibliotekar.ru/gulag/5.htm>>

¹ Хайдаров А. Жизнь в искусстве-Душанбе, 2001.

¹ Рисунки в фонд казахского музея. // Курьер Таджикистана. 2003, 21-26мая; Музей истории политических репрессий в Казахстане. // Мемориал. 2004, 30 октября.

¹ Хайдаров А Жизнь в искусстве..... -С.37.

¹ Хайдаров А. Жизнь в искусстве..... – С.51.

¹ Хайдаров А. К прошлому возврата не будет.//Вечерний Душанбе, 1993г., 9 апреля.

¹ Додхудоева Л., А.К. Хайдаров. 100лет.-Душанбе, 2016.

FROM THE HISTORY OF IDEOLOGICAL REPRESSIONS AGAINST CREATIVE INTELLECTUALS IN CENTRAL ASIA

Larisa DODKHUOEVA,

Dr. of History ,Head of ethnographic department, A.Donish Institute of history, archaeology, ethnography, Academy of sciences of the Republic of Tajikistan 33 Rudaki av.,734025 , Dushanbe, Republic of Tajikistan

E-mail- lorasdodo@rambler.ru, phone(+992) 221 37 42

The author describes the events of life and activity people's artist of Tajikistan Ashur Qaraboevitch Khaydarov, who has been the victim of ideological repression in the late 40 's of the 20th century.

Key words : *artist, history, repression, NKVD, Karlag, «Leningrad affair», creation, canvas*

ПРЕДПОСЫЛКИ НАЧАЛА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ТОРГОВЛИ В ГОРОДАХ ХОРОСАНА И МАВЕРАННАХРА В X-XV вв.

Абдулло МИРБАБАЕВ,
доктор исторических наук, профессор
Худжандского государственного университета

Набиджон РАХИМОВ,
доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии
Худжандского государственного университета

В статье рассматривается развитие градостроительной культуры Мавераннахра и Хорасанской части государства Саманидов в IX-X вв. Города уже в то время являлись центрами ремесленного производства и торговли. В зависимости от ряда факторов – традиций, наличия сырья, мастеров и мастерских, историко-географических условий начинается специализация ремесленного производства в городах Мавераннахра и Хорасана.

Ключевые слова: *город, градостроительство, Мавераннахр и Хорасан, эпоха Саманидов, материалы археологии, письменные источники.*

В IX-X вв. во всех городах Центральной Азии большое развитие получила градостроительная культура. Согласно определению О.Г. Большакова в X в. в пределах лишь одного имелось более 280 крупных и малых городов¹. Примерно столько и даже больше городов существовало в Хорасанской части владения Саманидов. В другом исследовании того же О.Г.Большакова отмечается, что IX-X вв. были ознаменованы большим взрывом градообразования².

Большое число городов располагались преимущественно в долине Ферганы – 40 городов, в Чаче – 39, Бухарском оазисе- 29, Семиречье -24, Самаркандском Согде -16, Уструшане -13, Илаке - 17, а в районах среднего течения Сырдарьи - 20.³

Материалы археологии и сведения письменных источников свидетельствуют о том, что значительное количество городов, в том числе Кят, Мерв, Ниса, Самарканд, Бухара, Худжанд, Бинкет, Мингурюк располагались преимущественно в области Хорасана, Самаркандского Согда, а также в долине Ферганы и Чача. Названные города являлись центрами ремесленного производства и торговли. Например, из города Аральска, расположенного в северо-восточной части одноимённого моря, торговые дороги вели в города Сибири и Дальнего Востока.

Согласно наблюдениям исследователей в VIII-IX вв. значительный рост городов наблюдался на правом берегу Чирчика, где существовали торговые пути, ведущие на Север, Восток т.е. в сторону Исфиджаба, Отрара и др. городов среднего течения реки Сырдарья, откуда брали свое начало торговые пути, ведущие в Сибирь и Дальний Восток.⁴

Так, во время раскопок в Новгороде была найдена берестяная грамота с предложением купить среднеазиатскую ткань «зендянцу» т.е. занденачи, производимую в городе Бухаре в X в.⁵ В том же Новгороде обнаружены «высшие сорта тканей»⁶, каким может быть только занденачи. Или же из более, чем 6163 владельцев лавок 342 лавочника торговали импортной продукцией. Там же, в Новгороде, в одном из раскопок обнаружен среднеазиатский кувшин IX-X вв.⁷ Сообщается так же о находке в Новгороде при археологических раскопках 60 целых и 811 обрезков серебряных дирхамов среднеазиатского происхождения.⁸ Другой клад, обнаруженный в том же Новгороде слоях X в. содержал 131 целых и 604 обрезков дирхамов чекана 975 г.

¹ Большаков О.Г. Города Средней Азии в конце VIII- нач. XIII вв. //Автореферат док.дис. – М., 1974. –с. 10-12.

² Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973, с.210.

³ Мирбабаев А.К. Города эпохи Саманидов //Наследие предков. - №4, 1999. – с.17-21.

⁴ Буяков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Ташкент, 1982. –с.131

⁵ Новгородский сборник. – М., 1982.- с.94

⁶ Там же. – с.125

⁷ Новгородский сборник. – М., 1982.- с.127

⁸ Там же.- с.91

Многовековые торговые связи городов Средней Азии с Восточной Европой и Русью отражены и в других археологических материалах. Известный специалист по средневековой восточной нумизматике и денежному обращению на Руси Г.А. Федоров-Давыдов так описывал приток дирхемов в Восточную и Северную Европу: «Бесчисленные караваны везли мешки с серебряными монетами на север, их переключивали на ладьи и снова везли по морям и рекам, перетаскивали волоком, грузили на телеги и арбы или в переметные сумки лошадей, покупали на них товары. Другие купцы везли эти монеты через степи и леса, на них торговали, и они попадали в места, далекие от торговых путей. Их снова скапливали и снова перевозили в места, далекие от торговых путей. Их снова скапливали и снова перевозили на новые места. И на всех этих этапах часть монет попадала в землю».¹

Средневековые исследователи считали ремесленное производство составной частью города. Что же касается условий развития города мусульманского Востока, то одним из них было наличие в нем рынка. Известный историк Ибн Халдун полагал, что рынок способствует развитию ремесла в городе.²

В рассматриваемое время многие города Центральной Азии становились центрами транзитной торговли, которая в свою очередь способствовала специализации ремесленного производства и горного промысла. Например, в 1979 г. в низовьях реки Исфаринки Исфаринского района на дне карьера по выработке гравия были найдены многочисленные железные слитки весом от 1,5 до 2 килограммов. Эти находки могли быть крицами – заготовками для отправки в другие городские центры для последующей обработки в ремесленных мастерских. Крицы такого веса и формы были весьма удобны и рациональны для транспортировки в другие ремесленные центры, например для изготовления мечей и кинжалов.³ Исфаринские находки вполне отвечают описаниям Бируни и его классификации о качестве железных слитков.⁴

В ближайшей части северного склона Туркестанского хребта были известны два центра разработок и сплава железных руд. Это прежде всего верхняя Неся и долина Исфары и в уструшанском округе Минк, в главном городе которого Марсманда происходила ежегодная ярмарка по продаже железного оружия.⁵ Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что металлургическая и металлообрабатывающая технология городов Центральной Азии уже тогда была довольно высокоразвитой и научно обоснованной средневековыми учеными Мавераннахра и Хорасана.

В рассматриваемое время серебро получали на рудниках долины рек Базар-Дара Западного Памира.⁶ Весьма крупные рудники по добыче и плавке цветных металлов - меди, серебра, золота, свинца, ртути, нашатыря и др. с древнейших времен были сосредоточены в Верхнем Зарафшане.

С древнейших времен в горном Буттаме, ныне Айнинский район, население этих мест особым способом получало нашатырь, который экспортировали в другие страны мусульманского мира и Европы.⁷ По описанию Ибн Хаукаля, население для получения нашатыря сооружали над отверстиями для выхода газов помещения без окон, затем наглухо закрывали вход в них. В определенное время газы осевшие в потолке комнаты, образовывали налеты нашатыря. Собиратель нашатыря взламывал глиняную стенку и надев войлочную одежду, смоченную в воде, входил в комнату. В быстром темпе он соскребывал налет со стен в специальный сосуд. Если он задерживался больше времени, то погибал под воздействием вредных газов от удушья.⁸ Нашатырь - аммоний хлорид, является одним из широко известных лекарственных солей. Согдийский нашатырь везли во многие страны мира, а по сведениям китайской хроники «Бейши», он является одним из важных экспортных товаров Согда.

Другим древним горнорудным районом Верхнего Зарафшана являлся рудник Кони Нукра, расположенный в средней части долины горной реки Арчамайдон. По свидетельству группы

¹ Ирано Славика. Ежеквартальный научный журнал. -2004г. -№1.-с.13; об этом см. Евразии в эпоху средневековья.- М., 1981.-с.229-235

² Азерли М.И. Учебник Ибн Халдун//Бартольдские чтения. - М., 1971.- С.5

³ Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины//Археологические работы в Таджикистане.- Вып.ХІХ. - Душанбе, 1986.- С.429

⁴ Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей /Минералогия./- М.1963.-с.235

⁵ Негматов Н.Н. Государство Саманидов.- Душанбе, 1977.с-83

⁶ Бубнова М.А. Значение караванной торговли для Восточного Памира в Хв.//Бартольдские чтения.-с.10

⁷ Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда. – Душанбе, 2007.-с.327

⁸ Эшонкулов У.Указ.раб.-с.327

авторов, свинец и серебро этого рудника, после предварительной обработки вывозили за пределы Согда.¹

Кармазарский рудный район к северо-востоку от Худжанда также является одним из древнейших в Средней Азии центров медно-рудной разработки ископаемых – серебра, свинца, меди, золота, ртути, железа. В частности, в IX-XI веках добыча свинца и серебра шла в Кансае, Такели, Алтынтюпкане (ныне пос. Зарнисор), Кони Мансуре, Канджоле, Пангазе и в других рудниках.² В Худжанде в X в. на базе этих медно-серебряных рудников действовал медный двор.³

В 1983 г. близ городища Канка, расположенного в 7-8 км от Худжанда на правом берегу Сырдарьи, была обнаружена медная монета монетного двора Худжанда, чеканенная в 810 г. арабским наместником Харсамом б. Айна⁴. На этом же медном дворе Худжанда в X в. на базе серебряного рудника Кони Мансур чеканили серебряные дирхемы. Однако, ученые полагают, что монетный двор Худжанда чеканил серебряные дирхемы лишь эпизодически. Из 29 монетных дворов государства Саманидов большинство (18) находилось в Хоросане. Как и Худжанд, дирхемы из серебра выпускали также Хутталян и Рашт.⁵

Как теперь твердо установлено, куфические дирхемы Саманидов IX-X вв. в большом количестве находят в странах Европы. Их находили даже в Великобритании. Саманидские дирхемы более одного столетия ходили на Руси в качестве денежного знака, являясь основным валютным средством в IX-X вв.⁶

В рассматриваемые эпохи Худжанд являлся крупным поставщиком ртути на мировые рынки. Например, осенью 1985 г. в городе Худжанд при рытье подвального помещения в доме № 62/8 по ул. Шуру были обнаружены 13 керамических сфероконических сосудов – симобкуза, содержащие ртуть. Клад был обнаружен на глубине 1,6 м от поверхности земли и ориентировочно датируется X-XII вв. Общий вес ртути вместе с тарой составил 39,2 кг. Без тары 36 кг.⁷ Данная находка была доставлена одним из авторов этой статьи в Институт химии АН Республики Таджикистан. Ртуть, главным образом, находили в месторождениях Адрасман, Табошар, Кансай, Джаркамар, Такели, Замбарак и др., расположенных близ города Худжанда. По сведениям М.Е.Массона, в более поздние эпохи ртуть в Среднюю Азию доставляли из Китая и России.⁸ Ртуть, главным образом, использовалась местными ювелирами - заргарами для золочения серебряных украшений. Ртуть использовалась и в лечебных целях.

В 1975 г. в рудных наслонениях горной разработки Канджол местные рудокопы обнаружили более 2-х ведер скоплений ртути. Бируни относил ртуть к числу вредных для здоровья человека веществ.⁹ Ювелиры, часто пользующиеся ртутью, подвергались параличу.

В горах Кармазара и Моголтау (наст. название Мевагул) были сосредоточены большие запасы и других ценных ископаемых, в том числе поделочных камней, которые вывозились большими партиями за пределы Худжанда. Исследователи подсчитали, что за всю более 3-х тысячелетнюю историю горных разработок Кармазара и Мевагул рудокопами было добыто около 100 тысяч кубических метров рудных ископаемых, причем на серебро-свинец приходится 70000, на медь –железо- 25 000 м куб.¹⁰ В этих горах из поделочных камней лучше чем другие минералы, была известна бирюза. Ее россыпи находились в 40 км севернее Худжанда в местности Фирузакон, что близ горняцкого поселка Кансай. Бирюза Худжанда была известна еще с XII в. Автор XIII в. Бекран сообщает, что на средневековых базарах известна «Ходжентская бирюза». Это сообщение свидетельствует о том, что в период расцвета горного промысла в районе Худжанда (X-XII вв.), в числе других полезных ископаемых широко добывали бирюзу. Данный факт подтверждается также археологическими находками из комплекса Куркатских склепов, где среди находок немало украшений из бирюзы.¹¹ В связи с этим становится понятным сообщение Бабура о

¹ Якубов Ю. и др. Древнее горнорудное производство бассейна реки Заравшан//История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Тезисы док.- Худжанд, 1994.-С.65

² Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака.- М., 1974.- С.110. На базе этих рудников в городе Худжанде в X в. действовал монетный двор.

³ Довутов Д. Еще один саманидский фельс монетного двора Ходжента//Исследование по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986.- С.108, 109

⁴ Кочнев Б.Д. Древнейший фельс Ходжента//Известия АН Тадж. ССР. Отд.общ.наук. - 1986.- №2. - С.41

⁵ История таджикского народа. В 6 томах. - Т.2. – Душанбе, 1999.- С.393

⁶ Там же.- С.394

⁷ Мирбабаев А.К. Историческое наследие Худжанда. – Душанбе, 1995.- С.98

⁸ Бубнова М.А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI-XIX вв.-М., 1976.с.-50

⁹ Бируни. Китаб ас-сайдана фи-т тибб. – Т.IV.- Ташкент, 1973.-с.516

¹⁰ История и перспективы развития горнорудной промышленности в Средней Азии. Худжанд, 1994.-с.

¹¹ Пругер Е.Б. Бирюза Илака «Илкский рудник»бирюзы// СА. -1971.-№1.- с. 125

том, что «к северу от крепости Ходжент находятся бирюзовые россыпи и другие рудники».¹ По свидетельству источников XV в. высококачественная худжандская бирюза являлась в ту пору своего рода эталоном этого небесного самоцвета в средневековых рынках Хорасана. По мнению Е.Б.Пругера, досконально исследовавшего данный вопрос, ходжентская бирюза действительно была высококачественной. Историк Мирхонду, очевидно были неведомы месторождения Фирузакон. Поэтому он полагал, что бирюзу, получаемую в горах Уструшаны, в Хорасане называют «худжандской».² Русский дипломат Филипп Назаров в 1813 г. посетивший Коканд писал: «По тракту на Коканд мы прошли мимо горы Ходжент, в 15 верстах от городских жителей отстоящей. По дороге находятся обработанные поля, а вокруг горы вырыты ямы, где ташкентцы добывают бирюзу».³

Город Худжанд в эпоху развитого средневековья и позднее, являлся единственным в Центральной Азии поставщиком сухофруктов на рынки стран Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Как известно, в VI в. одна из ветвей Великого шелкового пути, расположенная к северу от основной трассы, соединяла Центральную Азию со странами Дальнего Востока.⁴ Эта дорога известна под названием «Дорога ветров» или «Соболья дорога согдийцев». На этом отрезке пути археологами обнаружены десятки поселений согдийских купцов, среди которых были и худжандские купцы, многочисленные топонимы, сооружения типа «каан», предметы искусства, происхождение которых, несомненно, восходят к согдийским торговцам. Все эти и другие факты нашли обобщение в некоторых публикациях профессора О.Шавкунова из города Владивостока.⁵

В связи с этим вопросом, весьма актуальным на наш взгляд является определение Худжанда как центра и активного поставщика сухофруктов прежде всего, а также шелковой и хлопчатобумажной ткани на рынки Восточной Европы, Сибири, Дальнего Востока и Приморского края. Академик Н.Негматов в своих ранних исследованиях по Уструшане, основываясь на сообщениях Истахри и других арабоязычных географов X в. писал, что Уструшана «излишки зерна вывозила за пределы области, например, она, наряду с Ферганой, обеспечивала хлебом город Худжанд».⁶ Наши последние исследования по истории Худжанда⁷, а также истории его ирригации⁸ показывают, что в X в. и во все последующие эпохи в Худжанде и в его округе имелись достаточно орошаемых земельных площадей для выращивания хлебных злаков. Однако проблема заключалась в другом. Все эти орошаемые площади были исключительно заняты фруктовыми деревьями, в первую очередь абрикосами, грецким орехом, миндалем и др. плодоносными деревьями. Другими словами фруктовые сады Худжанда имели товарный характер, а их сухофрукты предназначались для экспорта в отдаленные страны. Согласно материалам ревизии Палена, во внутренней части городской стены Худжанда имелось свыше 400 плодоносных садов.⁹ Такие пригородные селения города как Найсувор, Чорсу, Гозиён, Ява, Пули чукур, Шайхбурхон, Кулангир, Румон, Унджи, Арбоб, Даштак и другие, являвшиеся в прежние времена дачными участками худжандцев, были заняты плодоносными садами и виноградниками. Даже в начале XX в. Худжанд имел тесные экономические связи со многими городами России. Например, в 1909 г. из Худжанда был вывезено в пределы России сухофруктов, хлопка, шелка, шелковичных коконов и других товаров на сумму 6 тыс. 510 руб. Почти 54 процента из общей суммы, экспортируемых Худжандом товаров, составлял вывоз в Россию. По сведениям В.И.Масальского из Худжанда в Россию ежегодно вывозили более 159 000 пудов сухофруктов.¹⁰ Город Худжанд имел тесные торгово-экономические связи также с Бухарой, Самаркандом, Ташкентом и другими городами Центральной Азии. Например, по сведениям А.Кушакевича из Худжанда в Самарканд и Бухару было отправлено различных товаров на сумму более 27 тыс. 200 руб. В основном, это были шелковые и полушелковые материи. В частности, в том же 1868 г. в Бухару было вывезено около 20 пудов размотанного шелка на сумму 3200 руб. серебром и другие шелковые материи на общую

¹ Бабур. Бабурнаме. – Ташкент, 1989.-с.12

² Мирхонд. «Джомеъ-ат-таворих».- Т.7.- С.426

³ Филипп Назаров.- Записки.- СПб., 1821.- С.41

⁴ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.- С.215

⁵ Шавкулов Э.В. Великий шелковый путь Соболья дорога согдийцев// Формирование развитие трасс ВШП в Центральной Азии.- Ташкент, 1990.- С.73-76; Он же. Торгово-экономические и культурные связи согдийцев с народами Дальнего Востока во второй половине 1 тыс. н.э. //Центрально-Азиатские гуманитарные исследования. - Худжанд, 2003.- Вып.5.- С.100-119

⁶ Негматов Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. – Сталинабад, 1957.- С.89

⁷ Мирбабаев А. Историческое наследие Худжанда. – Душанбе, 1995.- 159 стр.

⁸ Мирбабаев А. История водоснабжения Худжанда и его округи. – Худжанд, 2005

⁹ Мирбабаев А. Историческое наследие Худжанда. - С.103

¹⁰ Мирбабаев А. Историческое наследие Худжанда.- С.103

сумму 4000 руб. В 1979 г. из Худжанда, в целом было вывезено шелковых тканей на сумму 55 тыс. руб. канауса и адрасана 53 тыс., алачи, калама и Баяза на сумму 14 тыс. руб., разных красителей на 600 руб. и др.¹ В конце XVIII в. город Худжанд сделался главным центром производства шелка. Например, в той же Бухаре в начале XIX в. пуд худжандского шелка оценивался в 16 тилля.² В середине XIX в. город Худжанд наряду с сухофруктами стал крупным поставщиком шелка сырца. В 1881 г. в городе было заготовлены более 28 тыс. 262 пудов кокона. По статистике 1906г. в Худжанде имелось более 230 домовладельцев, которые вырабатывали различные шелковые ткани на общую сумму более 120 тыс. руб. Шелкоткацким промыслом было занято население более чем 100 городских кварталов, также население пригородных селений, в том числе Румон, Кулангир, Пули Чукур, Шайхбурхон и другие.³

Учитывая громадный потенциал Худжанда как центра шелководства, русские промышленники Хлудов, Зайцев, Морозов и др. уже в 1867 г., год спустя после захвата города Худжанда русскими войсками, наладили здесь фабричное производство шелковой материи. Эти материалы свидетельствуют о том, что слава Худжандского кокона и шелка была известна русским промышленникам задолго до водворения российской власти в Худжанд.

Специфичное торгово-промышленное развитие отдельных городов Центральной Азии в V-X вв. привело к сложению в ряде городов, расположенных в контактной с кочевой степью зоне купеческого сословия, получившего в литературе название «сорт» или «сарт». Э.Мефер считал, что данный термин «сарт» произошел от санскритского слова «сартхавака», означающего «торговец».⁴ Данный термин очень близок таджикскому слову «сорбон» - предводитель каравана.⁵ Только В.В. Бартольд сумел правильно оценить историческую роль сартов- торговцев, назвав их отдельной социальной прослойкой города, занимающихся исключительно межрегиональной торговлей.⁶ В архиве документов с горы Муг торговец обозначен словом «сарахавар».⁷ Данная находка свидетельствует о том, что согдийский термин «сарахавар» и санскритская – «сартхавака» произошли от одного языкового корня.

На торговых путях в Китай и Дальний Восток, пролегающих через северо-восточные обширные степи Дашти Кипчак, населенными исключительно тюркоязычными племенами, словом «сорт» или «сартык» обозначали в целом городское и торговое сословие. Интересно замечание А.Гейнса, который писал что «сарты Ташкента и других городов Туркестана называли себя потомками согдийцев».⁸ Так же тюрки, обитатели степей, вспоминали сартов как торговцев, жителей городов и носителей городской культуры. В связи с чем термин «сарт» именно в таком понимании вошел в «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагуни (XI в.),⁹ в словарь Махмуда Кашгари и в другие литературные памятники XI-XII вв. Эти и другие примеры говорят о том, что термин «сарт» в первую очередь прилагался по отношению к городскому жителю вообще, затем к торгово-купеческому сословию, в руках которых была сосредоточена вся торговля на трассе ВШП. Однако, в конце XIX–нач. XX вв. многие русские краеведы, в том числе Н.П.Остроумов, Н.С.Лыкошин и другие называли жителей Худжанда сартами. По данным Н.С.Лыкошина в 1910 г. в Худжанде проживало 39372 человека из которых 38 тыс. 681 человек являлись сартами.¹⁰ Те же тюрки, обитатели степей, воспринимали сартов как торговцев, жителей городов и носителей городской культуры.

Таким образом, Н.С.Лыкошин хорошо знавший этнический состав населения Худжанда выделил две социальные группы: ремесленников- горожан и торговцев-купцов, которые занимались исключительно межрегиональной торговлей. Профессор Л.И.Лерх, в 60-х годах XIX в. посетивший Хорезм писал, что в Хорезме таджиков-торговцев называют «сартами».¹¹ Известные исследователи Центральной Азии А.Вамбери, А.Семенов, Н.Пантусов, А.Бряннов и другие также писали о том, что

¹ Там же.- С.103

² Мирбабаев А.,Файзуллоев М. Этапы формирования трасс ВШП и развитие шелководства в Центральной Азии //Ученые записки ХГУ им. акад. Б.Гафурова. Гуманитарные науки. – Вып.2 (15).-2007.- С.125

³ Мирбабаев А.,Файзуллоев М. Этапы формирования трасс ВШП и развитие шелководства в Центральной Азии //Ученые записки ХГУ им. акад. Б.Гафурова. Гуманитарные науки. –Вып.2 (15).-2007.- С.126

⁴ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – М.1981.- С.37

⁵ Мухтаров А. Гузары Уратюбе.- Душанбе, 1975.- С.43

⁶ Якубов Ю.Точикшинос.- Душанбе, 1999.- С.100

⁷ История таджикского народа. – Т.2.- Душанбе, 1999.- С.125

⁸ Гейнс А. Труды.-Т.1,2.-Спб., 1909.- С.316

⁹ Махмуд Кашгари Даван лугат-тюрк. Ташкент, 1913.-с.113

¹⁰ Мирбабаев А. О термине «сарт» как о синониме этнонима таджик// Духовная культура таджиков.- Указ.раб.-С.192

¹¹ Лерх П.И. Итоги поездки в Среднюю Азию//Архив востоковедов АН СССР. Ленинградское отд. ИВФ.366. Оп.1-д.-15

«сарты» или «таджики» суть жители городов, занимающиеся ремеслом и торговлей.¹ В определении места сарта в социальной жизни городов более точным был Л.Ф.Костенко. В 80-х годах XIX в. Л.Костенко при посещении Худжанда, во время беседы с одним из жителей города, задал вопрос о его происхождении, на что получил ответ: «по своему происхождению я таджик, а по своему повседневному занятию я сарт, поскольку моим основным занятием является торговля».² Этим самым мы думаем, что сказано все. Как мы отметили в самом начале этой статьи, генезис данного термина был связан с торговлей и караванными сообщениями. Город Чимкент на юге Казахстана, также как и Худжанд стоит на караванной дороге. А Добросмыслов еще в середине XIX в. описывая быт сартов этого города, отождествлял их с таджиками.³ Сартами являлись также коренные жители Кашгара, Яркенда и других городов Восточного Туркестана.⁴ Как мы видим из этого небольшого обзора, начиная уже с эпохи средних веков термин «сарт» прилагался в основном к таджикам, в особенности торгово-купеческой прослойке городов, которые за получением большой прибыли бороздили торговые пути северо-восточных просторов Казахстана, Сибири и Монголии. Уже в VII в., например, среди жителей Монголии прославился художественный образ согдийца Сартакая, который согласно легендам обучал тюрков грамоте, строительству жилья, рытью арыков, искусству земледелия, ремесла и другим навыкам оседлой городской жизни.⁵

Другим традиционным товаром, вывозившимся таджикскими купцами в приграничные со Средней Азией города России, Казахстана и Сибири, являлась прежде всего бумага, производства Самарканда. В Самарканде еще VIII в. начали производство писчей бумаги. К этой профессии самаркандцев обучили китайские военнопленные после сражения 750г. под Таразом, где войска арабов во главе с Абу Муслима дали решительный бой китайцам в результате которого к рукам арабов попали большое число китайцев, среди которых имелись мастера бумагоделов. По словам Ибн ал-Асира, в этой битве было убито около 50 тыс. китайцев и взято в плен около 20 тысяч.⁶

Высокие качества стяжали самаркандской бумаге большую славу не только в городах Центральной Азии, но и в странах Среднего, Ближнего Востока и Запада. До изобретения письма наши предки согдийцы в качестве материала для письма использовали шелковые ткани, кору березы, говяжью кожу, ткани листья серебра, меди, а также черепки поломанных сосудов. При раскопе цитадели Пенджикента была обнаружена начальная школа. Ученики упражнялись письму на черепках поломанных сосудов.⁷ На материалах этих черепков позже согдолог В.А.Лившиц составил согдийский алфавит.⁸ Из этого же городища Пенджикента обнаружены образцы письма на шести языках.⁹ Некоторые сведения о характере обучения мы узнаем из письменных источников. Так, посетивший Самарканд посол Китая Вей Цзе в начале VI в. отмечает, что уже в пятилетнем возрасте начинали учить детей письму, после чего приступали к обучению счету.¹⁰ На одном черепке, найденном на городище Пенджикента, сохранилась надпись на двух языках – согдийском и арабском. Там же обнаружены письменности на шести языках, что свидетельствует о широкой связи Согда с сопредельными странами.¹¹

Первые десятилетия IX в. мастерские бумагоделов располагались вдоль Канала Даргот города Самарканда. Автор географического труда «Худуд-ул-олам» писал, что «Самарканд большой город, там выделывают бумагу, которую вывозят по всем странам мира».¹² Когда Харун Рашид-ад-дин (786-809) получил известие, что в Самарканде выделывают доброкачественную бумагу, то он велел, как пишет арабоязычный автор Мансур, Халиф велел дворцовым чиновникам, чтобы они имеющиеся в хранилищах египетскую бумагу вынесли на распродажу в рынки, а взамен приобрели бумагу выделанную в Самарканде.¹³ В последующие века мастерские по изготовлению бумаги возникли в Бухаре, Балхе, Герате, Худжанде, Исфаре, а также в горном Согде. Географ Якут писал, что в городе

¹ Брянов И.А. На память о Фергене. 1876-1901 годы. –Нов.Маргелен.-1901-с

² Костенко И.Ф. Туркестанский край. –Спб., 1880.-с.27

³ Добросмыслов А.Н. Города Сырдарьинской области.- Ташкент, 1912.-с.196

⁴ Роберт Ша. Очерк... Яркенда и Кашгарии. –Спб., 1872.-с.27

⁵ Мирбабаев А. О термине сарт как о синониме этнонима таджик. Указ. Раб.с.184

⁶ История таджикского народа. – Т.1.-Душанбе, 1999.-с.80

⁷ Исаков А. Цитадель древнего Пенджикента.

⁸ Лившиц В.А.

⁹ Белинский А.М., Распопова В.И. Древний Пенджикент.- Душанбе, 1971.-с.11

¹⁰ Белинский А.М., Бентович Н.Б. Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973.-с.120

¹¹ Исаков А. Древний Пенджикент. – Душанбе, 1982.-с.45

¹² Худуд-ул-олам.- Душанбе, 1983.-С.69

¹³ Мирбабаев А. Профессия бумагоделия//Журнал «Фарханг».-1992.-№9-10.-С.58

Ширазе книгофилы этого города коллекционируют те рукописи, которые сделаны на самаркандской бумаге. Это свидетельствует о высоком качестве самаркандской бумаги.

В Самарканде в XV-XVI вв. по данным «Вакфнаме» Мухаммада Шайбанихана в пяти обджувах, расположенных вдоль канала Оби Рахмат выделяли писчую бумагу. Среди многочисленного имущества «Вакфнаме» Мухаммад Шайбанихана упоминается две толчеи для производства бумаги (джувози когаз), а также мастерская по выделке листов бумаги (корхонаи когаз барорӣ) вместе с оборудованием.¹ В той же «Вакфнаме» упоминается джуваи когаз - толчеи для измельчения волокнистой массы, приводимые в движение водой. Две такие толчеи для бумаги (корхонаи когаз барорӣ) вместе с оборудованием находились на арыке близ моста Эмирзода Абдуллы Самаркандской округи. Еще одна бумажная фабрика находилась на канале Сяхоб того же Самарканда.² В XV-XVI вв. самаркандские бумагоделы продолжали выделять бумагу, отличающуюся высокими качествами – мало проницаемостью чернил, гладкой поверхностью и прочностью.

Бумага самаркандских бумагоделов вывозилась далеко за пределы Средней Азии, в том числе в соседние Индию, Иран и даже в приграничные со Средней Азией Сарай Берке, Оренбург и другие города России.

До наших дней дошло немало рукописных произведений по истории и литературе, написанных каллиграфическим письмом на самаркандской бумаге, в их числе находятся автографы труда Камалиддина Бинаи – «Шайбанинаме», исторический труд Рузбихана – «Михман-намеи –Бухара», дарственная грамота Михр Султан-ханум и другие.³ «Лучшая бумага в мире выходит из Самарканда, - писал Бабур, несколько лет правивший Самаркандом.⁴

Знаменитый мастер письма – Али Мешхеди (1432-1530) в специальном трактате по каллиграфии советовал писцам писать только на самаркандской бумаге, так как «письмо на ней получается ровным и красивым».

К первой половине XVI в. относится деятельность самаркандского бумагодела Мир Ибрахима, производившего особый сорт бумаги с водяными знаками в виде белого кольца. Эта бумага, получившая по имени его создателя название «мирибрагими», была известна и в XVII в. Хорошую по качеству бумагу в XV в. производили также в Герате. Но она стоила весьма дорого. Многочисленные учащиеся медресе Герата за получением бумаги непосредственно обращались к самому Алишеру Навои.⁵

В период развитого феодализма отмечается развитие старых городских центров и возникновение новых городов, местных и региональных центров ремесла и торговли. В зависимости от ряда факторов – традиций, наличия сырья, мастеров и мастерских, историко-географических условий начинается специализация ремесленного производства в городах Мавераннахра и Хорасана. Производство востребованной рынком товаров и изделий, и в значительной степени, их качество и качество оказываемых услуг, определяли место городов в иерархии ремесленных центров Востока. Так, ткани Бухары, бумага Самарканда, дыни Хорезма, оружие Истаравшана и Чуста, керамика Риштана, мучные изделия Марва, стальные клинки Дамаска, сухофрукты Худжанда прославились на века.

ACKGROUND BEGINNING SPECIALIZATION OF HANDICRAFT PRODUCTION AND TRADE IN THE CITY OF KHORASAN AND MAVERANNAHR X-XV

Abdullah MIRBABAEV,

Nabijon RAKHIMOV,

The article deals with the development of urban planning culture Maverannahr and Khorasan part of the Samanid state in the IX-X centuries. Cities already at that time were the centers of handicrafts and trade. Depending on a number of factors - traditions, availability of raw materials, craftsmen and workshops, historical and geographical conditions begins specialization of craft production in the cities Maverannahr and Khorasan.

Keywords: *city, urban planning, Maurya and Khorasan, the era of the Samanids, archaeological material, written sources.*

¹ Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. – Вакфнаме.-Ташкент 1966.- С.27

² Мукминова Р.Г. Вакф –наме.- Ташкент, 1996.-С.244

³ История Самарканда. –Ташкент, 1989.- С.269

⁴ Бабур. Бабурнаме.- Ташкент, 1989.- С.46

⁵ Мирбабаев А. Культурная жизнь Герата эпохи Бехзада// Бехзад и актуальные проблемы культуры Центральной Азии.- Душанбе, 2001.- С.77

О НОВОМ ПОНИМАНИИ ЭНЕОЛИТА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ САРАЗМА (ТАДЖИКИСТАН): ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Фредерик БРЮНЭ,

директор Французский археологической Миссии в Центральной Азии (MAFAC), доктор археология
E-mail: frederique.brunet@mae.cnrs.fr

Абдурауф РАЗЗОКОВ,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пенджикентско-Саразмской археологической
базы Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша Академии наук Республики
Таджикистан
E-mail: rauf_razzokov@mail.ru

Ключевые слова: *Саразм, неолит, энеолит, бронзовый век, кельтимианар, аллохтонность, автохтонность.*

Переход от эпохи неолита к бронзовому веку в Центральной Азии, который обычно отождествляется с энеолитом или халколитом, все еще требует дальнейшего углубленного исследования. Исследовательская деятельность, в том числе работа по изучению процессов неолитизации, происходящих в Центральной Азии с 10-го по 3-е тысячелетие до н.э., проводимая во главе с Ф. Брюне, указывает на то, что определение энеолита меняется в зависимости от исследуемых неолитических обществ. Положение является особенно сложным в долине реки Зарафшан, которая вытекает из Таджикистана и в настоящее время заканчивается палеомеандрами в песках пустыни Кызылкум в Узбекистане. Археологический материал, обнаруженный на нескольких энеолитических памятниках этого региона, действительно предполагает наличие контактов с различными культурами Центральной и Южной Азии, хотя сосуществование этих различных компонентов на одних и тех же памятниках четко не объясняется. Эта статья посвящена одному из этих памятников - древнему земледельческо-скотоводческому поселению Саразм. Поселение датируется временем энеолита и раннего бронзового века (IV – III тысячелетия) и считается одним из предшественников цивилизации Окса [1, 416], которая является яркой иллюстрацией этих контактов. Наша цель будет состоять в обсуждении вопросов по определению эпохи энеолита, а также в получении более глубокого понимания этих взаимодействий в пределах одного памятника, на основе технологического анализа предметов каменной индустрии, найденных в четырех слоях обживания в Саразме. Работа в этом направлении была начата в 2011 году в Саразме в рамках возобновленных исследований французской археологической миссией MAFAC под руководством А.П. Франкфорта (CNRS - UMR7041 ArScAn) при сотрудничестве А. Раззокова и Институтом истории, археологии и этнографии им. Ахмади Дониша Академии наук Таджикистана вместе с Археологической базой Пенджикента и Саразма. Большая часть этого материала, а также орудий из камня, кости и глины, уже подвергалась трасологическому анализу А. Раззоковым [2], [3]. Таким образом, существующий технологический подход предстает в качестве дополнения и направлен как на определение и реконструкцию различных способов применения метода расщепления, производственной *цепочки и последовательности процесса «дебитаж»*, так и на получение новых элементов, характеризующих традиции и технические «ноу-хау» жителей Саразма; и наконец, это представляет новые данные для продолжения обсуждения вопроса о потенциальной взаимосвязи с различными культурами Центральной и Южной Азии.

Неолитизация в Центральной Азии: об определении энеолита

В Центральной Азии, четыре основных неолитических общества или общества на пути неолитизации, могут быть выделены начиная с конца VII тысячелетия или чуть позже¹: известное земледельческо-скотоводческое поселение Джейтун в Южном Туркменистане (Массон, 1971; Harris, 2010), скорее всего, связанное с неолитом Северного Ирана, но имеющее свои собственные черты, которые получают дальнейшее развитие в более поздние периоды (Анау, Намазга); культура Гиссара в предгорьях Южного Таджикистана [4,22-41], [5,13-159], развившаяся на основе местных

¹. Библиография о неолитических обществах в Центральной Азии, представлена здесь в виде основных ссылок. Читатель найдет в этих публикациях более обширные ссылки на эту тему.

мезолитических традиций, и чья экономика относится, по-видимому, к скотоводческому типу, с чертами возможной сельскохозяйственной деятельности; культура Атбасар в лесостепи Северного Казахстана, которая развилась из местного мезолита, и нашла продолжение в культуре Ботай, в которой, вероятно, уже существовали домашние лошади [6], [7], а также культура Кельтеминар в засушливом регионе Узбекистана, без сомнения местного происхождения. Наши исследования об этой последней в пустыне Кызыл-Кум (Brunet 2005), продолжая работу, сделанную ранее, в частности А. В. Виноградовым (1968 и 1981), позволило нам лучше определить первый этап этой культуры, имевший место уже в конце 7-го тысячелетия с появлением образа жизни «скотоводов-кочевников», а также более поздние фазы этой культуры (4-е – 5-е тысячелетия), которые совпадают по времени с первыми памятниками энеолита и ранней бронзы в Узбекистане и Таджикистане. В данной статье будет рассматриваться этот последний период.

Действительно, ранний бронзовый век датируется в этих регионах 3-м тысячелетием. Распределение этих различных неолитических культур, которые возникают из отличающихся, в основном местных, процессов неолитизации, приводит нас к вопросу, каким образом происходит переход к бронзовому веку, так как в некоторых случаях, отдельные фазы энеолита определяются четко, но в других случаях создается впечатление, что неолит длится до самого конца 3-го тысячелетия. Предполагается, что эти региональные неолитические культуры столь же разнообразны в конце, как и при их возникновении и развитии. Таким образом, мы хотим предложить следующие определения энеолита: относительно короткое или длительное развитие, в течение которого местные неолитические традиции развиваются путем интеграции новых элементов, характерных для раннего бронзового века; это преобразование может быть вызвано разными обстоятельствами, при которых взаимодействие с другими обществами энеолита и бронзового века, вероятно, сыграло важную роль (Brunet 2011). Для культуры Гиссара, можно предположить на основе появления новых элементов, что памятники, относящиеся к последней стадии этой культуры, на самом деле являются энеолитическими.

Долина реки Зарафшан как «связной путь»

В изучаемом регионе, а именно Зарафшанской долине, ситуация наиболее сложная. Было зафиксировано наличие артефактов бронзового века и многочисленные открытия дали нам точную картину (Литвинский и др. 1962; Гулямов и др. 1966; Besenval 1989; Parzinger 2003; Bobomulloev 1997; Anthony 2007; Kohl 2007; Раззоков 2008)². Неолитическая культура Кельтеминар была выделена работами советских ученых (см. выше) и до сих пор находится в стадии изучения в этом регионе. А энеолит документирован гораздо хуже.

В более засушливой зоне Нижнего Зарафшана, а также к западу, в пустыне Кызыл-Кум, наши исследования кельтеминарской культуры приводят нас к рассмотрению энеолита как переходной стадии, соответствующей последнему этапу кельтеминарской культуры, характеризующуюся наличием контактов с населением раннего бронзового века, характерного для степных районах (Brunet 2005). В долине среднего Зарафшана в Узбекистане, двигаясь в восточном направлении, к предгорьям Таджикистана, памятники кельтеминарской культуры кажутся более редкими, в то время как другие памятники, характеризующиеся смешанными культурными особенностями, встречаются чаще. Среди них памятник Жуков в Узбекистане (Avanesova 2013) имеет каменную индустрию похожую на кельтеминарскую, в то время как большая часть артефактов материальной культуры очень близка к степным культурам, таким, как афанасьевская. Существование гетерогенных особенностей в этих смешанных комплексах, часть из которых вероятно может быть отнесена к энеолиту, однако не получило надлежащего объяснения.

Далее к востоку, на территории Таджикистана, «прото-городское» поселение Саразм (ок. 3500-2600 до н.э.) ярко иллюстрирует эту проблему. Действительно, оно демонстрирует взаимодействия с различными культурами, как Центральной, так и Южной Азии, часто отдаленного происхождения, что делает его общую интерпретацию проблематичной. На самом деле, теперь доказано существование отношений с культурами разного происхождения от Южного Туркменистана до Индийского океана, а также до евразийских степей Сибири (см. Isakov, Lyonnet 1988; Казанова 1999; Исаков 1991; Lyonnet 1996; Раззоков 2008)¹. С другой стороны, сходство с кельтеминарской культурой только предполагалось

¹ Например, сравнительное изучение керамики предполагает связи через большие расстояния со следующими памятниками: Илгинли-депе, Геоксюр, Ялангаш, Чонг-депе, Намазга, Кара-депе, и Ак-депе в Туркменистане; Тепе Гиссар, Туренг Тепе, Шах Тепе, Сиалк, Конар Сандак, Шахри Сохта в Иране; Кават 7 в Узбекистане; Мундигак и.

некоторыми учеными, и пока не существует общего согласия по этому вопросу (Lyonnet 1996, 59) . Помимо этих аллохтонных компонентов отличительные черты материальной культуры Саразма все еще нуждаются в разработке надлежащего определения.

Технологический анализ предметов каменной индустрии, который еще не применялся для этого типа материала в Саразме, дополняет исследования, сделанные для других типов артефактов (керамика, тяжеловесные каменные предметы, металлические изделия, украшения) на этом памятнике, и таким образом проливает свет на вопрос местного энеолита и связей со многими другими азиатскими культурами. Здесь мы сосредоточимся на некоторых из последних предварительных результатов, полученных с 2011 года этим анализом.

Контекст каменной индустрии в Саразме

Памятник Саразм расположен на одной из аллювиальных террас реки Зарафшан, на высоте 910 м над уровнем моря. Памятник занимает площадь от 50 до 150 га, в зависимости от разных ученых. Археологические слои подверглись значительной эрозии и сохранились максимум на 2 метра. С момента открытия памятника в 1976 году Абдуллой Исаковым, было проведено несколько раскопочных работ под руководством Исакова, а затем Р. Раззокова. Последний по-прежнему отвечает за памятник, а с 1980 года в сотрудничестве с французскими и американскими группами ученых.¹ Мы исследовали 592 предмета, то есть все кремневые орудия Саразма имеющиеся в нашем распоряжении на тот момент.² Треть этих материалов не была зашифрована, а среди пластин процент достигает более половины от их общего количества. Тем не менее, учитывая предметы, для которых имеются данные о происхождении, оказывается, что изучаемый нами материал был собран во время раскопочных работ, сделанных с 1976 года в Саразме. Имеются также случайные поверхностные находки (12% помеченных предметов). Таким образом, пространственное распределение помеченных находок показывают, что согласно нашим данным на сегодняшний день этот материал охватывает всю обжитую территорию памятника Саразм. Кроме того, можно заметить, что изучаемый каменный комплекс охватывает все периоды обживания, то есть четыре (может быть пять) основных последовательных периода, которые были выделены в Саразме приблизительно между 3500 до н.э. и 2600 до н.э. (Isakov, Lyonnet 1988; Besenval 1989; Lyonnet 1996), или даже концом 3-го тысячелетия, преимущественно на основе относительной хронологии, выявленной по результатам исследования керамики и археологических структур. Оказалось, что доля зашифрованных предметов изменяется в зависимости от периода, однако важно отметить, что это распределение аналогично для других материалов, таких как фрагменты керамики. В любом случае, это хронологическое распределение следует рассматривать с осторожностью, поскольку датирование одним или несколькими периодами касается только части раскопок. Изучение возможных монтажей может позволить нам пролить свет на пространственные и хронологические связи между различными раскопами.

Кроме выделения аллохтонных элементов в предметах каменной индустрии, а также определения технических особенностей мастеров в Саразме, этот технологический анализ направлен на реконструкцию и описание оперативной последовательности или *оперативной цепочки*, характерной для Саразма, а также на понимание целей производства, технических ноу-хау и традиций, а также стратегии по эксплуатации сырья. Именно поэтому мы приняли во внимание каждый элемент, связанный с различными этапами процесса раскалывания: нуклеус, отщепы для подготовки или обновления, продукты раскалывания, орудия и отходы. Дальнейшие исследования действительно позволят нам завершить или уточнить предварительные результаты, представленные здесь.

Экономика каменного сырья

Было выявлено, по крайней мере, пятнадцать различных типов каменного сырья. Они включают в себя в основном кремь и халцедон, достаточно однородный и мелкозернистый, которые были использованы в основном для изготовления отщепов, пластин и пластинок. К этому числу следует добавить некоторые более или менее мелкозернистые метаморфические породы и горный хрусталь, использованный как для «дебитажа», так и для производства листовидных наконечников стрел, а также реже встречающихся сланца и кварцевого песчаника, использованных в основном для кремневых ножей.

Талукан в Афганистане; Мергар, Анжира, Амри, Кетта, Того, Кеши Бег, Сур Янгал, Кили Гуль Мохаммад, Мири-Калат, Шахи-Тумп и Нундара в Пакистане.

¹ Мы не будем здесь подробно описывать ни памятник, ни историю его исследований, так как это уже рассматривалось в другой статье.

² В это исследование не были включены несколько орудий, сделанных из агатовых и сердоликовых галек, ни галечные орудия из некремнистых пород.

Отметим, что сырье очень хорошего качества отбирался для производства пластин и пластинок; отщепы, наконечники стрел и кремневые ножи демонстрируют большее разнообразие использованного сырья. Место добычи всех этих видов сырья по-прежнему трудно определить, в отличие от происхождения полудрагоценных камней и металлов, которые были интенсивно исследованы в Таджикистане (Besenval 1987, 452-455; Besenval 1989, 18; Раззоков 2008, 11-15). Тем не менее, нам известны выходы на поверхность горного хрусталя и источники халцедона, находящиеся в нескольких сотнях километров от Саразма, а метаморфические породы характерны для нагорий и горных районов Таджикистана (Раззоков 2008, 15-17). Возможно также, что кварцевый песчаник поступал из источников, расположенных вокруг памятника, хотя ни один источник, в точности соответствующий породе, использованной в Саразме, не найден. Что касается других видов сырья, имеются доводы для предположения следующих гипотез. Присутствие на памятнике пробованных валунов и частично подготовленных нуклеусов или фрагментов, полученных при начальной подготовке нуклеусы, указывают на местное происхождение рассматриваемого сырья; мы можем предположить, что это также позволяет делать процесс раскалывания выгодным. Напротив, сырье, найденное на памятнике исключительно в виде готовой продукции или только в виде одного или двух предметов, заставляют нас задуматься об их происхождении. Конечно, важно подчеркнуть недостаток данных о деятельности, связанной с раскалыванием или приданием формы на самом памятнике, так как площадь раскопанных участков остается ограниченной по сравнению с общей поверхностью памятника. Наконец, некоторые виды сырья являются маркерами определенных культур или регионов, возможно и то, и другое относится к Саразму (см. ниже). Таким образом, очевидно, что поставки сырья в Саразме разнообразны, в основном местные, но гипотеза о наличии нескольких аллохтонных пород почти достоверна, и необходимость изучить стратегии приобретения материалов остается актуальной.

Операционные цепочки и управление раскалыванием заготовок: обзор

Во всем материале были идентифицированы шесть различных операционных цепочек. Это, в убывающем порядке: CO1 - производство отщепов тремя методами с целью получения различных форм отщепов (около 25% , период 1-4); CO2 - производство узких и относительно коротких заготовок, например пластинок и микропластинок (около 18 % , период 1-4); CO3 -производство длинных предметов, часто широких, таких как пластины и, в меньшей степени, пластинки (около 10% , период 1-4) ; CO4 -формирование различных типов маленьких наконечников стрел (около 5% , особенно периоды 1-3); CO5 - формирование больших кремневых ножей (около 4%, особенно периоды 2-4); CO6 - формирование оригинальных предметов, которые некоторые ученые интерпретируют как предметы художественного творчества (около 1% , особенно в раскопе 5). Не все эти оперативные цепочки являются закрытыми и разделенными процессами; мы отмечаем повторное использование нуклеусы, предназначенного для пластинок, для производства отщепов (CO2 -> CO1), повторное использование отщепов, полученных при подготовке нуклеуса (CO2 и CO3 -> CO1) и возможное повторное использование пластины для формирования листовидных наконечников стрел (CO2 и CO3 -> CO4) . Есть также некоторые галечные орудия (1%), но мы не будем на них останавливаться здесь. Около 38% заготовок изменены при дополнительной обработке ретушью, большинство пластин и большая часть отщепов были использованы для этой цели, пластинки не были задействованы. В соответствии с типом дополнительной обработки ретушью были определены только пять основных типов орудия. Во-первых, скребла, которые являются преобладающими на каждом типе заготовок; эта ретушь - прямолинейная, короткая, полу-резкая или низкая. Степень этой ретуши является полной или частичной на одном или двух краях заготовок, для того, чтобы модифицировать активную часть орудия или часть, вставленную в ручку. Как правило, этот тип орудий связан с другим: скребок или иногда выемчатые орудия. Во-вторых, мы отмечаем некоторые зубчатые орудия, находящиеся на одном краю пластины или отщепа; это полу-резкая ретушь и ее протяженность небольшая. В-третьих, несколько скребков также были обнаружены на пластинах и отщепах, в этом последнем случае, это полу-периферийная ретушь. В-четвертых, было также найдено несколько проколов на микропластинках, пластинках и отщепах. Наконец, мы наблюдали на пластинках и отщепах за углом отдельных резцов на неретушированной поверхности раскалывания. Некоторые нуклеусы были изменены ретушью, в большинстве случаев это скребла, зубчатые орудия или проколки. Следует отметить, что многие отщепы демонстрируют несколько этапов ретуши, некоторые из которых направлены на укорачивание заготовок. Кроме того, большая часть отщепов соответствует *pièces esquillées*.

Реконструкция оперативных цепочек¹

Первая *оперативная цепочка* (СО1) является местным производством, которое направлено на создание отщепов различных форм, из сырьевого материала хорошего и среднего качества. Используемый метод состоит из прямых ударов твердыми и мягкими молотками. Нуклеусы сделаны из мелких галек или отщепов (побочные продукты), полученных в результате формирования нуклеусов для пластин второй и третьей оперативных цепочек. Мастер сделал дебитаж довольно организованным, где производство отщепов производится методом адаптированным к морфологии отщепов определенного типа: дисковидный или центростремительный рекуррентный метод раскалывания для отщепов круглой или четырехугольной формы; однополярный или ортогональный метод обработки нуклеусы для получения удлиненных отщепов или наконечников стрел. Мы встретили либо не подготовленные нуклеусы для годных отщепов, в соответствии с техническими возможностями, предоставляемыми данным камнем, будь то отщеп или мелкая галька (сырье часто среднего качества); эти нуклеусы, как правило, быстро истощаются и дают лишь небольшое количество отщепов. Раскалывание отщепов делалось преимущественно на одной стороне нуклеуса. В некоторых случаях раскалывание переходило на еще одну поверхность, в случае дискоидных нуклеусов, или на несколько других небольших поверхностей для того, чтобы удалить последние отщепы. Фазы обновления встречаются не часто, и размер блоков обычно мал, так что нуклеус выбрасывается, когда потенциал раскалывания будет исчерпан. Наконец, некоторые нуклеусы от пластинок повторно используются часто для выгодного использования, с тем чтобы получить удлиненные пластины, используя края предыдущих мелких отщепов на нуклеусе. Отщепы, измененные ретушью, включают в себя все типы орудий, определенные ранее.

Вторая *операционная цепочка* (СО2) направлена на производство небольших заготовок, узких (ширина: 5–9 мм) и относительно коротких; это пластинки, полученные из небольших призматических нуклеусов с одной платформой путем косвенного удара² и под давлением для более мелких предметов. Различные технологические моменты, такие как сырье, используемое для этого дебитажа, существование стадий обновления (представленных отщепами после обновления нуклеусы, частичными реберчатами пластинами и т.д.), приводят нас к предположению, что использование метода отщепления имело место на памятнике. Несколько отщепов, полученных в результате подготовительного этапа нуклеусов, были использованы для экономного производства микропластинок неправильной формы. Все заготовки, произведенные и модифицированные ретушью демонстрируют полный набор всех типов орудий, определенных ранее. Некоторые микропластинки очень правильной формы, сделанные из одного и того же сырья, были удалены из «карандашевидных» нуклеусов отжимной техникой в сидячем положении; такого рода микронуклеусы (два предмета) известны в комплексе, но, к сожалению, не имеют стратиграфического контекста. Этот дебитаж предполагает конкретные и сложные технические навыки, начиная от подготовки нуклеусы и до удаления элементов, что свидетельствует о существовании другой операционной цепочки; в настоящее время, количество предметов слишком ограничено, чтобы подтвердить это предположение. Этот вид дебитажа особенно хорошо известен для мезолита и неолита в Центральной Азии (Brunet 2003 и 2012).

Третья *операционная цепочка* (СО3) ставит своей целью получение широких и длинных заготовок, либо пластин (ширина: 13-15 мм)³ или пластинок (ширина : 10-12 мм), давлением и косвенными ударами. Они были отделены методом редукции самого однополярного нуклеусы и преимущественно при правильном ударяющем ритме после формирования нуклеусы с минимум двумя реберчатами пластинами (фронтальным и задне-боковым). Использование техники через посредника демонстрирует начальные действия с целью получения крупных изделий, когда навыки достаточно освоены, так что возможен некоторый риск. Эта продукция оставляет открытой проблему рабочего места: нуклеусы отсутствуют, и в основном у нас имеется готовая продукция. Таким образом, эти фазы процесса, возможно, имели место за пределами раскопа, или даже за пределами памятника. Тем не менее, присутствие полу-корковых отщепов, сделанных из одного из видов сырья, используемых для этого расщепления, наводит нас на мысль, что источник этого материала находится не очень далеко от места. В связи с техническими навыками, необходимыми для такого расщепления, гипотеза о существовании

¹ Мы предлагаем внимательнее рассмотреть *операционные цепочки*, даже если детальная временная реконструкция технических действий не может быть представлена здесь исчерпывающим образом.

² В некоторых случаях несколько пластинок также были удалены с противоположной, вторичной платформы.

³ Две пластины, найденные на поверхности, имели ширину от 20 до 28 мм; таким образом, мы могли бы сомневаться в их присутствии в этой операционной цепочке, так как их производство требует особых технических ноу-хау.

специализированной зоны для этой деятельности - не говоря уже о возможности существования специализированных мастеров, должна быть рассмотрена. На заготовках, полученных отщеплением, мастера старались использовать один тип орудий: скребел, простой или двойной, ассоциированные главным образом с скребком.

Четвертая *операционная цепочка* (СО4) соответствует производству небольших наконечников стрел (длина от 45 до 75 мм), сделанных на разного сырья (кремень, халцедон, метаморфические породы, кварцевый песчаник, горный хрусталь) хорошего и очень хорошего качества. Их форма меняется, но мы отмечаем постоянство заостренного конца и прямого или округлого основания, иногда слегка заостренного; наконечники стрел с черешком или с боковой выемкой полностью отсутствуют. Ретушь либо полу-резкая и слегка распределенная, либо, в случае плоскости, низкая или параллельная, создавая тем самым небольшой зубчатый край, далее усиливается короткой низкой ретушью. Эта ретушь - покрывающая и, в большинстве случаев, сделана с помощью отжимной техникой. В некоторых случаях она, кажется, связана с термообработкой. Для половины этих предметов, чье сырье такое же, как и в других *операционных цепочках*, пластины или отщепы могут быть использованы в качестве заготовок. Это бы указывало на местное изготовление этих предметов.¹ Другая половина этих наконечников стрел изготовлена из нового сырья; мы можем предположить, что они были сделаны либо вне раскопанной территории, или за пределами памятника.

Пятая *операционная цепочка* (СО5) включает очень длинные и широкие кремневые ножи (не менее 160 мм), иногда четырехугольной формы, с закругленными концами, произведенные по той же методике; в одном случае, это узкий плоско-выпуклый двойной наконечник. Ретушь покрывает всю поверхность и хорошо сделана (полу-резкая или низкая и параллельная), через много последовательных ступеней; она выполнена в большинстве случаев под давлением. Производство предметов такого размера и правильности, некоторые из них очень тонкие, из сырья иногда очень зернистого, например, кварцевого песчаника, требует мастерства. Почти все из них сломаны и, таким образом, нецелые; было бы важно определить, если разлом произошел во время производства, что часто случается, когда ноу-хау недостаточно освоены, или это был результат использования предмета.² Другой примечательной особенностью этих предметов является сырье: на самом деле, оно специфично для данного производства и встречается исключительно в этой готовой продукции. В этой связи снова возникает вопрос о происхождении предметов, а также о локализации производственной зоны.

И наконец, пять удивительных предметов, изготовленных из того же сырья, что и некоторые листовидные наконечники стрел (черные метаморфические мелкозернистое породы), были описаны учеными как « рога » (Раззоков 2008, 74), имея в виду форму рога архара. Они соответствуют шестой *операционной цепочке* (СО6). Мы не будем обсуждать здесь назначение, конечно, не функциональное этих предметов; трасологическое исследование не позволило идентифицировать следы их использования (Раззоков 2008, 75). Мы только хотим подчеркнуть, что метод, использованный для производства этих предметов, то есть покрывающая полу-резкая ретушь, сделанная с помощью отжимной техникой, для того, чтобы создать двояковыпуклую форму, а также короткая зубчатая ретушь, очень правильная по краям, был намеренно использован для получения особенно реалистичной морфологии, если это действительно изображение рога архара. Таким образом, мы можем говорить о кремневой скульптуре.

Местные или аллохтонные производства? Саразм ремесленный или торговый центр?

Этот предварительный технологический анализ каменной индустрии Саразма уже позволил идентифицировать несколько местных производств. Прежде всего, это производство отщепов (СО1), а также пластинок и микропластинок (СО2). Небольшое количество микропластинок и вообще очень мелких предметов, а также отсутствие микролитов, отщепов и отходов от ретуширования и производства, можно объяснить отсутствием систематического просеивания отложений, или незнанием рабочей зоны, где эти операции имели место. Мы надеемся заполнить этот пробел в ближайшее время. Пластин и пластинок под давлением и косвенными ударами (СО3), возможно, также практиковались на памятнике или по соседству. Часть наконечников стрел (СО4), а именно те, сделанные на заготовках *операционной цепочки* 1, 2 и 3, также могли быть сделаны на памятнике. Наконец, «рога» (СО6) также могли быть созданы на памятнике, тем более, что используемая техника ретуши сродни технике, использованной на нескольких листовидных наконечниках стрел.

¹ Отсутствие в комплексе отщепов, полученных в результате обработки этих, обуславливается в основном несистемным просеиванием отложений.

² Обследование сломанных частей невооруженным глазом не дает диагностическую трассировку.

Необходимо исследовать существование *операционных цепочек*, основные этапы которых могли бы происходить в нескольких разных местах, а также наличие различных технических ноу-хау. Например, в случае пластины (СОЗ), которое требует высокой квалификации, можно предположить: формирование нуклеусов и работа в одном конкретном месте, может быть мастерской; использование или преобразование заготовок в жилой зоне, о чем свидетельствуют записи раскопок. Даже если производства, рассматриваемые здесь, являются результатом деятельности различных мастеров, однородный характер концепции орудий и стиль ретуши на всех заготовках, выделенных из этих производств, указывает на выражение одной и той же традиции в этой конкретной области. Это может подразумевать разрыв между жилой зоной и специфическими рабочими зонами. Полученные результаты интригуют. Наличие производства отщепов, а также наличие наконечников стрел и кремневых ножей хорошо соответствует тому, что наблюдалось ранее на других памятниках энеолита, или даже на памятниках раннего бронзового века в Центральной Азии. Тем не менее, Саразм представляет собой явно другой случай, так как производство пластин и микропластин путем отщепления остается важным и свидетельствует о высоком уровне технического мастерства. Важно также иметь в виду, что в Центральной Азии эти виды продукции характерны для неолита, еще более древних культур, и, как правило, полностью отсутствует или очень мало присутствуют на памятниках энеолита и раннего бронзового века в Центральной Азии. Саразм, таким образом, иллюстрируют продолжение или выживание древних технологических традиций в каменной индустрии. Является ли это традиция специфической для жителей Саразма остается открытым вопросом. Дальнейшая полевая работа может предоставить нам подтверждение этой гипотезы. Кроме того, уточнение контекста находки этих предметов может помочь нам лучше определить их хронологию и понимание, если эти *операционные цепочки*, которые представляют различные технические ноу-хау, существуют одновременно или нет.¹

Часть ответов на эти вопросы могут находиться в местном социально-экономическом контексте Саразма, поскольку каменная индустрия проливает свет на эти особенности. Действительно, трасологический анализ (Раззов 2008, 104-118)² подтверждает, что кремневые артефакты использовались в основном для охоты и разделки животных, а также для другой деятельности, связанной с животными (мех, кожа, кости). Кроме того, почти все наконечники стрел, пластины и пластинки были использованы, а также большую часть кремневых ножей, что может объяснить значение этих производств в Саразме.

Среди предварительных результатов этого технологических исследований, важным моментом является аналогия – которая нуждается в дальнейшем расследовании – показанная несколькими предметами саразмского комплекса с культурами от неолита до бронзового века на памятниках, расположенных от степных до аридных зон Центральной Азии, как на западе, в Узбекистане, так и на севере, в Казахстане. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что более сильные элементы этих аналогий связаны с наконечниками стрел и кремневыми ножнами, которые особенно хорошо представлены в степях Евразии от энеолита до бронзового века. Мы приведем лишь два предложения. Первое из них представляет собой белый кремневый листовидный наконечник стрел. Он совершенно идентичен морфологически, и по технике и используемому сырью, предметам, найденным в неолитической культуре Кельтеминар, в последней ее фазе (Виноградов 1968, Brunet 2005, 93, 98). Этот результат подтверждает гипотезу о существовании связи с этой культурой, предлагаемой некоторыми учеными на основании наличия некоторых фрагментов редкой керамики (Lyonnet 1996, 59). Но, в отличие от этих черепков, этот каменный наконечник стрел действительно типичен для культуры Кельтеминар. Итак, вопрос состоит в том, как этот предмет попал в Саразм: он был импортирован посредством торговли или обмена? Или же он попадает на памятник вместе с носителями кельтеминарской культуры, чье присутствие было зафиксировано недалеко от Саразма и вдоль долины Зарафшан?³

Во втором случае мы хотели бы упомянуть о кремневых ножах из серого кварцевого песчаника, найденных в Саразме. Они аналогичны тем, которые были найдены в большом количестве на

¹ Действительно, хотя раскоп, в котором предмет был найден, был определен, хронологическая атрибуция остается проблематичной, поскольку датировка каждого уровня обживания или археологических структур не совпадает у разных исследователей или вообще отсутствует.

² Этот анализ основан на предметах из секторов 2, 3, 4, 5, 6 и 9 и поверхностных находках.

³ Например, на памятнике Жуков в Узбекистане. Мы приносим особую благодарность Ноне Аванесовой за приглашение Ф. Брюне для рассмотрения каменных материалов с данного памятника; это предварительный анализ позволил нам подтвердить наличие многих кельтеминарских особенностей в этой каменной индустрии.

нескольких памятниках Южного и Северо-Западного Казахстана,¹ а также на плато Устюрта, где они связывались с производством пластин и пластинок, выполненных из того же сырья; можно даже усмотреть аналогию между этими предметами и предметами из Сибири. Мы не пойдем так далеко в предположении, что это может быть свидетельством существования контактов с группами Афанасьево. Тем не менее, эти предметы показывают связь между Саразмом и степной зоной. Мы можем только сожалеть о том, что большинство из этих предметов не может быть надежно отнесено к точным периодам обживания Саразма, в частности, к древнейшему периоду существования памятника,² за исключением трех предметов, которые, вероятно, были отнесены к двум первым периодам. С другой стороны, аналогии с миром Южной Азии, которые четко определены на основе керамического материала Саразма, на сегодняшний день остаются неопределенными в отношении каменной индустрии. Тем не менее, один из элементов этого материала, а именно листовидные наконечники стрел, покрытые ретушью, могут подтвердить эти аналогии. Несколько из них, изготовленных из различных видов сырья, были найдены на некоторых памятниках энеолита и ранней бронзы на юге Туркменистана (Ялангаш, Геоксюр, Алтын-депе; Сарияниди 1965; Коробкова 1969; Skakun 2003; Массон 2008), в Афганистане (Мундигах; Casal 1961), Иране (Шахри Сохте; Lamberg-Karlovsky 1973; Salvatori 1997), Белуджистане и Пакистане (Рахман Дери; Khan 1979). Даже если находки из этих памятников действительно обнаруживают морфологические сходства с саразмскими наконечниками стрел, очевидно, что точный технологический анализ позволил бы нам дать новое определение этим находкам, и помочь нам выяснить потенциальные связи между каменным материалом Саразма и Южной Азии. Действительно, обработка с помощью отжимной ретушью обычно не использовалась в индо-иранских странах. Более того, некоторые из этих наконечников стрел, по-видимому, являются аллохтонными, например, предметы с памятника Мергар (Lechevallier 2003, 128, 148); но на этом памятнике красный яшмовидный кремль, использованный в Саразме для широких двусторонних наконечников стрел, используется для производства других каменных предметов.³ Таким образом, мы намерены продолжать исследования в этом направлении. Наконец, при современном положении дел в исследованиях, нет возможности установить связь также с неолитической Гиссарской культурой в Таджикистане, за исключением совместного использования некоторых метаморфических пород.

Заключение и перспективы исследование

Среди наиболее важных видов ремесленной деятельности в Саразме, как по числу, так и по разнообразию созданных предметов, каменное производство является самым важным, будь то для изготовления украшений с полудрагоценными камнями, тяжеловесные каменные орудия, или каменная индустрия. Камень является таким важным сырьем в Саразме, что даже художественные предметы состоят из кремня. Часть трудовой деятельности с камнем, вероятно, проходила в бытовом контексте. Тем не менее, результаты настоящего исследования показывают, что могли существовать конкретные рабочие зоны, связанные с производством определенных типов пластин и пластинок. Такая же гипотеза уже была сформулирована для металлургической деятельности на этом памятнике. Изучение каменной индустрии показывает более ограниченную сеть связей, чем в керамике, а также привилегированные связи с евразийскими степями. Эти связи через большие расстояния можно понимать по-разному: импорт заготовок, странствующие мастера, обмен сырья и готовой продукции. Гипотеза о Саразме как центре разработки минеральных ресурсов, в частности для производства и контроля металлов, или как торговый центр, подкрепляется данным исследованием.

Оно также знакомит нас с новыми элементами, характеризующими традиции и технические ноу-хау, и способствует определению технических особенностей деятельности жителей Саразма, вопрос, который, кажется, не получают ясного ответа на основе керамического материала. Действительно, есть настоящие местные традиции, выявленные в более, чем одном типе производства на памятнике Саразм, хотя производственная зона некоторых из них до сих пор не обнаружены при раскопках. Среди различных выявленных индустрий значимость производства пластин, пластинок и микропластин свидетельствует о продолжении древней традиции. Наличие кельтеминарских листовидных наконечников стрел в этой индустрии все больше укрепляет эту гипотезу, даже если трудно понять, если

¹ Наблюдения, выполненные Ф. Брюне на основе технологического изучения каменного материала с разных памятников в Казахстане, с разрешения профессора Таймагамбетова Жакен Кожахметович (Государственный университет им. Аль-Фараби КазНУ, Алматы, Казахстан). Мы выражаем ему нашу большую благодарность за эту возможность.

² В самом деле, могила в круговой погребальной ограде в траншее 4 (период 1) относится к энеолитической культуре Афанасьево.

³ Информация, переданная доктором Винсентом Марконом (CNRS-UMR9993, Париж).

этот памятник был местом сосуществования различных групп, по причинам до сих пор неизвестным, или был контактной зоной. Саразм на самом деле является одним из редких мест в этой долине, которые помогают найти ответы на эти вопросы.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление или подтверждение источников сырья, а также на рекогносцировки в регионе для того, чтобы локализовать памятники, являющиеся потенциальными промежуточными стадиями между Саразмом и другими крупными памятниками. Что касается исследований на самом памятнике, продолжение раскопок предоставит, как мы надеемся, новые данные об относительной хронологии уже выявленных производств, а также уточнит наши представления о внутренней организации производственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А. В., 1968. Неолитические памятники Хорезма. Москва.
2. Виноградов, А. В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. Москва.
3. Гулямов, Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А. А. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент.
4. Исаков, А. И. 1991. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины, раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе.
5. Зайберт, В. Ф., 1992. Атбасарская культура. Екатеринбург.
6. Коробкова, Г. Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Том 158 Материалы и исследования по археологии СССР . Ленинград.
7. Литвинский, Б. А. , Окладников А. П., Ранов В. А. 1950. Древности Кайрак -кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе.
8. Массон, В. М., 1971. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Том 180. Материалы и исследования по археологии СССР. Ашхабад.
9. Массон, В. М. , Коробкова Г. Ф., и Кирчо Л. Б. 2008. Техничко – технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. Санкт-Петербург.
10. Раззоков, А. Р. 1994 . "Орудия охоты поселения Саразм (по экспериментально-трассологическим данным)". Экспериментально-трассологические исследования в археологии. Под редакцией Коробковой Г.Ф., 151-157. Ленинград.
11. Раззоков, А. Р. 2008 . Саразм (орудия труда и хозяйство по трассологическим данным). Душанбе.
12. Ранов, В. А. 1982. " Гиссарская культура: распространение, хронология, экономика ". Культура первобытной эпохи Таджикистана от Мезолита до Бронзы, 22-41 . Душанбе.
13. Ранов, В. А. , и Филимонова, Т. Г. 2008. " Изучение гиссарской культуры и неолитические слои поселения Кангуртут (к проблеме финального этапа гиссарской культуры)". Памятники Кангуртута в юго-западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века), под редакцией Виноградовой Н. М., Ранова В. А., и Филимоновой Т. Г., 13-159. Москва.
14. Сарианиди, В. И. 1965. Энеолит южных областей Средней Азии. 4 , Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. Том ВЗ -08, Археология СССР, серия Свод археологических источников. Москва.
15. Avanesova, N. A. 2013. "Zhukov, un 'sanctuaire' énéolithique d'anciens nomades dans la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan)." *Paléorient* 39,2: 85-108.
16. Anthony, D. W. 2007. *The Horse, the Wheel, and Language. How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World.* Oxford.
17. Besenval, P. 1987 год. Découvertes récentes à Sarazm (R.S.S. du Tadjikistan) : attestation des relations au IIIe millénaire entre l'Asie centrale, l'Iran du Nord-Est et le Baluchistan. In *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 131e année , N.2, 441-456. Paris.
18. Besenval, R., and Isakov A. I. 1989. "Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand." *Arts Asiatiques* XLIV: 5-20.
19. Bobomulloev, S. 1997. "Ein bronzzeitliches Grab aus Zardča Chalifa bei Pendžikent (Zeravšan- Tal)." *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 29:122–134.
20. Brunet, F. 2003. "Asie centrale : pour une redéfinition des complexes culturels de la fin du Pléistocène et du début de l'Holocène." *Paléorient* 28,2: 9-24.
21. Brunet, F. 2005. "Pour une nouvelle étude de la culture néolithique de *Kel'teminar*, Ouzbékistan." *Paléorient* 31,2: 87-106.

22. Brunet, F. 2011. "Comment penser la néolithisation en Asie centrale (Xe-IVe millénaires)? L'émergence de nouveaux modèles de sociétés entre sédentaires et nomades." *Paléorient* 37,1: 187-204.
23. Brunet, F. 2012. "The Technique of Pressure Knapping in Central Asia: Innovation or Diffusion?" In *The Emergence of Pressure Blade Knapping: From Origin to Modern Experimentation*, edited by Pierre M. Desrosiers, 307-328. New-York.
24. Casal, J-M. 1961. *Fouilles de Mundigak*. Tome XVII of the *Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan*. Paris.
25. Casanova, M. 1999. "Le lapis-lazuli dans l'Orient ancien." In *Cornaline et pierres précieuses. La Méditerranée, de l'Antiquité à l'Islam*, edited by Annie Caubet, 189-211. Paris.
26. Francfort, H-P. 1994. The Central Asian dimension of the symbolic system in Bactria and Margiana. *Antiquity* 68, 259: 406-418.
27. Harris, D. R., ed. 2010. *Origins of Agriculture in Western Central Asia. An Environmental-Archaeological Study*. Philadelphia.
28. Isakov, A. I., and Lyonnet B. 1988. "Céramiques de Sarazm (Tadjikistan, USSR): problèmes d'échanges et de peuplement à la fin du Chalcolithique et au début de l'âge du Bronze." *Paléorient* 14,1: 31-47.
29. Khan, F. 1979. "A Preliminary Report on the Microlithic Blade Industry from Rahman Dheri." In *South Asian Archaeology 1977* (volume 1), edited by Maurizio Taddei, 375-403. Naples.
30. Kohl, P. L. 2007. *The Making of Bronze Age Eurasia*. Cambridge.
- Lamberg-Karlovsky, C. C., and Tosi M. 1973. "Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau." *East and West* 23,1-2: 21-57.
31. Lechevallier, M. 2003. *L'industrie lithique de Mehrgarh. Fouilles 1974-1985*. Paris.
32. Levine, M., Renfrew C., and Boyle K. 2003. *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge.
33. Lyonnet, B. 1996. *Sarazm (Tadjikistan). Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien)*. Tome 7 of the *Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale*. Paris.
34. Parzinger, H., and Boroffka N., eds. 2003. *Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien. 1, Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten*. Tome 5 of the *Archäologie in Iran und Turan*. Mainz.
35. Salvatori, S., and Vidale M. 1977. *Shahr-I Sokhta 1975-1978: Central Quarters Excavations: Preliminary Report*. Roma.
36. Skakun, N. N. 2003. "Flint Arrowheads from the Bronze Age Settlement of Altyn-depe, Southern Turkmenia: Form and Uses." *Paléorient* 29,1: 147-156.

The transition from the Neolithic to the Bronze Age, which is usually linked to the Chalcolithic, is still not well understood in Central Asia. In the current state of research on the neolithisation processes, which happen in this region between the 10th and the 3rd millennium, we wish to propose different definitions according to the societies under study. There is something to suggest that it is either a relatively short (**Botaj**, Northern Kazakhstan) or a long development (Namazga I-IV, Southern Turkmenistan) during which the local Neolithic tradition evolves into Bronze age; in the dry, piedmont or steppe regions with *tugai* forests (Uzbekistan and Northwestern Tajikistan), it is rather a transitional period, marked by contacts between Kel'teminar Neolithic groups and contemporaneous Early Bronze Age communities. Sites located along the Zeravshan River are a very good illustration of the latter situation. We will focus here on some of the recent results, yielded by the techno-typological study of the lithic industry from the agropastoral settlement of Sarazm, dated to the Chalcolithic and Early Bronze Age (4th-3rd mill.). This material deserves particular attention since it helps to define the specific cultural identity of Sarazm inhabitants, and to discuss the mechanisms and dynamics of the complex interaction between contemporaneous communities with different lifestyles such as those from Kazakhstan, Uzbekistan, or even Siberia. The presence of some specific pieces and techniques, as well as of a great number of raw materials which reveal different geographical provenances, confirm the existence of a broad network of relationship; Sarazm would be one of the nodal points of this net.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ТРАДИЦИЙ В АРХИТЕКТУРЕ МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сайёра МУКИМОВА,

доктор архитектуры, старший сотрудник отдела истории искусств Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистана.

Тел.: 907 72 19 06. E-mail: msayora72@mail.ru

Музаффар ШЕРМАТОВ,

кандидат наук, заведующий кафедры «Архитектура и дизайн» Таджикского технического университета имени академика М.С. Осими.

Тел.: 900 83 33 99

В статье раскрывается вопрос о преемственности традиций храмов огня в переломные эпохи (IX-XI вв.), отношения зодчества к зодчеству раннего средневековья и античности, вопрос о средствах выражения идей эпохи, которые не были привнесены извне, а были подготовлены развитием зодчества предшествующих эпох на территории Среднего Востока. На основе анализа храма огня, была предпринята попытка изучить традиции этого универсального сооружения и его отношение к традиции.

***Ключевые слова:** архитектура, градостроительство, архитектурно-художественная деятельность, зороастризм, традиция, национальное своеобразие.*

Как известно из истории, зороастрийские богослужения происходили в святилищах, где помещался огонь как единственный символ, который одобрял пророк Заратуштра[1]. Храмовые огни устраивались на подставках в виде алтарей, известные по изображениям на ахеменидских царских рельефах. Сохранившиеся до сих пор древнейшие руины подлинного храма огня находятся на горе Кухи-Ходжа в Систане, на юго-востоке Ирана. Воздвигнутый там храм огня перестраивался несколько раз, но древнейшие его части относятся к селевкидскому или раннепарфянскому периоду. По описанию Мэри Бойс, первоначальный план этого сооружения включал прямоугольный зал, сообщающийся с небольшим квадратным помещением с четырьмя колоннами посередине, соединяющаяся с ещё меньшим, служившим святилищем огня. Перестроенный в III-II вв. до н.э. этот храм уже включал обходной коридор вокруг маленького квадратного помещения и находившегося позади него святилища[1]. Здесь же, на горе Кухи-Ходжа, найден каменный алтарь с колоннообразной подставкой с трехступенчатым основанием. Подобные алтари известны ещё с эпохи Ахеменидов, примером чему является алтарь огня в Пасаргаде (VI в. до н.э.)[2].

Более того, как выяснилось в настоящее время, храмы огня существовали в Мидии примерно ещё на рубеже VIII-VII вв. до н.э. Археолог Д.Стронах открыл на территории Мидии башнеобразный храм огня, относящийся к первой трети первого тысячелетия до н.э. Внутри храма имелось треугольное святилище, в центре которого слева от единственной двери находится четырехступенчатый алтарь огня, высотой около двух метров. По лестнице огонь доставлялся на крышу храма, откуда он был виден издали[3].

В целях упрочнения зороастризма Сасаниды стали покровительствовать созданию алтарей огня по всему государству - в городах, в сельских местностях, укрепляя с помощью новой религии свою власть среди населения[4]. В это время (224г.-651г.) храмы огня строились в основном по единой плановой композиции и являлись традиционными. Внешняя архитектурная декорация и внутреннее убранство их было аскетичной. Строительным материалом служил камень или необожженная глина, стены внутри храма были оштукатурены[5].

Храмы огня имели свою иерархию. Каждый новый правитель имел свой огонь, зажигаемый в храме в дни его царствования, который поддерживался в переносном алтаре. Самым почитаемым и великим был огонь Варахрана (в позднем произношении Бахрам). От огня Бахрама зажигались огни разных уровней и степеней[6].

Таким образом, храм огня был основным и главным святилищем зороастрийцев и все религиозные обряды и церемонии происходили у алтаря огня. Поэтому часто зороастрийцев называли огнепоклонниками.

Чортак, т.е. «Четыре арки» в Сасанидский период стал наиболее распространенным типом культовой постройки, сформировавшийся квадратного купольного павильона из камня с арками на четырех пилонах, в которых горел священный огонь. Такая постройка предполагает наличие второго замкнутого служебного помещения, где огонь содержался и сохранялся.

Как отмечает В.Л.Воронина, чортаки всегда были связаны с водой - ручьем, рекой, искусственным водоёмом, что связано с почитанием иранцев воды[7]. «Огню и воде персы приносят наиболее торжественные жертвы», - пишет Страбон[8].

Вид чортаков был суров, чему способствовало отсутствие штукатурки. В некоторых случаях чортаки имели обходную галерею, как, например, в упомянутом выше раннем святилище Кухи-Ходжа (обход с трех сторон) или в Чор-Капу в ансамбле Касри-Шири. Более сложные формы имеет один из храмов Джерре (V в.), где купол на пилонах окружен галереей со сводами и угловыми куполами[9]. Как замечает В.Л.Воронина, формы чортака генетически связаны с парфянскими храмами типа Хатры и Кухи-Ходжа, но замкнутая целла уступила место открытому киоску, а своды сменились куполами на тропках.

В Средней Азии зороастризм появился уже в эпоху Ахеменидского государства, и традиции этой самой распространенной религии прослеживаются в архитектуре на протяжении тысячелетия. В IV-V вв.н.э. зороастризм исповедовался преимущественно в центральных и северных районах Средней Азии. Наиболее видимые его проявления - святилища огня и оссуарные захоронения[10]. Помимо всего, имеются множество источников, свидетельствующих о существовании в Согде, Бактрии, Хорезме, Маргиане храмов и святилищ, связанных с почитанием и возжиганием огня. Так, на существование храмов и домов огня (оташкеды и оташхона) в Согде указывают пехлевийские тексты, арабские историки, Наршахи и особенно Бируни.

Два храма раскопаны в шахристане древнего Пенджикента[11]. Наконец, надо вновь указать на вышеназванный храм Окса, один из самых величественных храмов огня на территории Бактрии.

Одним из первых храмов огня, раскопанных на территории современного Таджикистана, является храм, раскопанный и археологически изученный У.П.Пулатовым на холме Актепа близ Нау[12]. Храм, датируемый VII в., представляет собой квадрат сырцовых стен, имеющих по четырем углам башни круглой формы.

Крупные храмовые комплексы огня исследованы в Южном Узбекистане (Северная Бактрия - Тохаристан) и в Хорезме. Культовый комплекс на городище Еркурган состоял из парного храма (западного и восточного), где святилище восточного здания состояло из прямоугольного зала (13,2x7,5м) с двумя массивными кирпичными колоннами в продольном направлении и колонного же портика на оси входа. Как считает исследователь памятника Р.Х.Сулейманов, культовый ансамбль Еркургана восходит к храмам Афины и Геракла, где наряду с огнем почитались греческие боги[13].

В целом, А.К.Мирбабаев храмовые сооружения V-VIII вв. подразделяет на несколько типов: общегородские храмы, посвященные отдельным богам; храмы представителей отдельных городских сословий; придорожные храмы; домовые святилища огня[14]. Столь широкая типология храмовых сооружений свидетельствует о том, что до прихода арабов и исламизации населения, среднеазиатские народы исповедовали в основном религию Заратуштра, приспособленная к местным традициям культовой идеологии.

Ярким примером разрушения или перестройки храмов и алтарей огня является храм идолов Бунджиката, столицы Уструшаны, который после прихода арабов был перестроен в мечеть[15].

В целом, как пишет Е.А.Дорошенко, до середины IX в. в Иране, да и в Средней Азии, не наблюдалось массового принудительного обращения зороастрийцев в ислам. Позже борьба за установление по всему Халифату единой веры - ислама - принимает жесткие формы[5].

Действительно, именно освоение традиций зороастрийских культов и верований, а также архитектурных сооружений было одним из характерных черт зодчества Средней Азии в раннеисламский период. С победой ислама, старые образы и символы не исчезли, но обрели новый смысл. В целом, исследования ученых, в том числе и наши, показали, что преемственность доисламских традиций в архитектуре Средней Азии IX-XI вв. шла по трем направлениям[16].

Во-первых, в Средней Азии рассматриваемого периода продолжали использовать сформировавшиеся в IV-VIII вв. гражданские и иные сооружения без изменения их функций, как, например, кешки, каравансарай, бани и др. Культовые же постройки, не меняя в целом архитектурной формы, приобретали новые функции. Например, многие храмы домусульманских культов, в том числе храмы огня были превращены в мусульманские мечети[17]. Один из подобных примеров мы привели выше, а именно, храм идолов в шахристане городища Калаи Каххаха I,

раскопанный Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедицией под руководством академика Н.Н.Негматова. После прихода арабов путем устройства на западной стене зала михраба многоколонная структура была приспособлена в качестве мечети.

Во-вторых, преемственность традиций наблюдается в создании ранее не известных архитектурных форм на основе развития в новых условиях традиционных образов и форм древней культуры народа. Одним из главных условия развития архитектуры в рассматриваемый период являлось применение в монументальном строительстве нового материала - жженого кирпича, способствовавшего созданию новых архитектурных форм, в частности, купольно-сводчатых структур.

Рассматривая идею купола в архитектурной системе Средней Азии, необходимо указать на его местные истоки, а именно, на генетическую связь «купола на квадрате» со ступенчатыми деревянными перекрытиями типа «чорхона» или «равзан» в структуре горнобадахшанского жилища или купольного чортака, сформировавшегося на территории распространения ираноязычных народов. Блестящим воплощением строительного искусства эпохи является мавзолей Саманидов в Бухаре, древнейший из дошедших до нас зданий, целиком возведенных из жженого кирпича[18]. Объемно-пространственная структура мавзолея знаменует сложение нового типа центрального купольного сооружения над могилой, возникновению которого, однако, способствовали вековые строительные традиции, бытовавшие в домусульманский период. Например, Б.Н.Засыпкин ещё в 1926 году высказал мысль, что галерея этого памятника является элементом доисламской архитектуры[19]. В.Л.Воронина отнесла мавзолей к типу здания «киоск» или «балдахин, известный в Средней Азии под названием «чортак»[20].

Форма усыпальниц-чортаков Северного Хорасана легко объяснима, поскольку округ Мерва находится на территории распространения влияния государства Сасанидов. Как подчеркивает В.Л.Воронина, мавзолей Саманидов, в основе которого лежит форма чортака, вышел за пределы Северного Хорасана[20].

Третья линия восприятия традиции доисламской архитектуры - это включение традиционных форм и элементов в новые композиции в качестве пережиточного компонента. Как пишет Л.И.Ремпель, «старое вино было влито в новые меха», чем можно объяснить ряд устойчивых форм мусульманского времени глубиной традиций, восходящих к далекому прошлому[21].

Так, в IX-X вв. в жилищах огонь возжигался в глиняных «очажках», имевших форму открытого спереди полуовала. В изображениях на внутренней стороне и лицевых плоскостях «очажка» Л.И.Ремпель угадал астральные знаки, небесные светила, животные, растения, а порой и человеческие фигуры с палицей в руках, отождествляемые со служителями храмов огня. «Уж не был ли «очажок» воспоминанием об уничтоженных исламом «домах огня», где совершались ритуалы, связанные с почитанием сил природы»[21]. Поэтому мы с уверенностью можем утверждать, что самаркандские «очажки» IX-X вв. полностью раскрывают старую тему в новом облики.

Продолжая идею третьей линии восприятия доисламских традиций, можно считать, что алтарные ниши огня превратились в молитвенные ниши - михрабы, что можно угадать в формах алтарной ниши из поселения Гардани Хисор VI-VIII вв. в Верхнем Зеравшане[22].

Устойчивость и преемственность доисламских традиций заметна и в архитектуре погребальных, культовых и общественных сооружений на территории Таджикистана. Так, например, чортак можно усмотреть в архитектуре мечети Сангин в Гиссаре, в ее ранних стадиях формирования (X-XI вв.), когда центральное купольное помещение имело три проема в стенах[23].

Подводя итоги вышеизложенному, остается добавить, что вопрос о преемственности традиций храмов огня в переломные эпохи (IX-XI вв.) есть вопрос отношения зодчества к зодчеству раннего средневековья и античности, вопрос о средствах выражения идей эпохи, которые не были привнесены извне, а были подготовлены развитием зодчества предшествующих эпох на территории Среднего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Перев. с англ. Изд. 2-е. – М.: Наука, 1988, С. 78-79.
2. Гулямхусейнзаде Гулямхусейн. Ирановедение. /Перев. Г.Таджиева и Г.Гурбанова. – Ашхабад: Изд. Культурный центр ИРИ в Туркменистане, 2003, С. 101.
3. Данданамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. - М.: Наука, 1980, С. 330.
4. Фрай Р. Наследие Ирана. - М.: Наука, 1972, С. 324.
5. Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. - М.: Наука, 1982, С.32.
6. Gabriel A. Die Religiöse Welt des Iran. – Wien – Koln, 1974, с. 162.
7. Воронина В.Л. Архитектура сасанидского периода // ВИА, в 12-ти томах, т.I. - М.: Стройиздат, 1970, С. 340-341.

8. Страбон. География. в 17 книгах. /Перев. статья и комм. Стратановского Г.А. Под общей редак. Утченко С.Л. Ред., перев. Крюгер О.О. – М.: АН СССР, 1964.
9. ВИА, в 12-ти томах, т. I, - М.: Стройиздат, 1969, - С. 343, рис. 50.
10. История таджикского народа, том I, указ. соч., С.485
11. Воронина В.Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии // СА. - 1960. - М., № 2, С.42-55; Шкода В.Г. Об одной группе среднеазиатских алтарей огня в V-VII вв. // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. - Л.: Наука, 1985, С.82-89.
12. Пулатов У.П. «Дом огня» в Уструшане // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. - Душанбе: Изд. «Дониш», 1977, С.77-79.
13. Сулейманов Р.Х. Храмовый комплекс Еркургана. Предварительные результаты изучения // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность и раннее средневековье. - Ташкент : Изд. «Фан», 1987, С. 185-143, ил.
14. Мирбабаев А.К. Типология зороастрийских погребальных памятников Средней Азии V-VII вв. н.э. // : Авеста в истории и культуре Центральной Азии. - Душанбе: АН РТ, 2001, С.200-201.
15. Негматов Н.Н., Авзалов Р.З., Мамаджанова С.М. Храм и мечеть Бунджиката в Калаи Кахкаха I // МКТ. - Вып. 4. - Душанбе: Изд. «Дониш», 1987, ч. 181-214, ил.
16. Маньковская Л.Ю. Формообразование в зодчестве Средней Азии на рубеже раннего и развитого средневековья // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. - Душанбе: Изд. «Дониш», 1977, С.173-175; Мамаджанова С.М., Мукимов Р.С. Вопросы преемственности традиций в зодчестве Мавераннахра IX-XI вв. // Абуали ибн Сино и его эпоха. – Душанбе: Изд. «Дониш», 1980, С.82-90; Мукимова С.Р. Зороастрийский фактор в архитектуре научно-образовательных центров античной Центральной Азии // Зороастризм и его значение в развитии цивилизации народов Ближнего и Среднего Востока. - Душанбе: АН РТ, 2003. – С. 201-208.
17. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Соч., Том 2, часть I. - М.: АН СССР, 1963, С.122.
18. Булатов М.С. Мавзолей Саманидов - жемчужина архитектуры Средней Азии. – Ташкент: Изд. литер. и иск., 1976.
19. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрации. // Вопросы реставрации. - Вып. I. - М., 1926. С.153.
20. Воронина В.Л. Мавзолей Саманидов и его зарубежные аналоги // АН. - 1985. - М. - Вып. 33. С. 191.
21. Ремпель Л.И. Архитектурные модели мемориальных сооружений и некоторые старые уроки наследия. // Архитектура Узбекистана. Альманах. - Ташкент: Издат. литер, и искус., 1985. С.71.
22. Веселовский В.Г., Мукимов Р.С., Мамадзаров М.Х., Мамаджанова С.М. Архитектура Советского Таджикистана. - М.: Стройиздат, 1987. С.20.
23. Алиева З., Мукимов Р., Самойлик П. Мачити Сангин // Хисорский заповедник и его архитектурные памятники. - Душанбе, 1993. С.48-50.

CONTINUITY AND MUTUAL INFLUENCE OF TRADITIONS IN ARCHITECTURE OF MAVERANNAHR AND KHORASAN AT THE TURN OF ANTIQUITY AND EARLY MIDDLE AGES

S.R.MUKIMOVA,

Doctor of Architecture, senior research assistant at the Department of History of Art of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography named after Ahmad Donish of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Tel.: 907 72 19 06. E-mail: msayora72@mail.ru

M.U. SHERMATOV,

Candidate of science, Head of the Department «Architecture and Design» of the Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi.

Tel.: 900 83 33 99.

The article deals with the question of the continuity of traditions of fire temples in the critical ages (the 9th - 11th centuries), relation of architecture to the architecture of early Middle Ages and antiquity, the question of the means of concepts' expression of the period which have not been introduced from outside, but have been prepared with the development of architecture of previous periods on the territory of the Middle East. Based on the analysis of the fire temple there were researched the traditions of this universal construction and its relation to the tradition.

***Keywords:** architecture, urban planning, architectural and artistic activity, Zoroastrism, tradition, national identity.*

АКТИВИЗАЦИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТАДЖИКСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Мухаммадулло ТАБАРОВ,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ.

Тел.: (+992) 93 451 38 16; E-mail: mtabari@mail.ru

Таджикская историческая драма пока изучена недостаточно. В драме прямое авторское слово чаще всего встречается во вспомогательном тексте. Исследование форм проявления авторского сознания в драме дает возможность конкретнее выявить авторскую позицию и идейную направленность произведения. Современное состояние таджикской драматургии позволяет говорить об активизации авторской позиции. Это значительно усиливает интерес к проблеме автора в драме. В статье делается первая попытка рассмотрения таджикской драматургии в аспекте форм выражения авторской позиции.

Ключевые слова: *драма, драматургия, автор, образ автора, авторское слово, многофункциональность слова, позиция автора, вспомогательный текст, ремарка, индивидуально-речевая характеристика персонажей, семантические центры, диалоги, дискуссии.*

1

До настоящего времени формы выражения авторской оценки в художественном произведении исследовались в основном на материале лирики и эпоса. Драма как самый «объективный» по форме род литературы, где прямое авторское слово чаще всего встречается лишь во вспомогательном тексте, с этой точки зрения изучена пока недостаточно. Исследование форм проявления обобщающего и оценивающего авторского сознания в таком специфическом роде литературы как драма дает возможность конкретнее выявить авторскую позицию, идейную направленность произведения в связи с его методами, жанром и стилем. Современное состояние таджикской национальной драматургии позволяет говорить об активизации авторской позиции во многих современных пьесах, о разработке новых способов ее выражения. Это значительно усиливает интерес к проблеме автора в драме. Кроме того, таджикская драматургия в аспекте форм выражения авторской позиции изучена мало.

Сложность драматического рода писатели и исследователи драмы видели в отсутствии повествовательного слова. М. Горький считал драматургию «самой трудной формой литературы», так как «пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась и словом и делом самосильно, без подсказок со стороны автора». [4] Много сделавший для изучения форм проявления авторской позиции в эпосе В. В. Виноградов отмечал, что речевая специфика образов персонажей порождает еще более сложную тему в структуре «образа автора» в драме. [3]

Внимание к проблеме автора проявилось в конкретных исследованиях творчества отдельных драматургов, пьес определенного периода или направления. В исследованиях драматургических произведений таджикских авторов накапливался материал для теоретического осмысления и обобщения данной проблемы. [1; 2; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 32; 33; 35; 36, - С. 105-111; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44] Вместе с тем, из них вытекают вопросы, требующие специального исследования особенностей форм выражения авторской позиции в драме. Интересными общими специальными исследованиями способов проявления авторской позиции в драме являются работы Ю. Юзовского «Диалоги героев и голос автора», Т.Л. Гуриной «Эпическое начало в трагедиях Ж. Расина как средство выражения авторской позиции», Б. А. Ларина «Заметки о языке пьесы М. Горького «Враги», «Чайка» Чехова (стилистический этюд)», М. Б. Борисовой «Слово в драматургии М. Горького» и другие.

Что касается таджикского литературоведения, то оно находится как бы на подступах его изучения и еще не располагает специальными исследованиями, разработавшими данный вопрос.

Особенности выражения авторской позиции, конечно, не остались незамеченными со стороны критиков и исследователей театра, литературы. Литературовед Л. Н. Демидчик [5. –С. 63-277; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16] и театровед Н. Х. Нурджанов [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31], прослеживая в своих работах способы выражения авторской позиции, затрагивают всего лишь некоторые стороны этого вопроса.

Ученые приходят к выводу о том, что в драме авторская оценка непременно присутствует, но выражена она специфическими средствами. В вышесказанных работах выделены такие способы выражения авторской позиции в драме, как подтекст, специфическое построение диалогов, символические лейтмотивы, индивидуально-речевые характеристики персонажей, эпическое слово и так далее.

Мы в рамках данной статьи не имеем возможности рассмотреть этот вопрос на разных этапах развития таджикской национальной драматургии. В связи с этим рассмотрим способы выражения авторской позиции на современном этапе (1990-е годы) развития таджикской драматургии.

Проблема форм выражения авторской оценки на уровне стиля никогда не оставалась вне поля зрения таджикского литературоведения. В последнее время этот вопрос вызывает особый интерес исследователей.

Категориальный аппарат теории литературы пополнился такими понятиями, как «образ автора», «авторское слово», «повествователь», «рассказчик» и т. д. Но следует отметить, что при определенных достижениях в этой области пока еще отсутствует единая трактовка понятия «автор» в таджикской драматургии. Кроме того, многие из предложенных терминов касаются только эпоса и лирики и не могут быть применены для анализа драмы.

Так, некоторые исследователи специфических функций речи в художественном произведении связывают с анализом «образа автора». М. Б. Храпченко небезосновательно обратил внимание на расплывчатость самого понятия «образ автора», а, кроме того, справедливо заметил, что часть образной системы в драме, например, автор, вообще чаще всего не представлен. [37. – С. 158-161]

В анализе драмы 90-х годов прошлого столетия и начала 2000-х годов уместно использование понятия «активизация авторской позиции», которое определяется как обобщающее осмысление и идейно-эмоциональная оценка социальной характерности человеческой жизни, воспроизведенной в художественном произведении. Авторская позиция во многом определяет особенности художественного содержания и его идейную направленность.

Находя образное выражение, она является одним из важнейших стилеобразующих факторов и влияет на сюжетно-композиционную организацию и словесный строй произведения. Драма как род литературы, предназначенный для постановки в театре, имеет свои специфические закономерности, определяющие особенности ее словесного строя, такие как подчиненная роль повествования, диалого-монологическая организация текста и др. [34]

На основе исследований стилистических средств выражения авторской позиции в современной драме можно выделить следующие его особенности.

1. Авторское слово во вспомогательном тексте (указания для постановщиков и актеров, перечень действующих лиц, ремарки), широко принимаемое в творчестве драматургов Н. Абдуллоева, Н. Косима, М. Гоиба, О. Рахмона. И хотя эти элементы драмы как литературного произведения не звучат в спектакле, они служат прояснению идейной установки автора. Одним из ярких проявлений этой особенности могут быть развернутые повествовательные ремарки пьес «Сказки Старика» и «Пришелец» Н. Абдуллоева, «Кир и Грѐз» Н. Косима, в которых активно звучит авторский голос.

2. Речь персонажа, идейно близкое автору. В публицистических драмах Н. Табарова, Б. Абдураззакова, С. Аюби, М. Суруша, А. Бахори, Ш. Солех герои часто высказывают авторские мысли. (Что можно отнести и к недостаткам произведений. Герои в таких случаях не «обладают» самостоятельной позицией, которая раскрывалась бы во всех их поступках, в сюжетном действии). В современной публицистической драме речь героя чаще всего авторизованна, авторская позиция, активно влияя на позиции персонажей, реализуется в монологах действующих лиц. Такие монологи часто характеризуются приближением к языковой норме, патетикой, риторикой, направленностью не на партнера, а на зрителя.

3. Движение речи персонажей по шкале языковых стилей (возвышенная и сниженная речь), создающееся использованием определенного стилевого или диалектного пласта. Через стилистику речи персонажей современный автор выражает свое отношение к содержанию их речи к их действиям и помыслам. Так, язык пьесы «Абдуи Худжанди», основанный на худжандском диалекте, служит выражением юмористического пафоса произведения.

4. Индивидуально-речевая характеристика персонажей. Использование лексики, фразеологических оборотов, в которых отражены особенности речи тех или иных социальных слоев. Кроме того, во многих современных драмах зачастую трудно выделить определенный диалект или речевой пласт, которым пользуется персонаж. Чаще всего действующее лицо

характеризуется целым комплексом социальных языковых признаков, представляющих собой продукт исторического развития. Поэтому индивидуально-речевая характеристика персонажей особенно, активно используется в современных драмах.

5. Приращение смысла слова. Слова при этом рассматриваются в целостности большого контекста. Многофункциональность слова в современной таджикской драматургии делает особенно эстетически важной смысловую осложненность слова, которая проявляется в разнообразных формах. Слова - семантические центры, символы, лейтмотивы, подтекст всегда создаются в процессе сложного взаимодействия слова и идейного содержания произведения. Приращения смысла слова в драме часто служат выражению авторской позиции. Так, в пьесах «Фирдоуси» М. Бахти и «Наш городок» (Обработка пьесы У. Тронтона поэтессой Фарзона) повторяются слова (причем значения их постепенно расширяются, обогащаются), которые становятся лейтмотивом и приобретают в перспективе всего произведения обобщенное значение, наиболее непосредственно выражающее авторскую позицию. Идейная соотнесенность таких слов и создает второй смысловой план, подтекст пьес.

6. Организация диалогов-дискуссий, в которых слова - семантические центры наполняются разным идейным значением в зависимости от мировоззрения персонажей. В столкновении этих часто противоположных значений выявляется авторская точка зрения. Семантические центры в виде диалогов-дискуссий часто встречаются в творчестве драматургов Н. Табарова, М. Суруша, Ш. Солеха и А. Бахори. Столкновение разных по идейной содержательности слов в последнее время становится приоритетным направлением в публицистической драме. Разные социально-слоевые интересы персонажей порождают несходное идеологическое осмысление слова, что может служить раскрытию идейного конфликта в пьесах о современности.

7. «Эпические» элементы в речи персонажей (рассказ о предшествовавших событиях, монологи, информирующие о действиях, происходящих за сценой). Повествовательные слова, заменяющие действия их описанием, которые широко использовались в ранних стадиях развития таджикской драматургии, все еще имеют место в произведениях С. Аюби, А. Бахори, С. Сабзаева, Ф. Сафара, А. Рабиева, Дж. Тошматова, Х. Мухаммадиева и К. Давлата.

8. Заглавия, подзаголовки в современных пьесах часто имеют обобщенно-газетное значение, которое свидетельствует о низкой идейно-социальной экспрессии.

9. Прямое введение авторских слов, звучащих в драмах от имени ведущих, автор - персонажа, встречающееся в комментариях к действиям (Балами в пьесе Н. Табарова «Жернова»).

В национальной драматургии расширяются и углубляются функции ремарок. Ремарки не только рисуют обстановку действия и фиксируют перемещения действующих лиц, но и раскрывают психологию персонажей, выражают прямое отношение автора к событиям и их оценки. Существенное значение в ремарках приобретают эмоциональная лексика, предметные детали, цвет, музыка. Такие ремарки имеют уже не только служебное значение.

В современной драматургии значительное место занимает группа произведений, в которых задачу выражения авторской оценки выполняет вспомогательный текст. С этой целью в ремарках активно используются экспрессивная лексика, тропы. Нередко ремарки представляют собой большие отрезки текста, раскрывающие замысел произведения, идейно-эмоциональную оценку событий. Такие ремарки начинают функционировать наряду с диалогами персонажей и выполняют самостоятельную задачу. Особенно этот фактор заметен в творчестве драматургов Н. Абдуллоева, М. Гоиба, С. Сафара, С. Аюби, О. Рахмона. Голос автора в них открыто характеризует героев и оценивает события, завоевывая себе право участия в драматическом действии современные драматурги особенно часто современные драматурги вводят в текст пьес звучащий голос автора в виде различных форм комментариев.

Современная таджикская драматургия характеризуется расширением форм выражения авторской позиции. По-видимому, можно говорить об активизации непосредственно выраженного авторского начала в этом роде литературы, что проявилось, прежде всего, в расширении и усложнении функций ремарок, в подчеркнута монтажной композиционной организации многих пьес, во введении прямого авторского слова в текст драматургических произведений.

Перед литературоведением и театроведением стоит задача дальнейшей разработки вопросов, связанных со спецификой стилистических способов выражения авторской позиции в разных жанрах драмы, трагедии, комедии, исторической и публицистической драмы, развитие которых интенсивно идет в современной литературе и театре.

Теоретический интерес должно представлять сравнение способов выражения авторской позиции в лирике, эпосе и драме; изучение под углом стилистических способов выражения

авторской оценки соседних литератур. Сегодняшнее состояние драматургии позволяет говорить об активизации авторского начала в этом роде литературы. Отсюда необходимость более детальной разработки проблемы «авторская позиция и способы ее выражения в таджикской драматургии».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулло Ғ. Драматургияи солҳои охири [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1968. - № 6.
2. Абдулло Ғ. Ҳаёти муосир ва драматургияи тоҷик [Матн]. // - Садои Шарқ. - 1975. - № 7.
3. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи. Поэтика [Текст]. - М.: Изд. АН СССР, 1963.
4. Горький М. О пьесах [Текст]. // Горький М. О литературе. - М., 1953.
5. Демидчик Л. Н. Зарождение и становление таджикской драматургии (1929-1941 гг.) [Текст]. // Таджикская драматургия и театр. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957.
6. Демидчик Л. Н. Современная таджикская драматургия [Текст]. // - Известия отделения общественных наук АН Тадж ССР, 1957. - № 15.
7. Демидчик Л. Н. Произведения Садрриддина Айни на таджикской сцене [Текст]. // - Известия отделения общественных наук АН Тадж ССР. - № 21. - Душанбе, 1960.
8. Демидчик Л. Н. Характери муосир ва ифодаи бадеии он [Матн]. // - Шарқи Сурх. – 1962. - № 3.
9. Демидчик Л. Н. Анъана ва ҷустуҷӯи эҷодӣ [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1965. - № 6.
10. Демидчик Л. Н. Таджикская драматургия 40-50-х годов [Текст]. – Душанбе: Изд. АН Тадж. ССР, 1965.
11. Демидчик Л. Н. Драмаи публицистӣ ва инъикоси замон [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1971. - № 11.
12. Демидчик Л. Н. Мавзӯи таърихӣ ва рӯҳи замон [Матн]. // - Садои Шарқ. 1974. - № 2.
13. Демидчик Л. Н. Кашфи олами инсон [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1974. - № 9.
14. Демидчик Л. Н., Шукуров М. Меҳри зиндагӣ ва инсон [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1981. - № 9.
15. Демидчик Л. Н. Замон ва қонуни жанр [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1982. - № 8.
16. Демидчик Л. Н. От правды жизни к художественной правде [Текст]. – Душанбе: Ирфон, 1985.
17. Икромӣ Ҷ. Чанд сухан дар бораи драматургияи мо [Матн]. // - Шарқи Сурх. – 1958. - № 6.
18. Иркабаев М. Р. Драматург и театр. Творческое сотрудничество Джалола Икромии с Таджикским академическим театром драмы им. А. Лохути. Автореф. дисс. канд. иск. -Л., 1980.
19. Миршакар М. Дар бораи баъзе проблемаҳои драматургияи ҳозираи советии тоҷик [Матн]. // - Шарқи Сурх. – 1954. - № 1.
20. Муллоҷонов М. Драматургия ва ҳаёт [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1971. - № 7.
21. Муллоҷонов М. Драматургияи панҷ сол [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1976. - № 7.
22. Муллоҷонов М. Оид ба драматургияи тоҷик [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1981. - № 6.
23. Нурджанов Н.Х. История таджикского советского театра (1917-1941) [Текст]. - Душанбе: Дониш, 1967.
24. Нурджанов Н. Х. Таджикский театр [Текст]. - М.: Искусство, 1968.
25. Нурджанов Н. Театр: закономерное и спорное [Текст]. // - Памир. – 1974. - № 1.
26. Нурджанов Н. Традиции в современном театре [Текст]. // - Памир. - 1977. - № 4.
27. Нурджанов Н. Театр и современность [Текст]. // - Памир. – 1979. - № 6.
28. Нурджанов Н. Тревоги и надежды [Текст]. // - Современная драматургия. - 1982. - № 4.
29. Нурҷонов Н. Рангомезҳои сахна [Матн]. - Душанбе: Ирфон, 1983.
30. Нурджанов Н. Х. История таджикского советского театра (1941-1957) [Текст]. – Душанбе: Дониш, 1990.
31. Нурҷонов Н. Баъзе тамоюлҳои инкишофи драматургияи тоҷик [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1998. - № 1 – 6.
32. Сафар С. Муаммои конфликт [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1968. - № 4.
33. Табаров С. Баъзе масъалаҳои инкишофи драматургияи тоҷик дар солҳои панҷоҳум [Матн]. // Ҳаёт, адабиёт, реализм.- Душанбе: Ирфон, 1966.

34. Хализев В. Е. Понятие литературного рода (к истории вопроса) [Текст]. // - Вестник Московского университета. Филология. – 1976. - № 2.
35. Хасанова Л. М. Современная таджикская драматургия на сцене академического театра драмы им. А. Лохути. Автореф. дисс. канд. иск. - М., 1975.
36. Хасанова Л. Бурду бохт [Матн]. // - Садои Шарқ. - 1973.- № 1.
37. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы [Текст]. - М.: Художественная литература, 1977.
38. Хуррамзод Б. Сцена и историческая личность [Текст]. - Самарканд: Сугдиен, 1997.
39. Хуррамова Б. Шахсияти таърихӣ ва рӯҳи замон [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1983. - № 3.
40. Хуррамова Б. К. Таджикская историческая драма и ее сценическое воплощение. Автореф. дисс. канд. иск. Ташкент, 1993.
41. Шаропов М. Таджикская советская комедия. Автореф. дисс. канд. иск. - М., 1980.
42. Шарофов М. Суруди нотаом [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1974. - № 8.
43. Шарофов М. Адабиёти тоҷик дар соли 1979. Драматургия [Матн]. Б // - Садои Шарқ. – 1980. - № 3.
44. Шукуров М. Конфликт то охир инкшоф дода шавад [Матн]. // - Садои Шарқ. – 1953. - № 11.

ACTIVATION AUTHOR'S POSITION IN TAJIK MODERN DRAMATURGY

Muhammadullo TABAROV,

Candidate of historical sciences, research associate A. Donish Institute of History, archeology and ethnography Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

Tel.: (+992) 93 451 38 16; E-mail: mtabari@mail.ru

Drama is a very objective form of literature genre, where the direct author word most of all meeting only in auxiliary texts and from this point of view has learnt poorly. The exploration form of manifestation summarizing and evaluating author's mind in such specific genre of literature as drama gives opportunity to concretize author's position, idea direction of work in connection with its methods, genres and styles.

Nowadays condition of tajik national dramaturgy permits to speak about activation author's position in many modern plays and about designing new methods of its expression. It is considerably strengthening interest of author problem to drama.

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКИСТАНА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

**(на примере Института истории, археологии и этнографии
им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан)**

Лариса ДОДХУДОЕВА, Зинатмо ЮСУФБЕКОВА, Мумина ШОВАЛИЕВА,

сотрудники отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии
им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан
пр. Рудаки -33,734025, Душанбе, Республика Таджикистан
эл. почта lorasdodo@rambler.ru; тел. (+992) 221 37 42

Это первая статья этнографов Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана (ИИАЭ), в которой показано, что, несмотря на сложности первых лет становления государственности независимого Таджикистана научная и экспедиционная деятельность отдела в настоящее время не только успешно продолжает развиваться, но и активизируется с каждым годом вопреки недостоверным «анализам и прогнозам» ряда «академических экспертов». ¹Наиболее плодотворно работа ведется в последнее десятилетие. За этой статьей последуют публикации коллег-этнографов из Душанбе, Худжанда и Хорога, которые внесли значительный вклад в этнологию Таджикистана в годы независимости. ²

***Ключевые слова:** этнология, экспедиция, архив, документ, монографии, статьи, выставка, конференция, каталог, исследование.*

В 80-х и начале 90-х годах XXв. таджикская этнографическая школа, основанная выдающимся ученым М.С.Андреевым, считалась лучшей и самой сильной в Средней Азии. В разные годы в секторе этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана (далее ИИАЭ АН РТ) работали такие известные этнографы, как М.С.Андреев, Н.А.Кисляков, А.К.Писарчик, Б.Х.Кармышева, Н.Н.Ершов, И.Мухиддинов, А.С.Давыдов, М.А.Хамиджанова, З.А.Широкова, Мезурнова Т.И., Мардонова А. Бабаева Н., Тошматов Н., Абдулвахидов Р.М., Юсуфбекова З., Мадамиджанова З., Шовалиева М. и др.

Выдающийся ученый, кандидат исторических наук А.К. Писарчик, первая заведующая отделом этнографии, руководила им до 1965г. Впоследствии отдел возглавляли кандидаты исторических наук Н.Н. Ершов (1965-1971гг.) и М.А. Хамиджанова (1971-1985гг.), доктор исторических наук И.Мухиддинов (1985-1990гг.), кандидаты исторических наук З. Юсуфбекова (1990-1998гг.) и З. Мадамиджанова (1998-2007гг.), а так же доктор исторических наук Л. Н. Додхудоева (с 2008г. по настоящее время). Изучение этнографии таджиков и других народов республики проводилось по выработанной методике, когда основное внимание исследователей было сфокусировано на сборе полевых материалов, их дальнейшей обработке и публикации. ³

В конце 80-х годов в секторе этнографии насчитывалось свыше 30 научных сотрудников. После обретения страной независимости (1991г.) и гражданской войны (1992-1994 гг.) направленность этнографических исследований значительно меняется. Отсутствие финансовых средств, транспорта, утечка кадров не позволяли продолжать экспедиционные работы в различные регионы страны. Несмотря на сложности разного рода, в начале 90-х гг. кандидатские диссертации защитили Абдулвахидов Р.М. в Санкт-Петербурге, Мадамиджанова З. и Тошматов Н.Э. - в г.Москве. Сотрудники отдела сосредоточили свое внимание на подготовке различного рода монографий, главным образом на основе защищенных диссертационных исследований. Были опубликованы монографии З. Мадамиджановой «Арабы Южного Таджикистана», в которой проведен анализ этно-социального развития данного субэтноса таджикостанского народа в условиях взаимовлияния оседло-земледельческих и кочевых народов указанного региона на современном этапе, и З. Юсуфбековой, «Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX-начало XXв.)», ⁴ объектом исследования которой стал традиционный семейный уклад одной из этнографических групп таджиков ГБАО. Особенности хозяйственной жизни таджиков Кулябской области была посвящена книга Р.М. Абдулвохидова «Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX-начале XXвв.» ⁵-Душанбе, 1998г.

В 2005г. к 80-летию образования Горно-Бадахшанской Автономной области Таджикистана посмертно вышла работа А.Давыдова «Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира)», ответственным редактором и автором предисловия которой стал

академик Р.Масов.⁶ В монографии собраны и проанализированы этнографические, языковые, антропологические, археологические данные, позволившие автору обосновать положение о том, что горнобадахшанцы являются исконными представителями таджикского народа.

В отделе, кроме заведующих отделов, постоянно работали два этнографа: кандидат исторических наук Юсуфбекова З. и научный сотрудник Шовалиева М.С., которые вели системные исследования. В эти годы в отдел пришла молодой этнограф Н. Турдиева, окончившая Санкт-Петербургский Университет (отделение этнографии). Она была единственной из всех сотрудников отдела за все время его существования с 1948г., кто имел специальность этнографа. Другие его члены, как правило, были историками или же языковедами, востоковедами. К сожалению, ее жизнь скоропостижно оборвалась и собранные ею материалы не увидели свет, за исключением нескольких статей по детской одежде таджиков Зеравшанской долины.

В начале XXIв. более активно стало развиваться международное сотрудничество. В 2005г.-2006гг. в рамках научного проекта IFEAC (Французского института по изучению Центральной Азии) сотрудники отдела З. Мадамиджанова, З. Юсуфбекова и М. Шовалиева проводили исследование «Ритуалы в постсоветской Центральной Азии». Одновременно по заданию администрации Президента страны ими проводилась работа по сбору в регионах республики этнографических экспонатов и подготовка экспозиций «Книжное дело», «Кузнечное дело» и «Ювелирное дело» Музея под открытым небом в Ботаническом саду «Ирам» г. Душанбе. В первые годы независимости были проведены за рубежом масштабные выставки по истории и культуре таджикского народа, в подготовке которых участвовали сотрудники отдела этнографии: Экспо-2000 в Ганновере, «Яркие цветы текстиля и керамики Центральной Азии» (ЭКСПО-2005 в Австралии) и др. В 2010г. Л. Додхудоева вошла в группу под руководством Р. Мукимова, которая выполняла распоряжение Правительства Республики Таджикистан, и являлась ответственным лицом за отбор и закупку этнографических материалов для выставки «ЭКСПО-2010» в Шанхае.

Однако финансовые средства на проведение этнографами полевых исследований из бюджета не выделялись. В связи с этим в 2008г. заведующая отделом Л.Н. Додхудоева поставила перед сотрудниками цель - в первую очередь спасти и восстановить бесценный архив отдела, создать его цифровой каталог, разместив электронную версию на сайте Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана, опубликовать его согласно принятым академическим нормам.

К тому времени его состояние, так же, как и фототеки, было плачевным: все документы были сложены кое-как на открытых полках и в разошедшихся шкафах, многие документы, разрозненные страницы валялись на полу, даже грызуны «приложились» к бумажным материалам. Сотрудники отдела понимали, что отсутствие внимания к архиву приведет к гибели его редчайших документов. Некоторые материалы частично были опубликованы авторами, которые их собирали, но основная его часть до 2008г. оставалась недоступной для исследователей из-за того, что он не был приведен в соответствующий порядок.

Первый полученный грант был направлен на приобретение компьютеров, железных шкафов, систематизацию документов, которая велась и в холодные зимние дни, и в жаркие летние месяцы тремя сотрудниками отдела Л.Н.Додхудоевой, З.Юсуфбековой и М.Шовалиевой. Задыхаясь от пыли и грязи в мороз и жару, они работали над спасением архива. Впоследствии наградой за такой тяжкий труд стала подготовленная ими и другими сотрудниками отдела монография «Хатлонская область Таджикистана в этнографических документах XXв. Книга первая и вторая» (всего 1200 страниц).⁷ Она открывает серию публикаций, посвященных уникальным, неизвестным материалам этнографического архива, входящего в состав Института.

К настоящему времени обработано более 1500 единиц хранения текстовой и фотоинформации (Додхудоева Л., Юсуфбекова З., М. Шовалиева).⁸ Работа над документами архива продолжается и ведется разработка темы «Горно-Бадахшанская Автономная область в этнографических документах XXв.».

Следует подчеркнуть, что в этот период к работе в отдел этнографии были привлечены новые сотрудники: кандидат исторических наук А. Валиев, А. Саидов, Дж.Ниязов, Н. Джураева, Т. Ашурмадова. Последние в настоящее время ведут работу над диссертационными исследованиями. Р. Джобиров защитил диссертации, а М.Наврузбеков решил связать свои научные интересы с физической антропологией. В 2016г. успешно защитил докторскую диссертацию «Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX-начала XXвв.)» бывший сотрудник отдела А. Валиев.

В последнее время возобновились полевые работы и закупка экспонатов для этнографического музея Академии наук Таджикистана. В 2013г. была организована этнографическая экспедиция в Гиссарскую долину и Варзоб (Додхудоева Л.Н., Юсуфбекова З., Шовалиева М. и Васитова Н.). Опубликованные членами экспедиции этнографические данные

чрезвычайно важны и будут использованы в плане сравнительного материала при написании различного рода научных исследований. Ведь историческая роль населения, проживающего на южных склонах Гиссарского хребта, в процессе эволюции таджикского народа весьма значительна, а их культурно-цивилизационная целостность, находящаяся под влиянием современных вызовов, вызывает большой исследовательский интерес среди современных ученых.⁹

В 2014г. была организована Зеравшанская этнографическая экспедиция в Верховьях Зеравшана (Фароб, Магиан, Шинг), материалы которой уже подготовлены к печати и увидят свет в 2016г. Частично материалы этих полевых исследований нашли отражение в статьях и альбоме «Орнамент Зеравшана» (М. Акилова, Л. Додхудоева).¹⁰ В последнем издании представлены образцы вышивки Зеравшана.

После возвращения из Зеравшанской экспедиции в том же 2014г. от Хукумата Республики Таджикистан поступил заказ на изучение жизни и быта населения зоны затопления Рогунской ГЭС. Сельская местность Нурободского района (дехаи Фурудгох, Комсомолободи Кухна, Сари Пул, Али Галабони Боло, Чорсада) и административно относящаяся к городу Рогуну дехаи Сеч, Таи Ағба, Таи Камар, Сичароғ, Талхакчашма, Мирох стали объектом изучения этнографической экспедиции Института (Л. Додхудоева, З.Юсуфбекова, М. Шовалиева, Т. Ашурмадова). При поддержке руководства государственного учреждения «Дирекция зоны затопления Рогунской ГЭС» сотрудники провели сбор полевых материалов, который позволил им зафиксировать исчезающую историко-этническую ситуацию, духовную культуру населения, его социально-культурную деятельность, объекты художественного наследия, расширить знания о миграции и этнических связях жителей региона. На основе собранных материалов была опубликована монография на таджикском и русском языках.¹¹

Сотрудники отдела, продолжая традиции своих предшественников, сотрудничают с различными ВУЗами страны – Таджикским национальным университетом, Российско-таджикским (славянским) университетом, Таджикским государственным педагогическим университетом им. С. Айни, Таджикским институтом изобразительного искусства и дизайна в области подготовки кадров. Они проводят этнографическую практику, руководят дипломными и курсовыми работами студентов, магистров, аспирантов, разрабатывают и преподают спецкурсы по этнологии таджиков, истории этнографии, краеведению, истории и культуре таджикского народа. З. Юсуфбекова, Л. Додхудоева, М. Шовалиева являются редакторами учебников и учебных пособий для школ и ВУЗов республики. Л. Додхудоева читала лекции по культуре и этнографии таджиков в США (2010г.- Ратгерс университет в г. Нью Брунсвик, штат Нью-Джерси, 2011г.- Колгейт университет в г. Хамилтон, штат Нью-Йорк), а также организовала выставку таджикской вышивки в последнем университете.

Все сотрудники отдела принимают участие в международных конференциях в США, Европе, странах СНГ, Таджикистане. Они являются экспертами при подготовке программ по проведению праздника Навруз, конкурсов национальной кухни («Оши палав», 2015г.), национальных платьев «Либоси миллӣ», «Чакомаи гесу-2015, «Чилвай хусн»2016г., ярмарки ремесел и др.

По предложению и при содействии Международного института по изучению цивилизации Центральной Азии ЮНЕСКО (МИЦАИ) в 2004г. Л. Додхудоевой было осуществлено издание коллективного труда «Таджикистан. Атлас художественных ремесел и промыслов» (том 4.) на английском языке, в подготовке которого участвовали сотрудники отделов этнографии и истории искусств Института (А. Раджабов, М. Рузиев, Г. Майтдинова, Н. Юнусова).¹² Он был признан лучшим альбомом среди изданий стран Центральной Азии.

Отдел продолжает развивать связи с коллегами из других этнологических центров. В сотрудничестве с исследователями стран СНГ Л. Додхудоева подготовила материал по культуре таджиков для многотомного издания «История таджикского народа», двухтомной монографии «Очерки истории исламской цивилизации» (Москва, 2008г.), участвовала в создании альбомов «Народное искусство Памира» и «Народное искусство Таджикистана» (соавторы Р. Масов, Н. Юнусова)¹³. Последнее издание распространялось оргкомитетом выставки в павильоне Таджикистана на «ЭКСПО- 2012» в г. Ёсу (Южная Корея).

ИИАЭ АН РТ активно сотрудничает с известными научными центрами. В частности Институтом был подписан меморандум о научном сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук (Москва). Известный ученый Р. Рахимов до своей кончины и члены его экспедиций из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук – Кунсткамеры (Санкт-Петербург) ежегодно посещали и ныне посещают отдел этнографии Института, обмениваются мнениями, публикациями. В 2015г. увидела свет в престижном московском издательстве «Наука» книга З. Юсуфбековой «Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX-начало XXвв.», редактор Т. Каландаров) под грифами двух Институтов: Института этнологии и антропологии им. М.Н. Миклухо-Маклая РАН и Института истории, археологии и этнографии

им. А. Дониша АН РТ. В ней выявлены основы семейной обрядности Шугнана, в которой еще в конце XIX-начале XX вв. наблюдалась консервация целого ряда архаических элементов религиозно-магического характера, связанных с культом предков, домашнего очага и святых. В этом же году была опубликована большая совместная статья автора книги и ее редактора, касающаяся медицинских знаний шугнанцев Западного Памира о здоровье женщин в московском сборнике «Медицинская антропология: проблемы, методы, исследовательское поле»,¹⁴ в которой внимание исследователей сфокусировано на характеристике локальных черт традиционного знахарства шугнанок.

Среди последних публикаций следует выделить монографию М. Шовалиевой «История кулинарной культуры таджиков», которая является первым исследованием в отечественной науке, основанным на данных средневековых источников и полевых исследований.¹⁵

Активно развиваются связи отдела с правительственными структурами. Сотрудники отдела участвовали в экспертизе ряда их законодательных актов, указов и постановлений: по закону «По упорядочению обычаев и обрядов в Республике Таджикистан», закона «О свободе вероисповедания и религиозных объединений» (Протокол Хукумата РТ от 29 июля 2014, №8г.), законопроекта от 18 июня 2015г. «О запрете родственных браков», который был утвержден Парламентом Республики 16 марта 2016г., а также упорядочиванию территорий кладбищ 2015-2016г.

Этнографы ведут и широкую общественную работу. Шовалиева М. является экспертом ЮНЕСКО по этнографии таджиков, Додхудоева Л.Н. - членом правления Союза ремесленников и художников, и экспертом UNIDO, членом госкомитета по присуждению премии им. А. Рудаки, а с 2008г. ученым секретарем диссертационного совета (за это время защитились 60 соискателей).

Всего в годы независимости сотрудниками отдела этнографии издано 17 монографий, альбомов, брошюр, 240 статей в стране и за рубежом. Сотрудники отдела участвуют в подготовке коллективной монографии «Этногенез и этническая история таджикского народа». Все это свидетельствует об активизации деятельности отдела этнографии в Академии наук Таджикистана в последние годы.

Помимо этого ведется работа по популяризации науки в Таджикистане по радио и телевидению: на каналах «Сафина», «1 канал», радио «Тоҷикистон», «Ховар», «Овози тоҷик», а также за рубежом для «Евро Ньюс», «Российское радио» и др. Особо востребована в этой сфере М. Шовалиева, которая в большом энтузиазме проводит различные мероприятия, выступает в СМИ, является членом жюри различных этнологических конкурсов.

К важным направлениям работы отдела относится пропаганда научного этнографического наследия. Так, в 2007г. была проведена конференция «Вклад А.Писарчик в развитие этнографической науки в Таджикистане» в связи со 100-летним юбилеем выдающегося ученого, а в 2008г.- заседание Ученого совета Института, посвященное 80-летию М.Хамиджановой, к которому был приурочен выпуск брошюры о ее научной деятельности.¹⁷ 22 октября 2013г. совместно с отделом истории науки Института была проведена Международная научно-практическая конференция «Вклад М.С. Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа», материалы которой были опубликованы в отдельном сборнике, совместно с музеем этнографии ИИАЭ АН РТ организована выставка (2015), посвященная ремеслам Каратага и научному вкладу известного этнографа Н.Н. Ершова в их изучение.

В период независимости в отделе обучались аспиранты, которые защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: О. Ескина (руководитель З.Мадамиджанова, диссертация «История этнокультурных процессов в Таджикистане в советский период», 2005г.) и Б.Одинаев (руководитель Л. Додхудоева, диссертация «История развития керамического производства Таджикистана XX-начала XXIвв.», 2015г.). Готовится к защите своего диплома «Свадебные обряды таджиков Рушана ГБАО» магистр отдела Джавхари Муносиб Шоназар.

В целом, в годы независимости в отделе этнографии ИИАЭ АН РТ велась активная изыскательская работа, проводились этнографические экспедиции в различных регионах Таджикистана, публиковались научные исследования. Однако следует значительно укрепить кадровый состав отдела, который мог бы способствовать проведению более интенсивной научной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁴См. УсмановаЗ. Об этнографии в Таджикистане//Что такое «региональные исследования» в современной антропологии (на примере Центральной Азии). Антропологический форум.- №28.- С. 129-132. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/05/>>.

- ² Помимо данной статьи планируется издание отдельной брошюры, в которой найдет детальное отражение деятельность всех этнологических центров Таджикистана, а также тех исследователей, которые внесли свой вклад в развитие этнографии в стране.
- ³ Подробно см. Додхудоева Л. Отдел этнографии: становление и развитие// Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан.- Душанбе, 2014. Исторические записки усто Бободжона о Магиане.//Муаррих, №1, 2015.
- ⁴ Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990гг.)-Под. текст к печати Н. Бабаева.- Душанбе, 2002; Додхудоева Л. Отдел этнографии: становление и развитие.
- ⁵ Мадамиджанова З. Арабы Южного Таджикистана. - Душанбе, 1995г.; Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX-начало XXв.). – Душанбе, 2001.
- ⁶ Абдулвохидов Р.М.«Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX-начале XXвв.».- Душанбе, 1998г.
- ⁷ Давыдов А. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира)/Ред. Р.М. Масов.-Душанбе, 2005.
- ⁸ Хатлонская область Таджикистана в этнографических документах XXв.: Книга 1. Кулябская этнографическая экспедиция 1948-1949гг. под руководством А.К. Писарчик. (368 с.); Книга 2. Каталог фотодокументов этнографического архива (700с.).
- ⁹ Подробно см. Додхудоева Л. Коллекция архива Института им. А. Дониша // Мероси ниёгон, 2009, № 12.; Она же. Этнографическая наука Республики Таджикистан в годы независимости//Мероси ниёгон-, 2011, №1
- ¹⁰Таджикистан. Полевые этнографические исследования.2013г. –Душанбе, 2014г.
- ¹¹ Додхудоева Л. Орнамент текстиля Зеравшанской долины Таджикистана (соавтор М.Акилова) Душанбе-2015.
- ¹² Таджикистан. Рогун и Нуробод. Полевые этнографические исследования.-Душанбе, 2014.
- ¹³ Tajikistan. Atlas of Central Asian Crafts.-vol.4 :UNESCO, ICAS.-Samarqand-Bishkek ,2007
- ¹⁴ Очерки истории исламской цивилизации./Ред. Ю. Кобищанов. – М., 2009г. (2 тома); Народное искусство Памира. - Душанбе, 2009, Народное искусство Таджикистана-Душанбе, 2011г.
- ¹⁵ Т.Каландаров, З. Юсуфбекова. К проблеме традиционных медицинских знаний о женском бесплодии у шугнанцев Западного Памира.//Медицинская антропология: проблемы, методы,исследовательское поле. - Москва,2015.
- ¹⁶ Шовалиева М. История кулинарной культуры таджиков.-Душанбе, 2015.
- ¹⁷.М.Хамиджанова./Ред. Л. Додхудоева. Статьи З.Юсуфбековой, М. Шовалиевой, Р.М.Абдулвахидова. – Душанбе, 2008.
- ¹ Вклад М.С. Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Материалы Международной научно-практической конференции. Душанбе, 22 октября 2013г.-Душанбе:Дониш, 2014.

DEVELOPMENT OF ETHNOGRAPHY DURING THE PERIOD OF POLITICAL INDEPENDENCE OF TAJIKISTAN (CONTRIBUTION OF A. DONISH INSTITUTE OF HISTORY, ETHNOGRAPHY AND ARCHEOLOGY, TAJIK ACADEMY OF SCIENCES)

DODKHUDOEVA L.N., YUSUFBEKOVA Z., SHOVALIEVA M,

researchers of department of ethnography of A. Donish Institute of history, ethnography and archeology, Tajik Academy of sciences

33 Rudaki av., 734025, Dushanbe, Tajikistan

E-mail: lorasdodo@rambler.ru, phone (+992) 221 37 42

This article is the first report of the researchers of ethnographic department in A. Donish Institute of history, ethnography and archeology, Tajik Academy of sciences. Despite many difficulties during formation of political independence of Tajikistan the scientific activity and field works of ethnologists continue develop very productive, especially last decade. Later our colleagues-ethnographers from different centers of Dushanbe, Khudjand and Khorog, who made very important contribution in Tajik ethnology during the political independence their native country will publish their own reports.

Key words: *ethnography, expedition, achieve ,document, monograph, report, expositions, conference, catalogue, research*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОДОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ РАЙОНАХ ТАДЖИКИСТАНА (1920-1940-е гг.)

Давлатали АЛИМОВ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Курган-Тюбинского государственного университета им. Носира Хусрава ул. Айни, 67, 735140, г. Курган-Тюбе, Республика Таджикистан Тел.: (+992) 2-23-64, 2-22-53; (+992) 919-36-35-44 (м.) adavlatali@mail.ru

Статья посвящена процессу формирования и развития водохозяйственных институтов в центральных и южных районах Таджикистана, где выявляются характерные особенности и этапы образования ирригационно – мелиоративных органов и служб.

Ключевые слова: *ирригация; мелиоративное товарищество; водные округа; водохозяйственные институты; квалифицированные кадры; освоение целинных земель; хлопок.*

Одной из важных отраслей народного хозяйства Таджикистана, как в прошлом, так и на современном этапе является сельскохозяйственное производство, которое создает успехи в экономике, рост национального дохода, повышение благосостояния народа.

В центральных и южных районах Таджикистана в ирригационном строительстве на протяжении многих лет использовались примитивные орудия труда. В 1893 г. русский крупный инженер Н. Дингельштедт восхищаясь работами мастеров Средней Азии, писал, что «все дело ведется техниками - мирабами из местных жителей, выносящими свои знания вовсе не из школы, а из практической жизни, или получающих их по наследству... В такой туземной технике, при совершенном отсутствии запаса научных знаний, поражает здравый смысл, сметка и глазомер...» [1, с.199, 202].

- Победа Советской власти и создание рабоче-крестьянское государство принесли освобождение таджикского народа от векового угнетения иноземных захватчиков. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон это событие оценивал так, «... революция дала вторую молодость угнетенному таджикскому народу» [15,с.45]. На территории республики Советская власть победила неодновременно. В центральных и южных районах Таджикистана она была установлена лишь после свержения Бухарского эмирата и ликвидации эмира Алимхана в начале 1921 г. В результате победы Советской власти на всей территории республики в экономической и политической жизни населения происходили коренные изменения, особенно в области ирригации и мелиорации целинных земель.

В дореволюционной территории Средней Азии до первой мировой войны ирригационное обследование производилось бывшим Отделом земельных улучшений и в 1910 г. была организована гидрометрическая часть отдела. Изучение водных ресурсов рек Средней Азии началось со времени основания гидрометрической части. На территории Туркестана в 1916 г. имелось 114 постов и станций на 56 реках, 11 каналах, четырех озерах и Аральском море. А в период 1923-1925 гг. при Туркводхозе был создан отдел научных исследований, и тогда была начата работа - научная основа под ирригацию [17, с.121].

После образования БНСР был создан Назират земледелия и ему подчинился водный отдел, в которых специалисты – инженеры и техники были русскими. Но этот отдел не мог обеспечить нужды в снабжении материалами и машинами для ирригационно-строительных работ. Поэтому в БНСР Назиратом земледелия были образованы водные округа. Значительная часть специалистов из городов были переведены на местности, что имело практическое значение. На местах заведование водным хозяйством было возложено на арбобов, аминов и мирабов. Но из-за незнания своих обязанностей они злоупотребляли своим положением. Водные округа должны были следить за поддержкой в рабочем состоянии ирригационных систем и правильного распределения воды по арыкам [3, с.47].

В 1924 г. Туркводхоз был преобразован в Средазводхоз и в 1925 г. был подчинен Совету Труда и Оборона СССР. Кроме Средазводхоза возникли УВХ Наркомводхоза Узбекской ССР, Туркменской ССР, а также УВХ Таджикской АССР [5, с.13-14].

Процесс формирования социалистического уклада в течение 1917-1929 гг. завершился победой в городах и в 1929-1941 гг. и в кишлаках [2, с.79-84].

Гражданская война нанесла колоссальный ущерб сельскому хозяйству республики, особенно посевным площадям и старым водохозяйственным объектам. Площадь посевов в Туркестане в 1920 г. по сравнению с дореволюционным временем уменьшилось почти наполовину. В период борьбы с басмачеством в 1921-1923 гг. количество богарных посевов, на территории Таджикской АССР по сравнению с довоенной площадью, сократилось на 72,1%, посевных на 73%. Сложившееся положение перед страной ставило задачу оказать всестороннее и быстрое содействие населению центральных и южных районов Таджикистана в восстановлении народного хозяйства.

В некоторых местах центральных и южных районов Таджикистана при слиянии рек образовались обширные болота и эти пространства стали необитаемыми. Ниже плотины сегодняшнего Большого Гиссарского канала в устье Душанбедарья, в устье р. Элок возле поселка Кокташ, в устье р. Ханака близ г. Гиссар, в устьях рек Кафирнигана, Вахша, Кзылсу, Яксу, в правобережье р. Пяндж (ныне районы Хамадони и Пархар) до революции и в первые годы Советской власти такие болота, заросшие камышом, представляли собой дикие джунгли, обиталище кабанов, шакалов, тигров и хищных птиц. Население близлежащих кишлаков жестоко страдало от разных заболеваний [6, с.141-142].

В результате со стороны местных жителей незнание науки по инженерной мелиорации и материально-технической базы в республике поймы многих рек превращались в болота и непроходимые камышовые тугая. Только после победы Октябрьской революции на основе применения технологий появилась возможность организовать крупные мелиоративные работы. Русские специалисты, работавшие до революции в этом регионе, приняв Советскую власть, активно включились за восстановление и развитие народного хозяйства, прежде всего, строительства ирригационных систем. Принятие в мае 1918 г. исторического декрета «Об организации оросительных работ в Туркестане» для населения Средней Азии, в том числе Таджикистана стало стимулом орошения и обводнения посевных площадей и экономическим, политическим и культурным подъемом жизни народов этого края. Этот декрет открыл путь для осуществления планов ирригационного строительства на высоком техническом уровне. На основе научно-обоснованных представлений, проводившихся русскими учеными и инженерами-ирригаторами изыскательских и проектных работ по орошению в Туркестане был принят этот исторический декрет [10, с.23].

Из 50 млн. руб., ассигнованных около 35 млн. руб. были распределены между отдельными распорядителями кредитов ИРТУРа (Управление ирригационных работ в Туркестане), остальная сумма более 15 млн. руб., находилась в Ташкентском казначействе и не была использована. В 1919 г. на эти цели было ассигновано 35 млн. руб., 22 млн. руб. было распределено между органами ИРТУРа, остальная сумма, более 13 млн. руб., не использовалась и находилась в Московском казначействе. В августе 1918 г. для ирригационных работ в Туркестане было выделено 6 млн. руб. [17, с.98].

Одним из грандиозных событий в жизни населения БНСР стало принятие «Декрета по землеустройству и землепользованию в БНСР» от 30 сентября 1920г. Всенародным достоянием становились все земли, принадлежавшие эмиру, баям, казиям и крупным чиновникам и через органы власти республики передавались безземельным и малоземельным дехканам.

В период гражданской войны эксплуатация оросительных систем осуществлялась самим населением под надзором мирабов и арык-аксакалов, тех людей, кто, верно, служил эмиру. Поэтому осуществление аграрной политики в Туркестане было возложено Наркомом земледелия. В январе 1918 г. IV краевым съездом Советского Туркестана был принят решения о создании земельно-водных комитетов на местах, которые обязаны были претворять в жизнь аграрную политику. А в апреле этого года по решению V съезда Советов Туркестана, комитеты были реорганизованы в земельно- водные отделы местных Советов и они решали все вопросы, связанные с землепользованием и водопользованием. С этого момента зарождаются водохозяйственные органы местного значения.

Комиссариат земледелия Туркестанского края в феврале 1918 г. обратился ко всем дехканам о создании земельно-водных отделов при Советах. Эти первичные водохозяйственные органы конфисковали у крупных землевладельцев оборудования (водокачки) и передавали их безземельным и малоземельным дехканам. Земельно-водные отделы при Советах создавали кооперативные товарищества, и работа мирабов переходила под контроль советских органов власти.

Средазводхоз был реорганизован в условиях перестройки центрального аппарата, образования новых производственных организаций. В национальных республиках появились центральные органы водного хозяйства, областные и окружные УВХ, районные и участковые.

Техническая оснащенность сельского хозяйства позволила ускорить развитие ирригации и освоение новых поливных земель в Таджикистане в годы третьей пятилетки (1938-1942 гг.).

Новому размаху народных строек способствовало Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 февраля 1940 г. «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства и в особенности хлопка египетских сортов в Таджикской ССР», утвердившее затраты на ирригационное строительство на ближайшие 5 лет в размере 572 млн. руб. [9, с.149].

На основании совместного постановления Турккомиссии и Совнаркома Туркестанской республики 28 января 1921 г. по вопросам ирригации наступил поворотный момент. Для организации водохозяйственной службы Реввоенсовету Туркфронта предложено было освободить от обязанности военнослужащих знающих ирригацию. Перед Совнаркомом РСФСР ходатайствовали об откомандировании студентов-ирригаторов Туркестанского университета, и были открыты курсы для подготовки младшего технического состава.

Согласно постановлению Экономического Совета Туркестанской автономной республики от 5 февраля 1922 г. все работы по гидротехническому строительству были объединены в Управление водного хозяйства. Наркомата земледелия республики, а ирригационные учреждения полностью переданы в Управление водного хозяйства Наркомзема [14, л.30].

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в своем постановлении от 2 марта 1921 г. подчеркивал, что хлопководство в Туркестане является одним из важнейших культур и вносит вклад во все дела хозяйственного строительства республики, особенно в области водного хозяйства и строительства гидротехнических сооружений. Поэтому на X съезде Советов Туркестанской АССР в конце 1921 г. все ирригационные работы были объединены в Главное управление водного хозяйства при Наркомземе республики [17, с.105].

В 1924 г. после образования ТАССР территория республики была распределена по водным округам, исходя из природно-климатических условий и существования рек. Центральные районы республики входили в Каферниганский водный округ (Гиссарская долина), а южные районы республики входили в Вахшский водный округ (Курган - Тюбинская область) и Кзылсуйский водный округ (Кулябская область). В 1924 г. орошались по Вахшскому водному округу 6715 га, Кафирниганскому – 30 тыс. га и Кзылсуйскому 6,6 тыс. га.

В 20-е годы по вопросам развития мелиорации были созданы научные организации такие, как Среднеазиатский научно-исследовательский институт ирригации, научно-исследовательский хлопковый институт, почвенный институт САГУ, Узбекский институт по изучению подземных вод, Среднеазиатский гидрометеорологический институт и др.

В некоторых водных округах, где каждый кишлак имел свой арык, распределением воды ведал кишлачный аксакал, который с каждого хозяйства получал пшеницу в размере 5,4 кг. С 1928 г. был введен институт мирабов, которых впервые избрали на съезде водопользователей.

Одним из видов водохозяйственных органов было создание мелиоративных товариществ. Первое мелиоративное товарищество в начале 1925 г. было организовано под названием «Джиликульское мелиоративное товарищество». В Гиссарской, Вахшской и Кулябской долинах в мае 1925 г. было организовано 10 мелиоративных товариществ [11, л.18].

Совершенствование деятельности этих кооперативов было указано в резолюции II пленума Таджикского обкома партии 23 сентября 1928 г. На этом пленуме была принята резолюция по докладу «О состоянии мелиоративной кооперации в ТАССР». Таджикский обком партии постановил создать Оргбюро мелиоративной кооперации при Управлении водного хозяйства. Оргбюро мелиоративной кооперации формировалось из представителей водхоза, Сельхозбанка, Союза кощчи, Наркомзема, Оргбюро кредитселькооперации и Оргбюро хлопковой кооперации [14, л.30,32].

В межкооперативном Совете выдвигался председатель бюро, который утверждался Совнаркомом ТАССР и являлся первым заместителем начальника Управления водного хозяйства ТАССР по мелиоративной части. Он входил в состав Ирригационного Комитета с правом решающего голоса [12, л.145].

В 1928 г. в решении Исполбюро Таджикского обкома партии было отмечено, что в республике организовано 29 мелиоративных товариществ.

На основе постановления бюро фракции Президиума Союза сельскохозяйственных коопераций в Таджикской ССР 13 августа 1930 г. мелиоративные кооперации республики были упразднены и их функции переданы Пахтасоюзу [13, л.28].

На заседании Исполкома Оргбюро Таджикского обкома партии 1 августа 1927 г. был обсужден вопрос «О работе с водопользователями», где было принято постановление о проведении съездов водопользователей. На основе этого постановления с 20 февраля по 15 марта 1928 г. в ТАССР были проведены съезды водопользователей. На съезде водопользователей обсуждались такие вопросы, как по джамоатам - отчеты мирабов о мелиоративной и хлопковой кооперации, выборы мирабов, по системам (районам) – отчеты гидротехников и утверждение плана ирригационных работ по системам, о посевной кампании, распределение воды и мелиоративной кооперации [12, л.16].

Нужно отметить, что 17 января 1928 г. были приняты «Положение о мирабах» и «Положение о водных обществах и съездах водопользователей». Обязанности мираба были установлены в «Положении о мирабах», где было написано, что он заведует отдельным арыком, избирается водопользователями данного арыка и утверждается окружным отделом водного хозяйства.

Учитывая огромное народнохозяйственное значение Вахшского ирригационного строительства 12 июня 1930 г. на заседании Исполкомиссии Средазбюро Компартии был рассмотрен вопрос «Об организации комитета содействия Вахшстрою». Его председателем был назначен Болдырев, членами Комитета - Миронов и Рейнгольд. Этот Комитет был утвержден ЦИК СССР как организация союзного значения.

Вахшское системное управление (ВСУ) было организовано в начале 1935 г. Для наращивания его работы необходимы были кадры. На помощь пришел комсомол республики, например 55 комсомольцев-колхозников были направлены из южных районов республики [13, л.4].

Президиум Верховного Совета Таджикской ССР, учитывая особую важность ирригации для дальнейшего развития сельского хозяйства республики Указом от 20 марта 1940 г. образовал Народный комиссариат водного хозяйства [4, с.30].

После победы в Великой Отечественной войне перед правительством и народом встала задача восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. В 1945 г. Совнарком поручил Госплану СССР разработать послевоенный пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946-1950 гг. В первой сессии Верховного Совета СССР 8 марта 1946 г. был рассмотрен и утвержден новый пятилетний план, основная задача которого заключалась в том, чтобы «восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах» [16, с.250].

Для дальнейшего развития ирригации и мелиорации и всестороннему подъему сельского хозяйства был образован Институт почвоведения, мелиорации и ирригации, где занимались исследованием путей мелиорации и повышения плодородия почв, и который был переименован в Институт водных проблем. Основные усилия ученых были направлены на поиск эффективных путей ведения ирригационных работ в различных географических условиях республики. Ученые сектора водного хозяйства этого института, по развитию ирригации и мелиорации проводили много научно-исследовательских работ.

Большое место отводилось техническому вооружению водохозяйственных работ. Для этой цели в городе Курган-Тюбе и Вахшском районе были организованы машинно-экскаваторные станции. Для ремонта землеройных механизмов и автомашин были построены мастерские в Курган-Тюбе.

Шуробадская оросительная система была образована в 1927 г. В ее ведении находилась часть Яванского района расположенного севернее района Куйбышева. Земледелие там преимущественно зерновое-богарное, орошается лишь небольшая площадь размером в 112 га, источник орошения – небольшие родники. Эта система обслуживает территории Куйбышевского района, в 1927 г. обслуживала только 1980 га и эти земли были в крайне примитивном состоянии. Водозабор в район осуществлялся из реки Вахш с помощью семи самостоятельных каналов: Ходжа-Кала, Джигершах, Катаганшах, Кум, Караланг, Авганшах, Дурменшах, причем головной водозабор по этим каналам производился простыми водозахватывающими дамбами местного типа, восстановление и ремонт, которых производился несколько раз в течение вегетационного периода. В 1927 г. был построен канал Ходжа - Кала. В 1929 г. было начато строительство канала Шуроабд, объединившие каналы Катаганшах, Кум, Караланг, Авганшах, с заложением в 1930 г. бетонного головного сооружения в 2,3 км выше существующего канала Катаганшах [7, л.3].

Управление Нижне-Кафирниганской оросительной системой было организовано в 1932 г. в результате объединения ранее самостоятельных райводхозов, обслуживающих Микоянабадский и Шаартузский районы. До 1932 г. эти райводхозы были подчинены непосредственно республиканскому управлению водного хозяйства. Создание Управления положило начало более правильной организации и эксплуатации оросительной системы, способствовало развертыванию больших работ по реконструкции всей сети [8, л.1].

В конце 1930-40-х гг. были образованы Курган - Тюбинская машинно - экскаваторная станция, Вахшская машинно-экскаваторная станция, Кировабадская оросительная система, Кагановичабадский эксплуатационный участок, Пянджский эксплуатационный участок. А также были созданы Управление Пархаро-Чубекской оросительной системы, Управление Кзылсу-Яхсуйской оросительной системы, Гиссарское долинное оросительные системы и другие водохозяйственные службы.

Таким образом, в 1920-40-е годы XX в. в исследуемом регионе были восстановлены и организованы водохозяйственные службы. В результате чего успешно развивалось орошение и освоение новых земель, а также стремительно и планомерно увеличилось количество строительства ирригационных и других гидротехнических сооружений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Т.1. [Текст] / Н. Дингельштедт. – Спб, 1893. – 245 с.
2. Дриккер Х. Н. Формирование классов социалистического общества в Таджикистане. [Текст] / Х. Н. Дриккер. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 120 с.
3. Виноградов Г. Водные изыскания в Восточной Бухаре и перспективы [Текст] / Г. Виноградова // Вестник ирригации. – 1925. – №3. – С.47.
4. История таджикского народа. Т.III. Кн. 2 (1938-1963 гг.) [Текст]. – М.: Наука, 1965. – 270 с.
5. Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин [Текст] / Б. Н. Кастальский // Вестник ирригации. – 1925. – №4. – С.13-14.
6. Лукницкий П. Таджикистан [Текст] / П. Лукницкий. – М., 1951. – С.141-142.
7. Монографии о работе Шуробадской оросительной системы [Текст] // ЦГА РТ. – Ф.27. – Оп.7. – Д.348. – Л.3.
8. Монографии о работе Нижне-Каферниганской оросительной системы [Текст] // ЦГА РТ. – Ф.27. – Оп.7. – Д.370. – Л.1.
9. Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1919-1965 гг.). [Текст] – Душанбе: Дониш, 1969. – 434 с.
10. Об организации оросительных работ в Туркестане. Декрет СНК от 17 мая 1918 г. [Текст] // В кн.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). Т.1. – М., 1967. – С.121-125.
11. Отчет о создании мелиоративных товариществ [Текст] // ЦГА РТ. – Ф.26. – Оп.1. – Д.315. – Л.18.
12. Отчет о создании организационное бюро мелиоративной кооперации [Текст] // ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.695. – Л.145.
13. Отчет о строительстве Вахшской ирригационной управление [Текст] // ЦПИ КП РТ. – Ф.3. – Оп.6. – Д.320. – Л.4.
14. Постановление Таджикского обкома КП(б) Узбекистана о создании Оргбюро [Текст] // ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.568. – Л.30, 32.
15. Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории [Текст] / Э. Рахмонов. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 120 с.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 - 1967 гг.) [Текст]. – Т.III. – М., 1968. – 501 с.
17. Хамраев М. Деятельность Коммунистической партии по развитию ирригации в Таджикистане (1924-1938 гг.) [Текст] / М. Хамраев. – Душанбе: Дониш, 1972. – 330 с.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF WATER MANAGEMENT INSTITUTIONS IN THE CENTRAL AND SOUTHERN REGIONS OF TAJIKISTAN (1920-1940)

Davlatali ALIMOV,

candidate of historical sciences,

Church. Lecturer, Department of history and the rights of Kurgan-Tyube State University. Nasir District
Str. Aini, 67, 735,140, Kurgan-Tyube, Tajikistan

Tel.: (+992) 2/23/64-23-64, 2/22/53-22-53; (+992) 919-36-35-44 (m) adavlatali@mail.ru

The article is devoted to the processes of formation and development of water management institutions in the Central and southern regions of Tajikistan, where identifies the characteristics and stages of education, water authorities and services.

Key words: *irrigation, reclamation, water districts, water management institutions, skills, development of Virgin Lands, cotton.*

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП КИРГИЗОВ ДЖИРГИТАЛЯ Б.Х.КАРМЫШЕВОЙ В 1954 г.

Нигора ДЖУРАЕВА,

младший научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии
и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан
пр. Рудаки 33, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан,
тел (+992) 2213742

В статье приводятся материалы собранные известным советским этнографом Б.Х.Кармышевой в Джиргитале в 1954 г. Исследователь провела полевые работы в Каратегине, где изучила родословную киргизов и связанные с ними предания. Указываются изменения, произошедшие в их быту за годы Советской власти.

Ключевые слова: киргизы, Каратегин, род, хозяйственная деятельность.

Белькис Халиловна Кармышева – известный советский этнограф, неоднократная участница Кулябской, Гармской этнографических экспедиций в разные годы, издавшая около 60 работ. Основная тема над которой она работала это взаимоотношения оседлого населения Среднеазиатского междуречья с кочевым.

Б.Х.Кармышева практически первой стала разрабатывать проблему формирования этнического состава населения Таджикистана и Узбекистана по этнографическим данным, открыв путь дальнейшим исследованиям этого вопроса. Она изучала историю и обряды многих народов Средней Азии и Казахстана: таджиков, узбеков, киргизов, казахов, туркмен, арабов, а также башкир и татар. Также одной из её основных тем исследования были этнические группы киргизов.

В 1954 г. Б.Х.Кармышева посетила Каратегин. Материалы её полевых исследований нашли отражение не только в её статье «Поездка к киргизам Джиргитала в 1954 г.»,¹ но и в следующих её публикациях: «Обряды, связанные с воспитанием детей у каратегинских киргизов»,² комментарий к разделу «Свадебные обряды у киргизов» Ф.А.Филелструпа,³ «Каратегинские киргизы».⁴

Монография «Каратегинские киргизы» посвящена историко-этнографической характеристике небольшой группы киргизов, проживавшей совместно с горными таджиками в одном из районов Таджикистана - Каратегине, до конца XX в. Книга представляет интерес в первую очередь тем, что сведений об этой группе киргизов в этнографической литературе немного. В работе рассмотрены история заселения Каратегина киргизами, их расселение, занятия, материальная и духовная культура, общественный и семейный быт, фольклор. Приведён словарь местных терминов.

В основу исследования о каратегинских киргизах легли полевые материалы, собранные Б.Х.Кармышевой в 1952-1954 гг. в составе Гармской этнографической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Эта экспедиция проводила сплошное этнографическое обследование Каратегина и Дарваза. В Джиргитальском отряде Гармской экспедиции помимо Б.Х.Кармышевой, принимали участие художник М.Р.Грабе и лаборантка Ю.И.Богорад.⁵ Кроме того, Б.Х.Кармышева приняла участие в 1957 г. в Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР, а в 1988 г. ездила в Каратегин с сотрудником Ленинградского Института этнографии С.И.Илюшенко.⁶ Сбор материала проводился по программам, составленным экспедицией для сплошного этнографического изучения Гармской области.

Поездка Б.Х.Кармышевой к киргизам Джиргитальского района в 1954 году и собранные ею материалы по их расселению в Каратегине показывают, что ареал их расселения к моменту её исследования, т.е. за последние 75 лет не претерпел существенных изменений и совпадает с территорией нынешнего Джиргитальского района. Изменения шли только в направлении увеличения таджикского населения, роста кишлаков со смешанным населением, с одной стороны, а с другой - переселением ряда кишлаков (или части населения их) в южные районы Таджикистана на вновь осваиваемые под хлопок земли.

Почти все исследователи, которые в той или иной мере касались населения Каратегина и его истории, свидетельствуют, что Каратегин 200-300 лет тому назад был весь заселен киргизами и только постепенно таджики, пришедшие преимущественно из бассейнов рек Оби-Хингоу и Ях-Су, оттеснили их на восток.⁷

Все таджикские семьи помнят, откуда и сколько примерно поколений тому назад пришли сюда их деды и прадеды. Произведены многочисленные записи киргизов и таджиков о том, как преимущественно с Вахиё (верхнее течение р. Оби-Хингоу) происходило переселение таджиков в Джиргитальский район. Они или создавали постепенно новые поселения, или, что чаще, селились среди киргизов.

Согласно исследованию Б.Х.Кармышевой в середине XX века в Джиргитальском районе Гармской области проживали следующие роды киргизов: Бостон, Гыдырша (Кыдырша), Тент, Ахтарчи, Кесек и Кыпчак (подразделения Кызыл-Аяк и Таз). К роду Тейт относят подразделения Кара-Тейт и Чон-Кыргыз, а к роду Бостон - Уйгур и Чегетер; род Чоок считается подразделением рода Гыдырша. Все они относились к племени ичкилих.

Старики считали, что все киргизы делились на две группы: тышкы кыргыз (внешние киргизы) и ички кыргыз (внутренние киргизы), откуда идёт название племени ичкилик. Внешними киргизами (иначе - отуз уул), по представлению информаторов, называют киргизов, живущих к северу и северо-востоку от Джалал-Абада и Нарына. Ичкиликами называют юго-западных киргизов, тех, что «вошли внутрь, смешались с узбеками, подчинились узбекскому хану».⁸

Каратегинские киргизы сами не называли себя ичкиликами. По их словам, только киргизы других племён называют их так. Со временем часть этих киргизов постепенно откочевала на восток, в Каратегин и их стали называть гыдырша, т.е. «бродячие», «странствующие». Оставшуюся в Хисаре часть киргизов стали называть калдык, т. е. «оставшиеся», откуда будто бы происходит название карлуков.⁶

Род Бостон, по одним сведениям, происходит из окрестностей Шахи- мардана (Ферганская область). В кишлаке Ярдам вблизи Шахимардана будто бы хранится шаджара (генеалогическая запись) здешних бостонов.⁷ По другой версии, здешние бостоны являются выходцами из Куляба.⁸ Родоначальником их считается некий Аскулубий.

Характерным для каратегинских киргизов является деление каждого кишлака на мелкие группы, называемые топ (буквально группа). Потомство одного человека образует топ, который, как правило, носит имя родоначальника. Представители одного и того же топа называют друг друга туган – родственник, и в прошлом каждый топ селился более или менее компактно.

Нередко название топа происходило от прозвища родоначальника. В кишлаке Сары-Кендже, например, есть топ Караке. Родоначальник его Маат-бек имел прозвище Караке, так как был очень смуглым человеком.

Ограничений вступать в браки как внутри отдельных родов, так и с представителями других родов не было. Распространены были и кузенные браки. Изредка встречались случаи заключения браков с отдалёнными (территориально) киргизами.

Собранные материалы дают характеристику хозяйственной деятельности киргизов Джиргитальского района. Характерным для них являлось то, что земледелие, наряду с животноводством, занимало весьма существенное место в их хозяйственной деятельности. Животноводство населения Джиргитальского района было отгонным, но для него была свойственна заготовка грубых кормов на зиму. Ещё в дореволюционное время здесь появилась русская коса. Однако заготовка сена производилась в прошлом в очень незначительных количествах. В советское время в колхозах киргизы для скота производили достаточно запасов сена, самана, люцерны и ячменя, а также силоса.

Охота на горных козлов, была значительным подспорьем для жителей этого высокогорного района.

Б.Х. Кармышева зафиксировала различные типы ремёсел - плотничество, кузнечное дело, среди женских промыслов - ковро ткачество, вязанье шерстяных чулок, заимствованное у таджиков, валянье кошм и вышиванье.

Плотники и кузнецы бывали как самоучками, так и прошедшими ученичество у известных местных мастеров. Обычно плотник бывал и столяром (изготовление сундуков, колыбелей и т. п.), а порой и кузнецом.

В советское время из женских промыслов явный упадок переживало ковро ткачество, хотя мастериц было довольно много, как пожилых, так и молодых женщин.

Как и у таджиков Каратегина, среди киргизов Джиргитальского района было широко распространено отходничество. На заработки уходили в Ферганскую долину. Киргизы, в основном, занимались пастухами или работали на возведении пахсовых стен.

Большое место в записях Кармышевой занимают материалы по домашнему быту киргизов (жилище, утварь, пища, одежда), по рождению и воспитанию детей, по семье и браку, а также по обычаям и обрядам, связанным со смертью и похоронами.

По её мнению, характерной чертой как материальной, так и духовной культуры киргизов Каратегина является весьма значительное влияние на них культуры таджиков и узбеков Ферганы, в очень незначительной степени, влияние Кашгара.

Как пишет Б.Х.Кармышева, население большого кишлака Джиргитал и окружающих его кишлаков, т. е. западной части района, была полностью двуязычно, т. е. говорило на таджикском и киргизском языках. Это двуязычие доходило до такой степени, что нередко говорили одновременно на обоих языках. Происходило так не только тогда, когда собирались соседи, киргизы и таджики. В этом случае каждый говорил на своём языке (или, говоря на таджикском языке, вводили в свою речь киргизские пословицы и поговорки и наоборот). Говорили на двух языках и в семье, так как смешанные браки были чрезвычайно распространены.

Большое взаимовлияние обеих культур наблюдается и в обычаях, связанных с рождением и воспитанием детей. Жилище, утварь, одежда и пища таджиков и киргизов имеют очень мало различий.

В прошлом, как киргизы, так и таджики вели полукочевой образ жизни: весной перекочёвывали на летние пастбища в окрестные горы, а на зиму возвращались в кишлаки. При этом таджики и киргизы летом жили в войлочных юртах, а зимой - в глинобитных домах. Таким образом, летнее жилище было киргизским, а зимнее - таджикским.

В середине XX в. согласно исследованию Б.Х.Кармышевой, на летовки выезжали, помимо животноводческих ферм колхозов, и всё нетрудоспособное население кишлаков: старики, дети, беременные женщины и т. д. Трудоспособные члены колхоза только навещали своих в свободное время, так как они были заняты уходом за посевами, уборкой сена, а позже - урожаем зерновых и картофеля, ремонтом и строительством животноводческих ферм и т. д.

Юрту имела не каждая семья. Обычно две-три семьи (нередко не родственники, а соседи таджики и киргизы) занимали одну юрту. Все устройство и убранство юрты таджиков ничем не отличалось от киргизских.

Дома населения Джиргитальского района (как таджиков, так и киргизов) были сходны с домами таджиков Дарваза и припамирских стран.⁹ Мощные стены выложены или целиком из пахсы (6-9 слоев), или верхняя половина из пахсы, а нижняя - из камня. Дом представлял собой квадратную постройку, перекрытую плоской кровлей, лежащей не на стенах, а на деревянных стойках. Центральная часть крыши, поддерживаемая четырьмя столбами, имела деревянный свод из положенных один на другой нескольких квадратов, что снаружи отражается в виде приподнятости.

Дома западной части района отличаются от домов восточной части меньшими размерами и наличием айвана, а также тем, что помещения для скота не бывали под одной крышей с жилым домом.

Колхозная интеллигенция и учителя нередко к старому дому пристраивали ещё дом нового типа, состоящий из одной или двух комнат и айвана, сходный с домами узбеков Ферганской долины.

Убранство дома киргизов и таджиков имело очень мало различий. Мягкая утварь в виде кошм, ковров, ковровых и вышитых подушек, изготовлялась самими киргизками. Посуда была исключительно покупной. Вёдра (челек), из тонких арчевых досок со вставным дном (в них хранятся молочные продукты, а также сбивается масло) изготавливались киргизами рода Чарчи, живущими в Сохе. Они привозили свою продукцию в Джиргитальский район для продажи; нередко меняли на козлят и ягнят. Деревянные блюда (табак) приобретались у таджиков, а небольшие глубокие чашки (аяк) у киргизов Алая.

Пища киргизов Джиргитальского района и способы её приготовления претерпели значительные изменения под влиянием таджиков и ферганских узбеков. Основной способ приготовления хлеба был таджикским. Пекли большие и довольно тонкие лепешки, в танурах. На летовке как таджики, так и киргизы пекли хлеб по-киргизски: в котле, в золе, в сковороде. Существовало более 10 видов хлеба. В результате слияния таджикской и киргизской кухни наблюдалось относительное многообразие блюд.

За годы Советской власти произошли значительные изменения в одежде. По мнению Б.Х.Кармышевой мужская одежда очень близка к одежде узбеков Ферганской долины. Женщины перестали носить такие старинные элементы одежды, как бельдемчи (кусочек ткани, нашитый на

пояс и носимый сзади поверх платья), чач-кеп (вышитый чепец) и келек (чалма), которые сохранились только в виде свадебного наряда. Исчезло и ношение девушками круглых отороченных мехом шапочек, которых заменили платки. Характерным для женского и девичьего костюма киргизок является подпоясывание платками (одним или несколькими), сложенными треугольником (кур). В Джиргитальской части района подпоясываются ещё и длинным (6 м) куском материи (тура-кур). Этот способ подпоясывания переняли и таджички. Другой характерной особенностью костюма киргизской женщины является, обувь. Киргизка никогда не носит галоши на босу ногу, как это распространено у таджичек и узбечек, а всегда надевает поверх шерстяных чулок ичиги с галошами. Девочки, девушки и женщины, за исключением пожилых, носят жилетки (камзор), которые у девушек украшаются перламутровыми пуговицами.

Влияние таджиков и узбеков Ферганы Б.Х.Кармышева видела в музыке и развлечениях каратегинских киргизов. Хотя бытует старинный национальный музыкальный инструмент киргизов комуз, но значительно больше распространен тамбур, характерный для таджиков и узбеков Ферганы, но столь характерная для таджиков и узбеков юга Таджикистана домбра почти отсутствовала в Джиргитальском районе. Постепенно стала распространяться среди киргизок игра на бубне, а также танцы, которые у тюрков до XX в. вообще не существовали. Песни киргизов Каратегина весьма близки к мелодиям Ферганских узбеков, но слова, сравнения и образы, продолжали отражать жизнь кочевника-скотовода.

Согласно заключению Б.Х.Кармышевой, культура и быт киргизов Джиргитальского района, расположенного на стыке культур горных таджиков, равнинных узбеков и скотоводов-кочевников киргизов, сочетала в себе элементы всех этих трёх культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткий отчёт о полевой работе см.: Кармышева Б.Х. Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г. // ИООН АН ТаджССР. Сталинабад, 1956. Вып. 10-11. С. 25-31.
2. Статья «Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, у каратегинских киргизов» в соавторстве с С.С.Губаевой опубликована в Среднеазиатском этнографическом сборнике «К 100-летию со дня рождения Ольги Александровны Сухаревой» (2006 г. Вып. V). М., Наука, 2006.
3. Комментарий к разделу «Свадебные обряды у киргизов» Ф.А.Фиелструпа // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000 (в соавт. с С.С.Губаевой).
4. Каратегинские киргизы. М., Наука, 2009.
5. Краткий отчёт о полевой работе см.: Кармышева Б.Х. Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г. // ИООН АН ТаджССР. Сталинабад, 1956. Вып. 10-11. С. 25-31.
6. С.И.Илюшенко был в Джиргатале и в 1983, 1987 гг.
7. Н.А.Кисляков. Очерки по истории Каратегина, изд. 2, исправл. и дополн., Сталинабад, 1954, стр. 35, и др., а также Р.Л.Неменова. Предварительный отчёт о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 г., Доклады АН Таджикской ССР, вып. 9, Сталинабад, 1953, стр. 59-64.
8. Полевая запись от 21 июля 1954 г. О происхождении же названия «кыргыз» среди каратегинских киргизов бытует широко распространённая легенда о 40 девушках забеременевших от пены.
9. В.Л.Воронина. Жилище Ванча и Язгулема. Сб. статей Архитектура республик Средней Азии, М., 1951, стр. 251-281.

FIELD WORK ON ETHNIC KYRGIZ GROUPS OF DJIRGITAL BY B.H. KARMYSHEVA

N. JURAEVA,

researcher of ethnographic department, A. Donish Institute of history, archaeology, ethnography,
Academy of sciences of the Republic of Tajikistan
33 Rudaki av., 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
E-mail- (+992)221 37 42

In this article we present materials collected by known Soviet ethnographer B.H. Karmysheva in Djirgital in 1954. The researcher conducted field work in Qarategin where studied the Kyrgyz pedigree and legends connected with it. She stressed changes in their everyday life in Soviet epoch.

ПАМИР КАК ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ КОСМИЧЕСКИХ ЛУЧЕЙ

Камила МАДЖЛУНОВА,

аспирант Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук

Республики Таджикистан

пр. Рудаки 33, 734025 Душанбе, Республики Таджикистан

эл. почта kamila_rose@mail.ru, тел. (+992) 221 37 42

Памир уникален тем, что здесь потоки космических лучей особо сильны, что позволяет многоаспектно исследовать ядерные реакции. В данной статье отрывочно рассматривается история изучения космических лучей на Памире. Статья основана на результатах исследования ряда ученых и данных интернет - ресурсов. Все исследования, проводимые с 1944г. в регионе, всегда носили революционный характер.

Ключевые слова: Таджикистан, Памир, Боливия, космические лучи, исследования, физика, элементарные частицы, сотрудничество.

Космические лучи – одно из интереснейших явлений природы, изучение которых представляет исключительный интерес в связи с актуальными проблемами ядерной физики и астрофизики. Памир уникален тем, что в этом регионе потоки космических лучей особо сильны, что позволяет многоаспектно исследовать ядерные реакции. И все исследования, проводимые в данном регионе, всегда носили революционный характер. Первая экспедиция советских физиков на Памир по инициативе Д. В. Скобельцына под руководством создателя синхрофазотрона В. И. Векслера состоялась в годы Великой Отечественной Войны (1944г.), когда в СССР активно велись ядерные исследования, в том числе и в области физики космических лучей. Тогда члены экспедиции Физического института Академии наук СССР впервые затронули вопросы, связанные с ядерной природой ливней, порождаемых космическими лучами. Именно их изучение впоследствии привело к открытию ядернокаскадного процесса. Через несколько лет (1946-1947 гг.) началось строительство Памирской высокогорной научной станции ФИАН на Восточном Памире – село Чечеты Мургабского района (высота 3860 м над уровнем моря) под руководством С. И. Вавилова, Д. В. Скобельцына и Н. А. Добротина. До 1961г. - пионерские работы по исследованию космических лучей вели советские физики Г. Т. Зацепин, С. А. Азимов, С. И. Никольский, Н. Г. Биргер, Н. А. Горбунов, Г. Б. Жданов, Л. В. Курносова и др.

Спустя четверть века в горном крае вновь возобновились исследования космических лучей, были найдены подходящие площадки для сооружений камер установки «Памир». Начало крупномасштабного рентгеноэмульсионного научного эксперимента относится к 1971 – 1973 гг, когда под руководством С. А. Славатинского и Ю.А. Смородина в урочище Ак-Архар (4370 м над уровнем моря) развернулись масштабные исследования в формате проекта «Памир». Тогда сотрудники ФТИ АН Таджикской ССР и ФИАН собрали рентгеноэмульсионную камеру (РЭК) площадью 20 м², представляющую собой пластины из свинца и углеродосодержащих материалов, среды которых помещается фотопленка. На ней можно наблюдать следы адронов. Впоследствии создали РЭК площадью 1000 м², которая до настоящего времени считается самой большой в мире. Сам же эксперимент «Памир», имел своей целью изучение ядерных взаимодействий при сверхвысоких энергиях, что является одной из составных частей широкой программы исследований в области современной физики элементарных частиц.

Активное участие в проведении экспериментов принимали сотрудники лаборатории ядерной физики АН Таджикской ССР с самого начала эксперимента "Памир», поэтому изучение взаимодействия частиц сверхвысоких энергий стало основной темой их научных изысканий.

В 1973 г. Государственным комитетом по науке и технике СССР был утвержден проект эксперимента «Памир», который был основан на сотрудничестве 9 институтов: ФИАН СССР, ИЯИ АН СССР, НИИЯФ, МГУ, ИФ АН Грузинской ССР, ИФВЭ АН Казахской ССР, ФТИ АН Узбекской ССР, ИЯИ г. Краков, ИЯФ Лодзинского университета и ФТИ АН Таджикской ССР. Совместные эксперименты, проводившиеся на протяжении более двадцати лет физиками России, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Польши привлекли внимание ученых Японии, которые работали в этот период в Боливии на высоте выше пяти тысяч метров над уровнем моря, но используя установку с гораздо меньшей площадью. Позже они также подключились к работе над

проектом. В этот период были зафиксированы взаимодействия частиц с энергией 4.8×10^{16} эВ, что являлось наиболее высокой энергией взаимодействия из всех данных, зарегистрированных в мировой практике XX в. посредством больших рентген-эмульсионных камер.

Исследователям удалось зарегистрировать уникальные явления, которые выходили за рамки современной физики, например, среди наиболее энергичные адроны и гамма-кванты выстраивались вдоль прямой линии, а элементарные частицы при определенных условиях располагаются в одной плоскости.

Встреча в г. Находке участников международных проектов - советско-польского рентгеноэмульсионного эксперимента «Памир» и японо-бразильского в области эмульсионного эксперимента «Чакалтая» в Боливии в (1980 г), положила начало созданию широкого международного сотрудничества.

В 1981 году в Париже на 17-ом Международной конференции по космическим лучам было подписано Соглашение о совместном сотрудничестве в рамках проекта «Памир - Чакалтая». Она объединила усилия физиков восьми стран: Таджикистана, России, Японии, Польши, Бразилии, Боливии, Грузии, Узбекистана. В название Центра и самого проекта позже было добавлено название горы Чакалтая, возвышающейся над столицей Боливии (высоте 5 тысяч 200 метров над уровнем моря), на которой с 1947г. располагается аналогичная научная станция по изучению космических лучей сверхвысоких энергий. В соответствии с этим проект получил название «Памир- Чакалтай»

Научные результаты сотрудников эксперимента получили широкую известность в 80-е гг., эксперимент, что, несомненно, заинтересовало и других зарубежных ученых. В связи с этим в 1987 г. исследователи из разных стран: Таджикистана, России, Японии, Польши, Бразилии, Боливии, Грузии, Казахстана, Узбекистана объединили свои усилия в области изучения космических лучей на Памире.

Однако после распада СССР исследования в Таджикистане были приостановлены. Спустя несколько лет после обретения Таджикистаном политической независимости появились возможности по расширению исследований на Памире при международном сотрудничестве ученых из разных стран. В сентябре 2010 г. ученые, работавшие на детекторе CMS на БАКе, обнаружили уникальный эффект, при котором движение сотни частиц, которые рождаются при столкновении протонов, связаны друг с другом. Это было представлено как сенсация, как первый большой научный результат, оправдывающий вложенные в коллайдер средства.

С 1993 по 2007 гг. научный полигон Ак -Архар неоднократно подвергался разграблению из-за отсутствия надлежащей охраны. Были попытки перебазировать станцию в Казахстан в горы Тянь-Шаня, используя военный транспорт, но они были пресечены. Велись многочисленные переговоры по восстановлению инфраструктуры научной базы Ак -Архар и продолжению совместных изысканий в области космических лучей на Памире с использованием современных методик.

В августе 2008 года во время визита Президента РФ Д. Медведева между ним и Президентом Республики Таджикистан Э.Рахмоном было подписано Соглашение об учреждении и деятельности Международного научно – исследовательского центра «Памир – Чакалтай». На повестку дня был поставлен вопрос о проведении совместных ядерных и астрофизических исследований космических лучей сверхвысокой энергии, в том числе изучение неупругих взаимодействий адронов с легкими ядрами в широком диапазоне энергий 0,01-1000 ПэВ. Высшим органом управления Центра стал Совет Полномочных Представителей (СПП) Правительств государств - участников Центра. Год спустя началось восстановление инфраструктуры полигона Ак-Архар силами российских и таджикских участников научной экспедиции, а также группой волонтеров из России, Казахстана, Киргизстана, Украины и Франции. Была демонтирована уцелевшая установка (2х-ярусная рентгеноэмульсионная камера площадью 36 кв.м и массой почти 200 тонн) и восстановлен ангар, получена новая партия рентгеновской пленки из Москвы, налажена охрана комплекса.

Основной научной целью эксперимента 2009-2010 гг. являлось изучение ядерно-активной проникающей компоненты космических лучей на высотах гор и установление ее природы, возможно, связанной с чармированными частицами и быстрым ростом их доли в полном неупругом сечении при возрастании энергии, либо с присутствием в их составе частиц странной кварковой материи – странглетов.

Однако обрушавшаяся на полигон 17 марта 2010 года горная лавина разрушила ангар, в котором размещалась уникальная научная установка. В 2011г. В июле – сентябре 2011 г. была организована и проведена совместная экспедиция «Памир-2011», в ходе которой восстановлен ангар и собрана 2-ярусная РЭК с 2,5-метровым воздушным зазором площадью 36 кв. м. с целью детального изучения новых явлений и процессов, которые ранее наблюдались в космических лучах

при сверхвысоких энергиях, в частности, в эксперименте “Памир”. Сходный по задачам эксперимент CMS-CASTOR в настоящее время проводится на Большом адронном коллайдере КНС в ЦЕРНе.

Однако научное обсуждение результатов работ на Памире не прекращались. 9-30 сентября 2010 г. в Душанбе и поселке Чечеты Мургабского района была проведена Международная научная конференция «Перспективы междисциплинарных высокогорных исследований астро-космических факторов, воздействующих на природные системы и глобальные природные процессы», в которой приняли участие ученые из Российской Федерации, Республики Таджикистан, Казахстан, Киргизстан, Азербайджан и Армении.

В июле 2012 г. заместитель министра образования и науки РФ В. Н. Куликова и директор МНИЦ «Памир -Чакалтая» С. А. Борисов посетили Памир с целью выбора места для новой научной станции в ущелье Уч-куль. Межгосударственный Фонд Гуманитарного Сотрудничества стран-участниц СНГ (МФГС) в 2010 и 2011 гг. содействовал восстановлению научного сотрудничества на пространствах СНГ в рамках МНИЦ-ПЧ. Так, в сентябре 2010 года в Душанбе была проведена международная конференция - презентация Центра, в апреле 2011 г. – Международный семинар, а в сентябре 2011г. - работала международная школа молодых астрофизиков стран СНГ «Смежные проблемы физики и астрофизики частиц сверхвысоких энергий»,-. 25-27 сентября 2013 г. Международная научная конференция по космическим лучам.

В 2013 г. начался активный процесс институционализации Международного проекта. Так, в ноябре 2013 года станции Ак-Архар и Колуч-куль были сданы под охрану, а 5 декабря того же года Постановлением Правительства Республики Таджикистан (№ 566) утвержден Устав МНИЦ – ПЧ. 23-24 января 2014 г. в г. Душанбе состоялись заседания Межправкомиссии Правительствами Республики Таджикистан и Российской Федерации, касающиеся данного объекта и его работы. Возникла идея открытия в поселке Чечекты, недалеко от районного центра Мургаб и МНИЦ-ПЧ, где научные исследования проводятся с 40-х годов, научную базу, где студенты Университета Центральной Азии и Хорогского университета могли бы проходить практику под руководством известных ученых. Пока прошла школа молодых ученых стран СНГ в области фундаментальных прикладных проблем физики сверхвысоких энергий, элементарных частиц и космических лучей (сентябрь 2011 г.) при поддержке МФГС государств – участников СНГ в городе Душанбе.

Таким образом, в настоящее время наиболее перспективными направлениями развития исследований космических лучей на Памире на базе достигнутых результатов являются проблемы обмена и сопоставления результатов исследований физиков-космиков и физиков, работающих на ускорителях, а также предложены пути их решения, которые позволят повысить эффективность поиска новых явлений и эффектов, свидетельствующих о возникновении “новой” физики при сверхвысоких энергиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мурзин В. С. Введение в физику космических лучей. – М.: Атомиздат, 1988
2. Арапов В. Н. Вулканизм и тектоника Чакалтой-Кураминского региона. – Ташкент: Фан, 1983.
3. Бободжанов И., Николаев В. М. Эксперимент «Памир»». - Душанбе, 1983. С. 65-70.
4. Основные вехи изучения космических лучей на Памире // src-pch.lebedev.ru/src-pch/show.php?page_id=2566/
5. <http://anrt.tj/index.php/ru/>
6. http://www.phti.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=27&Itemid=62&lang=ru

THE PAMIRS AS AN EXPERIMENTAL CENTER FOR INVESTIGATION OF COSMIC RAYS

Kamila MAJLUNOVA,

post-graduate student of A. Donisha Institute of history archaeology, ethnography, Academy of science of the Republic of Tajikistan. Phone 2213742 E-mail: kamila_rose@mail.ru

The Pamirs is unique in that cosmic rays are streams of very strong, which allows to investigate many aspects of nuclear reactions. This article examines the history of fragmentary study of cosmic rays in the Pamirs. The article is mainly written based on the results of the study of a number of scientists and data web - resources. The authors concluded that all the studies carried out with 1944 in the region have always been revolutionary.

Key words: *Tajikistan, Pamir, Bolivia, cosmic rays, research, physics, elementary particles, collaboration.*

ЛИЧНЫЙ ФОНД Р.Л. НЕМЕНОВОЙ: ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

Лариса ДОДХУДОЕВА, Нигора ДЖУРАЕВА,
сотрудники отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Академии наук Республики Таджикистан
пр. Рудаки 33,734025 Душанбе, Республики Таджикистан
эл. почта lorasdodo@rambler.ru, тел.(+992) 221 37 42

В этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан существует личный фонд известного советского филолога, таджиковеда Неменовой Розалии Львовны, который практически неизвестен исследователям. В данной статье впервые приводится характеристика документов из личного фонда ученого.

Ключевые слова: экспедиция, письма, документ, архив, исследование, филология, наследие.

В этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан существует личный фонд известного филолога, таджиковеда Неменовой Розалии Львовны (10.09.1908-21.12.1988), который до настоящего времени не изучен и практически неизвестен исследователям. Введение его в научный оборот чрезвычайно важно, так как он содержит уникальные документы по различным аспектам развития таджикской науки.

Розалия Львовна в 1930 г. окончила Восточный факультет САГУ. Её учителями были М.С. Андреев, позднее И.И. Зарубин и В.С. Соколова. С 1930 по 1934 г. она научный сотрудник учреждений системы Наркомпроса ТаджССР (Комитет таджиковедения, Таджикский государственный научно-исследовательский институт, Терминологический комитет в Душанбе), в 1934-1938 гг. - литературный переводчик газеты «Байраки мехнат» в Ташкенте; в 1936-1937 гг. - преподаватель таджикского языка САГУ, а в 1938-1940 гг. - курсов руководящих работников при Верховном совете УзССР в Ташкенте. С 1940 по 1953 гг. она преподавала в вузах г. Душанбе. С 1948 г. Р.Л. Неменова работала научным сотрудником в системе АН ТаджССР: в Институте языка и литературы ТФАН СССР 1948-1951 гг., в Институте истории АН ТаджССР 1954-1968 гг. (ст. н. с.), с 1968 г. - в Институте языка и литературы. В 1944-1947 гг. она обучалась в аспирантуре ТФАН СССР (руководитель И.И. Зарубин), и в 1950 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Кулябские говоры таджикского языка (северная группа)». В 1955 г. ей присвоено звание доцента, а в 1959 г. - звание старшего научного сотрудника.¹

Следует указать, что все хранящиеся в архиве письма Р.Л. Неменовой являются подлинниками и, по всей вероятности, были ей возвращены самими адресатами. В каких обстоятельствах и когда проходила эта передача, пока неизвестно. Следует указать на особый стиль и форму подачи информации, присущие ученой, которая предпочитала детальное изложение событий убористым почерком и, как правило, на нескольких листах.

Среди документов Р.Л. Неменовой прежде всего привлекают письма к основоположнику научного таджиковедения и памироведения, профессору И.И. Зарубину, переписка с его женой и такими известными исследователями, как В.С. Соколова, В.С. Расторгуева (всего 25 писем и телеграмм). Каждое из них представляет собой отчет Р.Л. Неменовой о проведенной экспедиции в Кулябской области в 1948-1949 гг.

Р.Л. Неменова отмечала, что «малая изученность говоров Кулябской области побудило ИИЯЛ ТФАН СССР направить в 1948 диалектологическую экспедицию под руководством профессора И.И. Зарубина и В.С. Соколовой в Кулябскую область, чтобы начать изучение говоров, распространенных на ее территории». ² В группу помимо нее входили сотрудник ИИЯЛИ ТФАН СССР аспирант Института языка АН СССР И. Богорад, а также преподаватель Сталинабадского педагогического института В.В. Яблонская, студент того же института Ш. Шарапов, студентка МГУ А. Алимova, аспирант ИЯЛИ ТФАН Р. Амонов.

Диалектологическая экспедиция ставила перед собой конкретные задачи. Так, в 1948г. главной целью было начать изучение говоров Кулябской области и за ее пределами, а в 1949г.- продолжить изучение говоров таджикского языка в других регионах области: Муминабадском, Сари-Хосорском, Бальджуанском, частично Кангуртском районах. В 1948г. пунктом изучения говоров стал Ховалингский район, который был населен исключительно таджиками и граничил с исконно таджикскими районами, находился в центре полосы сплошного таджикского населения». ³

В своих письмах ученая подробно пишет о подготовительной работе диалектологической экспедиции. В частности она отмечала, что подготовка в 1948г. шла в два периода, которые она определила как «ленинградский и «сталинабадский». Первый длился с декабря 1947по апрель 1948гг. и включал в себя участие в аспирантском семинаре И.И. Зарубина и В.С. Соколовой, углубленное изучение таджикского языка. Второй, сталинабадский период, был сосредоточен на составлении основных вопросов, маршрутов. Под руководством профессора Зарубина и Соколовой был составлен основной план экспедиции на этот год.⁴

В письмах от 27 декабря 1948 г. и 3 марта 1949 г. можно узнать, что на Отчетном собрании ИИЯЛ ТФАН СССР (Институт истории языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР) были заслушаны отчет А.К. Писарчик о результатах Кулябской этнографической экспедиции 1948г., а также отчет о работе Р.Л. Неменовой за тот же период. В других письмах она представляет на суд И.И. Зарубина план диалектологической экспедиции в Кулябскую область 1949 г., одновременно сообщая ему о намечаемой ею командировке в Ленинград для обработки лингвистических материалов по Ховалингу.

Особый интерес представляют ее послания, адресованные своему наставнику из регионов, которые посещала экспедиция (Шайдан, Муминабад, Ховалинг, Сари Хосор, Бальджуан, Саталмуш и др.) в августе 1949 г. В них она не только фиксировала различия в говорах отдельных территорий, но и описывала особенности жилищ, быт местного населения.

Среди писем Р.Л. Неменовой по своей информативности, особенно выделяются два. Первое из них от 10 января 1950 г. содержит ее сообщение о проведении торжеств, посвященных юбилею Таджикской ССР под руководством Е.Н. Павловского и открытию музея им. М.С. Андреева на основе экспонатов, собранных им в различных регионах Таджикистана (всего 800 предметов). Она детально описывает все события, указывая, кто выступал, где и как были расположены экспонаты. Другое письмо от 29 января 1950 г. повествует о преобразовании ТФАН СССР в Академию наук, издании таджикско-русского словаря и юбилейном ученом совете ИИЯЛ ТФАН СССР и сессии Университета. Эти письма, несомненно, имеют важное историческое значение для изучения деятельности Академии наук Таджикистана, и в частности Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша, его этнографического музея.

С ними связано и письмо В.С. Соколовой⁵ к Р.Л. Неменовой от 17 ноября 1948 г., в котором она отвечает на вопросы таджикской коллеги, о переводе и значении отдельных выражений и слов, системе составления словаря. Помимо этого она рассказывает о траурном заседании в связи со смертью М.С. Андреева в Институте востоковедения Академии наук СССР. В.С.Соколова, работала в Педагогическом институте в Сталинабаде в 40-е гг. XX в., когда там преподавала и Р.Л. Неменова. Первая была на восемь лет младше таджикской коллеги, и потому, вероятно, в своих письмах подписывалась просто «Валентина».

В письмах В.С. Расторгуевой к Р.Л. Неменовой нередко обсуждаются различные вопросы, связанные с защитой последней. По всей видимости, в те годы она была ученым секретарем диссертационного совета. Особенно интересно письмо московской ученой от 18 июля 1950 г., где идет речь о процессе создания Института языкознания в г. Москве на базе Института языка и Института языка и мышления, выход И.И. Зарубина на пенсию, публикация словаря, подготовленного ею.

Письма А.К. Писарчик и Я.И. Калонтарова к Р.Л. Неменовой содержат различную информацию, касающуюся ситуации в Академии наук Таджикистана, а также сведения личного характера.

Имеются также телеграммы от ираниста Ю.И. Богорада⁶ из Сталинабада в Ховалинг 11.08., 17.08., 18.08.1949 г., где сообщается о ее выздоровлении. Встречаются письма Азы Алимовой⁷, Лели Данскер⁸, Одатко А.Е. Вероятно, Одатко А.Е. работала в райисполкоме района Бальджуана, о чем свидетельствует обратный адрес на конверте. Скорее всего, Р.Л. Неменова познакомилась с ней во время экспедиции в Кулябскую область и оказала ей небольшую услугу (письмо от 10.12.1949 г.)

Кроме того в личном архиве Р.Л. Неменовой хранятся такие документы, как «Предварительная таблица названий географических и топографических объектов на территории Кулябской области», которая создана для классификации данных по таджикским географическим, производственным, сословным, профессиональным, религиозным группам и их названиям «Материалы по Кулябу» (65л. рукописного текста на таджикском (латинская графика) и русском языках). Р.Л. Неменова активно занималась исследованием таджикского языка, переводом различных текстов с таджикского на русский язык. Сохранилась учебная тетрадь Р.Л. Неменовой по истории таджикского языка, начатая 27 марта 1949 г., которая, возможно, представляет материалы семинара во время подготовки Кулябской экспедиции 1949 г., который проходил в

Ленинграде под руководством И.И.Зарубина и В.С. Соколовой. Помимо этого встречаются ее записи, сделанные в Ховалинге и Тавильдаре, перевод притч, названия гузаров. Здесь же хранится фотография карты Кулябской области 40-х гг. XX в., которая, вероятно, была подготовлена ею для проведения лингвистических исследований в Кулябской области в 1948-1949 гг.

Р.Л. Неменова делала конспекты различных научных публикаций в 1951 г, и составляла планы будущих полевых исследований. В архиве сохранилась докладная записка о снаряжении этнографической экспедиции в Афганистан (проект), который включает обоснование поездки по изучению этнографии таджиков этой страны.

Особый интерес вызывают экспедиционные дневники Р.Л. Неменовой (Опись №1, ед.хр. 2) по лексике Файзабада, Ховалинга, Явана, Варзоба, Вахшской долины, различные отчёты и статьи (1986-1987 гг.), которые содержит уникальный изыскательский материал.

В целом, личный фонд Р.Л. Неменовой в этнографическом архиве Института представляет собой важный и значительный информационный блок, который может служить подспорьем исследователям, занимающимся не только изучением таджикского языка, но и другими проблемами, связанными с историей развития науки в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). Душанбе: Издат.-полиграф. центр ООО НПЦ ОГРТ, - С. 85.

2. Личный фонд Р.Л. Неменовой в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана (далее этнографический архив ИИАЭ АН РТ). Неменова Р.Л. Куляб. Ховалингский говор. //Кулябская экспедиция.1. Ховалингский говор. 2. Отчет. Из папка №10- С.2.

3. Неменова Р.Л. Задачи экспедиции 1948г.// Куляб. Ховалингский говор. Отчет. (Рукопись). Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана. Фонд Неменовой, папка №10.-С.5.

4. Неменова Р.Л. Ук. соч.- С. 2, 3.

5. ИИЯЛ ТФАН СССР- Институт истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР.

6. Соколова Валентина Степановна (1916-1993). Ученица И. И. Зарубина. Доктор филологических наук. Преподаватель филологического и восточного факультетов ЛГУ, Сталинабадского пединститута (1942-1944 гг.). Научный сотрудник ЛО Института языкознания АН СССР (1941-1976 гг.). Капитальный двухтомный труд В. С. Соколовой по фонетике иранских языков, выполненный в 50-х годах, а также памирским языкам остаются отправной точкой для дальнейших фонетических исследований по языкам этой группы.

7. Богорад Юлия Ильинична, иранист, член диалектологической экспедиции (1948-49 гг.) в Кулябскую область ИИИЯЛ ТФАН СССР под руководством проф. И.И.Зарубина и В.С.Соколовой, в которую входили Р.Л. Неменова, В.Яблонская и др.

8. Алимова А. - студентка V курса восточного отделения МГУ. О ней Р.Л. Неменова сообщает в своем письме от 12 июля 1949 г.

9. Данскер Ольга Львовна - востоковед, музыковед, жена известного филолога В.А. Лифшица. В 1954-57 гг. работала научным сотрудником отдела истории искусств Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана.

PERSONAL FUND OF R.L.NEMENOVA: EPIGRAPHIC HERITAGE AND OTHER DOCUMENTS

Larisa DODKHUDOEVA, Nigora JURAEVA,

researchers of ethnographic department, A.Donish Institute of history, archaeology, ethnography,
Academy of sciences of the Republic of Tajikistan
33 Rudaki av.,734025 , Dushanbe, Republic of Tajikistan
E-mail- lorasdodo@ [rambler.ru](mailto:lorasdodo@rambler.ru), phone(+992) 221 37 42

There is personal fund of eminent Soviet philologist, researcher of Tajik language Rozaliya Lyivovna Nemenova at the ethnographic archive of A.Donish Institute of history, archaeology, ethnography, Academy of sciences of the Republic of Tajikistan. It was not known for scholars until this time. The authors describe several interesting documents of this fund.

Key words: expedition, letters, document, archive, study, philology, legacy.

НОБИҒАИ РАЙ Ё МУХТАСАРЕ РОҶЕЪ БА ҲАЁТ ВА ФАЪОЛИЯТИ ИЛМИИ АБӮБАҚР МУҲАММАД ЗАКАРИЁИ РОЗӢ

Ҳабибулло МАҚСАДОВ,

корманди илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши АИ ҚТ,
устоди Донишгоҳи давлатии тичоратии Тоҷикистон

Калидвожаҳо: *Абӯбақри Розӣ, донишманди форсу тоҷик, тиб, табиӣёт, кимиё, фалсафа, педагогика, ахлоқ, гуманизм.*

Дар тамаддуни асримиёнагии форсу тоҷик дар баробари назму насри волои форсу тоҷик, тамоми риштаҳои улуми табиатшиносӣ, аз он ҷумла нучум, риёзӣ, хандаса, ҷуғрофия, физика ва кимиё, тиб, фалсафа, маъданшиносӣ, ҷонваршиносӣ ва ғайра низ дар авҷи тараққиёт буд.

Халқе, ки ба олами шеърӯ адаб ба мисли Рӯдакӣ, Фирдавсӣ, Мавлавӣ, Носири Хусрав, Хайём, Низомӣ, Хусрави Дехлавӣ, Саъдӣ, Ҳофиз, Камол, Абдурраҳмони Ҷомӣ, Зайниддин Восифӣ ва дигару дигар бузургони адабро ба ҷаҳон додааст, албатта, дар соҳаи илм низ ҷунин абармардонро медахад.

Дар ториhi илм он фикр роиҷ аст, ки илмҳо нақлию ақлӣ мешаванд. Ин аз рӯи радабандии классикии гузаштаи мо бармеояд. Ба илмҳои ақлӣ фақат олимони эронӣ саруқор доштаанд ва илмҳои нақлиро илми арабӣ гӯянд, бо вучуди он, ки абармардони эронӣ дар ҳар ду баҳши ин илмҳо дастболо будаанд.

Он қадар бузургон дар асрҳои IX -XV ба илм саруқор доштаанд, ки номи худи онҳо чандин саҳифаҳоро пур мекунад. Маҳз пас аз он, ки мактаби илмии Бағдод «Академияи Маъмун», ки дар он ҷо ҳам фарзандони бузурги миллати мо аз қабилҳои Форобӣ, Марвазӣ, Хоразмӣ, Фарғонӣ ва дигарон буданд, барпо гардид, мактабҳои илмӣ дар шаҳрҳои Осиёи Миёна ва Эрон аз қабилҳои Нишопур, Рай, Исфажон, Марв, Бухоро, Самарқанд, Хирот, Мароға бино гардид ва инкишоф ёфт. Ин мактабҳо хусусан дар даврони бузурғтарин сулолаи эронӣ Сомониён ба авҷи аълои худ расид, зеро маҳз дар замони давлатдорӣ Сомониён илму маърифат ба қуллаҳои баланди худ расида буд ва нобиғаҳои бузурги миллати мо парвардаи ҳамин давра мебошанд. Танҳо дар риштаҳои илмҳои табиатшиносӣ агар нигоҳ кунем, ба номҳои ҷунин нобиғагон бармехӯрем, ки ифтихори мо ва башаранд: Закариёи Розӣ, Абӯнасири Форобӣ, Абӯрайҳони Берунӣ, Шайхурраис Абӯалӣ ибни Сино. Ин нафарон дар риштаҳои гуногуни илм таълифот кардаанд, аз он ҷумла дар риштаи илми нучум, тиб, фалсафа, кимиё, риёзӣ ва ҳайат. Баъдан дар асри XII Насириддини Тӯсӣ, дар асри XIV мактаби илмии Самарқанд дар асри XV Хайёми Нишопурӣ. Ҳамаи ин далели он аст, ки дар тӯли ин қарнҳо ин соҳаҳои илм боз ҳам ривочу равнақ ёфта, аз дастовардҳои илми ҷаҳонӣ бархурдор шуда худ тақони бузурге ба илми ҷаҳонӣ додааст.

Абӯбақр Муҳаммад ибни Закариёи Розӣ (865 – 925) муттавалид дар Рай (Эрон) олими энциклопедист ва табиби шаҳри форс- тоҷик. Арабҳои ӯро «табибу-л-муслимин» ва ба муносибати ба забони арабӣ будани китобҳои ӯ (забони илми олами ислом дар он рӯз) ӯро «Ҷолинусу-л-араб» номидаанд. Аз оғози ҷавонӣ ва таҳсилоти ӯ иттилое дақиқ ҷуз он ҷӣ тазкиранависон навиштаанд, дар даст нест. Дар бархе аз сарчашмаҳои асримиёнагӣ омадааст, ки Закариёи Розӣ гӯё Мансур ибни Нӯҳ ибни Насрро (ҳукмронии ӯ солҳои 961 – 976) табобат кардааст. Бархе гуфтаанд, ки ӯ дар айёми ҷавонӣ зарғарӣ мекардааст ва баъзе навиштаанд, ки ӯ дар оғоз сарроф будааст. Пешаи зарғарӣ ва саррофӣ тавачҷуҳи ӯро ба самти илми химия равона кардааст, то ки битавонад гавҳари филизотро дигаргун созад. Дар натиҷаи шуғли пайвастааш бо ин фан, наздикӣ ба оташ ва бӯйҳои тунд ҷашмҳои ӯ дучори беморӣ гардиданд ва ӯ аввал ба муолиҷа пардохта, сипас ба тиб рӯй овардааст.

Донишманди маъруфи форсу тоҷик Абӯбақри Муҳаммад ибни Яҳё ибни Закариёи Розӣ, ки дар назди аврупоиён бо номҳои Разес (Razes) ва Абуватер (Abu Vater) маълум аст, дар соҳаҳои мухталифи илм ва масъалаҳои муҳими кимиёву фалсафаи табиат, тарбияи ақлию ахлоқӣ рисолаю китобҳои фаровоне таълиф намудааст.

Бояд бигуфт, ки Абӯбақри Муҳаммад ибни Яҳё ибни Закариёи Розӣ асосан дар се соҳаи илм яқтои замон ва ҳатто дар тамаддуни башарӣ то имрӯз эътирофгаштаи ҷомеаи мутамаддин ба шумор меравад. Ин соҳаҳо тиб, кимиё ва фалсафа мебошанд. Яъне, бинобарифодаи Алиасғари

Ҳалабӣ: «Пизишкӣ набуд, Букрот онро ба вучуд овард, мурда буд - Ҷолинус онро зинда кард, пароканда буд - Розӣ онро фароҳам овард, ноқис буд - Ибни Сино онро комил кард» [1, с. 5].

Дар илми кимиё бошад, ӯ дар таърихи илм бо лақаби «падарӣ кимиё» шинохта шудааст ва дар фалсафа, на танҳо яке аз файласуфи овозадори форс-тоҷик, балки олами ислом ва махсус дар фалсафаи асҳоби ҳаюло бузургтарин файласуф эътироф гаштааст.

ӯ дар асарҳояш – «Сифати фалсафӣ» ва «Тибби рӯҳонӣ», ки саршори масъалаҳои ахлоқиву равоншиносӣ мебошанд, тамоми фазилатҳои ахлоқии инсонро ифода намудааст. «Тибби рӯҳонӣ» ҳамчун асари фалсафӣ, тарбиявӣ – ахлоқӣ аз бист фасл иборат буда, онро ба хотири «ислоҳ кардани ахлоқи нафс» таълиф намудааст ва ҳадафи ӯ аз ин китоб дар хонанда парваридани ахлоқи некӯ ба шумор меравад.

Дар маъхазҳо омадааст, ки ӯ барои дармони дарди чашми худ назди кӯҳҳоле рафт. Кӯҳҳол барои дармон понсад динор талаб кард ва ӯ ночор онро бипардохт. Сипас бо худ гуфт, ки «кимиёи воқеӣ илми тиб аст, на он ки ту бад-он машғулӣ». Баъдан аз илми кимиё дурӣ ҷуст ва ба илми тиб пардохт. Ба иттифоқи тазкиранависон Закариёи Розӣ таҳсилоти худро анҷом дод ва ҳатто бархе тасреҳ кардаанд, ки ӯ пас аз чилсолагӣ ба қутуби тиббӣ ва фалсафӣ рӯй овард. Закариёи Розӣ барои фаро гирифтани нозуқиҳои улуми тиббӣ ва фалсафӣ ба Бағдод омад. Бағдод дар он рӯзгор маркази мутарҷимони забардасти осори илми юнонӣ эронӣ, сурёнӣ ба арабӣ буд. Вучуди бемористонҳо дар замони Ҳорунарашид (хилофаташ солҳои 786 – 809) ва Бармакиён (вазирони эронитабори хилофати аббосӣ) боиси фароҳам омадани имконоти хубе барои мутолиоти Закариёи Розӣ гардид. Бархе аз сарчашмаҳо навиштаанд, ки Закариёи Розӣ бемористони Аздиро дар Бағдод идора мекард. Ба сабаби, ин ҳамон бемористоне будааст, ки Муътазид (хилофаташ солҳои 892 – 902) дар а. IX бунёд карда будааст, ки баъдан бо номи «Бемористони Муътазидӣ» машҳур гардид, вале бо мурури айём ба «Аздӣ» маъруф гаштааст. Закариёи Розӣ пас аз фарогирии улуми мухталиф муддате ба зодгоҳи худ – Рай рафт ва сарвари бемористони он ҷоро ба уҳда гирифт. ӯ дар бахшҳои гуногуни китобҳои худ ба бемористони Рай ишора кардааст. Муаррихон исбот кардаанд, ки Закариёи Розӣ ба сабаби аз ҳад зиёд машғул шудан бо таҷрибаҳои кимиёӣ, доимо сару кор доштан бо оташ, аз мутолиаи зиёд ва хусусан аз китобхонии шабона ба дарди чашм дучор мешавад. ӯ дар ҷустуҷӯи роҳҳои муолиҷаи чашм маҷбур шуд, ки ба омӯзиши илми тиб пардозад. Баъди анҷоми таҳсили тиб дар Бағдод Закариёи Розӣ ба саёҳати Мисру Испания ва мамлакатҳои дигар мебарояд. ӯ дар Осиёи Марказию Хуросон, дар пойтахти давлати Сомониён -- Бухоро чанде иқомат кардааст. ӯ дар мувоҳисаҳои илмӣ ширкат варзида, дар мамолики сафаркардааш комёбиҳои илму фарҳангро омӯхт ва ба инкишофи онҳо саҳми муайян гузошт, дар бисёр мамлакатҳо шогирдонро ба камол расонд. Вай табиби ҳосаи ҳокимони мухталифе буд; аҳли бисёр мамлакатҳо ӯро ба сифати духтури беҳамто мешинохтанд ва ҳокимонашон ӯро ба назди худ мехонданд. Закариёи Розӣ баъди саёҳатҳои дуру дароз соли 905 ба зодгоҳаш шаҳри Рай баргашта, то охири умр дар ҳамон ҷо зиндагӣ кард.

Аз рӯи маълумоти таърихшиносон ӯ дар охири умраш тамоман нобино шуд. Вақте ба вай тавсия карданд, ки чашмонашро ҷарроҳӣ намоянд, ӯ аз ин пешниҳод даст кашид. Закариёи Розӣ илми тибро ба дараҷае мукамал омӯхта, ҷунон табиби ҳозиқ шуд, ки муосирон ӯро Ҷолинуси араб номидаанд. Нафақат сардухтури шаҳри Рай, балки садри бемористони асосии хилофати Бағдод таъин шудани Закариёи Розӣ далели обрӯю эътибори баланд ва табиби ҳозиқ будани вай мебошад.

Кору рӯзгор ва осору афкори Муҳаммад Закариёи Розӣ аз замони зиндагиаш сар карда то ба имрӯз мавриди таҳлилу омӯзиши муҳаққиқони гуногун қарор гирифта, ҳар яке аз онҳо панду ҳикмати муайянеро дарёфт намудаанд.

Муҳаммад Закариёи Розӣ аз худ осори гаронбаҳое ба мерос гузоштааст, ки теъдоди онҳоро пажӯҳишгарон аз аз 167 то 266 адад баршумурдаанд. [3, с. 39-41]. Закариёи Розӣ мероси илмӣ бисёр духтурони намоён, аз ҷумла мероси маркази илмӣ тоисломии Гундишопурро ба хубӣ медонист ва мукамал аз бар карда буд. Аз Закариёи Розӣ китобҳои мақолаҳои бисёре низ ба ёдгор мондааст. Закариёи Розӣ дар боби тиб зиёда аз 60 асар таълиф кардааст. Муҳимтарини онҳо «Китобу-л-ҳовӣ» ва «Китобу-т-тиббӣ-л-мансурӣ», (10 ҷилд) буда, тамоми илмҳои тиббии асри Закариёи Розӣ-ро фаро гирифтаанд ва ба инкишофи минбаъдаи илми мамлакатҳои Шарқи мусулмонӣ таъсири қалон расонидаанд. Ин асарҳо дар асрҳои X–XIII ба забони лотинӣ тарҷима шуда, дар арзи чандин аср барои табибони Ғарб дастури аввалиндараҷа буданд. Закариёи Розӣ дар асарҳояш «Аттибб-ул-мулуқӣ» ва «Тиббу-л-фуқаро» ғояи табобати фардиро тарғиб кардааст. Вай дар «Тиббу-л-фуқаро», ки барои омма навишта шудааст, бемориҳои роиҷ, роҳ ва воситаҳои осони дар шароити хона пешгирӣ ва табобат кардани онҳоро тасвир кардааст. ӯ дар «Китобу-л-ҷадарӣ ва-л-ҳасба» (Китоби нағзак ва сурҳак ба забони лотинӣ, юнонӣ, англисӣ ва немисӣ тарҷума шуда, 49 маротиба пайи ҳам нашр гардидааст) ном асараш нахустин бор нағзак, сурҳак ва роҳҳои

табобати (гул буридан) онхоро ба таври возеҳ тасвир карда, нишон додааст, ки ин бемориҳо такрор намешаванд, яъне як кас ду бор гирифтори нағзак ва сурхак нахоҳад шуд. Олими англис Ҷекнер фақат баъди нашри англисии ин асар усулҳои табобати обила ва сурхакро пешниҳод кард. Закариёи Розӣ аз нахустин табибҳоест, ки тибро ба таҷриба ва амалия пайваस्ताаст. ӯ ин корро бо роҳи ҷорӣ кардани таърихи беморӣ, ки дар тибби имрӯза маъмул аст, ба анҷом расонид. «Китобул-ҳовӣ»-и ӯ ҳақиқатан дар заминаи чунин таърихҳои беморӣ таълиф шудааст. Закариёи Розӣ дар соҳаи ҷарроҳӣ низ чандин ихтироъ ва кашфиёт дорад; ӯ аввалин бор асбоби аз ҳалқ берун овардани чисмҳои бегонаро тасвир кард, пунба (пахта)-ро барои бастан ва зехро барои дӯхтани ҷароҳат ба кор бурд. Вай тавсия кардааст, ки ҳангоми ҷарроҳии саратон бофтаҳои атрофи онро ҳарчи бештар бурида, ҷояшро доғ кардан зарур аст. Закариёи Розӣ бо вучуди дониши олидарачааш оид ба ҳама воситаҳои муолиҷа тарафдори он буд, ки бемориҳо то ба ҳадди имкон бо дору ва васоити одитарин илоҷ карда шаванд. ӯ мегуфт: «Ҳар гоҳ табиб муваффақ шавад, ки бемориҳоро бо ғизо (парҳез) дармон кунад, пас ба саодат расидааст». Хулласи калом, ягон соҳаи тибби назариявии ҳамон замон нест, ки Закариёи Розӣ ба инкишофи он таъсир нарасонда бошад. Закариёи Розӣ аз зумраи аввалин олимоне, ки назарияро ба амалия пайваस्त, илми тибро бо мушоҳидаю таҷрибаи фаровон ғанӣ гардонд.

Омӯзиши ғояҳои фалсафии Розӣ низ нишон медиҳад, ки вай назарияи худро дар асоси муҳимтарин ҷараёнҳои фалсафаи исломӣ асоснок намуда, анбиқҳои махсусе таҳия намудааст ва дар зимни омӯзиши анбиқҳо роҷеъ ба категорияҳо, инчунин дар бораи фарқ байни зоҳир ва ботин сухан рондааст. ӯ дар илми фалсафа албатта пайрави Платон (файласуфи антиқаи юнонӣ) буда, муттакалимин ва фалсафаи Арастуро танқид намудааст. Аз сабабе, ки Закариёи Розӣ дар натиҷаи омӯзиши таносуби чисм ва рӯҳ ба натиҷаи мусбат нарасидааст, бинобар ин ӯ муҳолифи ақидаи таҳаввули рӯҳ будааст. Ин натиҷагирӣ ба ӯ имкон додааст, ки нисбат ба тамоми алхимийегарони дигари мусулмон бештар дар масъалаи табдили ҳамдигарии моддаҳои гуногун аҳамият бидиҳад, яъне барои табдили алхимийе ба кимиёи ҳақиқӣ заминаи хубе гузоштааст. Дар баробари ин аз ҳама бештар вожаҳои алхимийиро тафсир намудааст. Асарҳои ӯ «Китоб – ул асрор» ва «Аз – мадҳалул – таълимӣ» аз тарафи олимони исломӣ дар асрҳои баъд ҳамчун асарҳои соҳаи алхимийе омӯхта шудаанд, зеро дар онҳо забону вожаҳои ҳамин соҳа истифода шуда будаанд ва мазмуни ин асарҳо ба соҳаи кимиё иртибот доштанд.

Дар мавзӯи ахлоқ Муҳаммад Закариёи Розӣ нишон медиҳад, ки вай ақдро беҳтарин тухфаи Парвардигор барои инсон ва бунёди шинохт аз ҷаҳони ҳастӣ донистааст. Ба қавли донишманд инсон маҳз тавассути ақл аз ҳайвон фарқ карда, зиндагии худро беҳ месозад ва инчунин марому мартабаи хешро нисбат ба ҳар чизи олам баланд мебардорад: «ақл чизест, ки агар он намебуд, аҳволи мо тибқи аҳволи ҳайвон мешуд ё мисли кӯдакону девонаҳо дар вартаи парешонӣ мемондем»[1, с. 46].

Яке аз саҳифаҳои бойтарини таърихи кимиёи садаи дуюми исломиро Муҳаммад Закариёи Розӣ ташкил медиҳад, ки ӯ чӣ дар илми кимиё ва чӣ дар илми тиб саҳми босазое гузоштааст. Омӯзиши ғояҳои фалсафии Закариёи Розӣ нишон медиҳад, ки вай назарияи худро дар муҳимтарин ҷараёнҳои фалсафаи исломӣ асоснок кунонидааст. Нисбат ба тамоми кимиёгарони мусулмон Закариёи Розӣ бештар дар масъалаи табдили санъати кимиё ва кимиёгарӣ ба илми кимиё кӯшидааст. [1, с. 114].

Дар ҳақиқат, Закариёи Розӣ ҳанӯз дар он замон вазнҳои қиёсии маводи гуногунро бо ёрии вазнҳои гидростатикӣ муайян менамуд. ӯ ба тарзи илмӣ тариқаҳои тоза кардан, софкунии моеъ, сӯрохкунӣ ва инчунин ҳангоми гарм кардан аз ҳолати ҷомид ба ҳолати дигари агрегатии мода, яъне ба газ табдил ёфтани медонист. ӯ роҷеъ ба барқарор намудани филизот бо роҳи озод намудан аз омехтаҳои медонистааст.

Дар асараш «Китоб – ул – асрор» бисёре аз таҷрибаҳои гузаронидаи ӯ оварда шудаанд, ки бешубҳа аҳамияти бузурги илмӣ доранд ва метавон гуфт, ки баъзе аз хулосаҳои худро вай аз рӯйи қиёс берун аз таҷриба низ гуфтааст. Масалан, ӯ гуфтааст, ки номи баъзе маъданҳоро, ки олимони гузашта бо рамз ишора кардаанд, кашф хоҳад намуд. Худи вай дар ин бора мегӯяд. Офтоб – тилло ва моҳтоб – нуқра мебошад. Инчунин тазаккур додаст, ки имконияти як теъдод маъданҳоро ранги тиллоӣ бахшидан ва онҳоро ба тилло мубаддал сохтан имконпазир аст.

Муҳаммад Закариёи Розӣ дар асарҳои худ масоили ҷалби, ҷалбидани хушк ва об кардану гудохтани маъданҳоро баррасӣ намудааст. Бояд гуфт, ки илм ва амалия дар замони Закариёи Розӣ ба ҳамдигар мисли имрӯз равобит мустаҳкам надошт. Манбаҳое, ки ба мо дар бораи пайдоиш ва инкишофи илми кимиё ва амалияи он маълумот медиҳанд, ба хизмати бузурги Закариёи Розӣ ва дигарон марбут аст, агарчи то ба имрӯз дар бораи корҳои онҳо таҳқиқҳои амиқе ба анҷом нарасида бошад ҳам, саҳми онон дар рушди улуми табиӣ, аз он ҷумла, илми кимиё дар ҷомеаи башарӣ бузург будааст. Закариёи Розӣ муфассал таомули кимиёро, ки анҷом додаст, тартиб дода,

асбобхоеро, ки дар озмоишгоҳи кимиё истифода карда буд, тасвир кардааст, ки онҳо чунинад бута (тигел), комагирак (шипци), микроз (қайчӣ), суҳон (сӯян) шишаи гунҷоишӣ (колба), қиф, хован (ӯғурча), ҳаммоми обӣ, истакони кимиё ва ғайра. Бута зарфи гудозиш ва гарм кардани маводи гуногун мебошад. Бутаро аз филиз, графит, чинӣ ё материалҳои маводи муқовими оташ месозанд. Дар он замон ин асбобро барои гарм кардани маводе, ки барои гузаронидани таомули кимиё лозим буд, мавриди истифода қарор медоданд.

Ҳамчунин Закариёи Розӣ тариқаҳои тоза кардан, софкунии моеъ, сӯрохкунӣ, ҳал кардани метал дар симоб (ба даст овардани амалгама, сири оина, омехтаи ягон филиз бо симоб) ва инчунин хангоми гарм кардан аз ҳолати ҷомид якбора ба газ табдил ёфтани мода, яъне тасғияҳоро медонист, ки имрӯз онро сублиматсия мехонанд.

Муҳаммад Закариёи Розӣ ба ғайр аз кимиёгари бузург буданаш, ҳамчунин бо маҳорати бузурги тиббӣ ва осори бойи абадзиндаи илмиаш на танҳо дар пешрафт ва равнақи тиббу табиатшиносии олам саҳми ниҳоят бузург дорад, балки ӯ дар таърихи илму тамаддуни ҷаҳонӣ ҷойи намоёнро ишғол менамояд. Китобу рисолаҳои эҷоднамудаи ӯ ба таълиму тарбияи кимиёгарон, табибон, барои сохтмони табобатхонаҳо, муолиҷаи бемориҳои алоҳида, тартибу речаи ҳуроку об ва дигар мушкилоти барои ҳифзи саломатии инсон зарур, бахшида шудаанд. Бояд гуфт, ки дар он замон тиббӣ амалӣ бо кимиё тачрибавӣ алоқаманд буд, бинобар ин асарҳои эҷоднамудаи Закариёи Розӣ дар кимиёгарӣ ва тибби имрӯза низ иртиботи қавӣ дорад.

Мегафон гуфт, ки Абӯбакр Муҳаммад Закариёи Розӣ аксарияти илмҳои замонашро фаро гирифта худ саромад ва устои бузурги ин риштаҳои илм гардидааст. Ин дастовардҳои илми Закариёи Розӣ ба илми Аврупо таъсири назаррас расонида, номи ӯро ба қатори саромадони тамадуни башарӣ табдил гардонид.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Закариёи Розӣ. Мунтахаби осор. – Душанбе: “Адиб”, 1989. –158 с.
2. Девонакулов А. Муҳаммад Закариёи Розӣ. – Душанбе: Ирфон, 88 с.
3. Комилов А.Ш. Физика ар-Рази и Ибн Сины. – М.: МГУ, 1999. – 160 с.
4. Забеҳуллои Сафо. Таърихи адабиёти Эрон. – Душанбе: “Алҳудо”, 2001.
5. Об оспе и кори. Дар кит. О. В. Губерт, Оспа и оспапрививание, т. 1, СПб, 1898;
6. Об оспе и кори. Дар кит. О. В. Губерт, Оспа и оспапрививание, т. 1, СПб, 1898;
7. Книга тайны тайн, Ташкент, 1957.

О ЖИЗНЬ И НАУЧНЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АБУБАКР МУХАММАД ЗАКАРИЁ АР-РАЗИ

Статья посвящена учением известного персидско-таджикского философа, медика, физика, химика и педагога Абубакра ар-Рази о пространстве, времени, материи и атомистике. В средние века, как и в античности, не было дифференциация наука как в современном мире или Европейском средневековье. Поэтому многие ученые одновременно занимались различными вопросами тогдашней науки. Известный в основном как медик, философ и химик ар-Рази особое внимание уделял также различным вопросам физики и педагогики, и его труды сыграли большую роль в становлении и развитие последующий ученых мусульманского Востока и Европы.

Ключевые слова: *Абубакр ар-Рази, медицина, химия, физика, педагогика, гуманизм, нравственность.*

ABU BAKR MUHAMMAD IBN ZAKARIYYA AL-RAZI

The article reveals the problems of various famous Persian-Tajik scholar-scientist Abu Bakr Muhammad Ibn Zakariyya Al-Razi (865-925), known in the world as a doctor, philosopher and chemist.

Particular attention is given to the natural sciences, philosophy, and scientific and pedagogical views. The authors give the generalised characteristic of scientific creativity Abu Bakr Ar-Razi, pertinent questions of physics, natural philosophy, as well as pedagogy from the point of vision of medieval science and culture.

The article has an interdisciplinary character, written at the junction object physics, philosophy and pedagogy in view of the history and techniques of teaching and pedagogical analysis.

In the article some are briefly examined to date issue of the day moral educations of the young generation in the context of philosophical, estestvennonauchnogo and medical view of scientist. This article briefly discusses some relevant today problems of moral education of the young generation in the context of the philosophical views of the scientist.

Keywords: *ar-Razi, physics, pedagogical, medieval, Persian-Tajik Encyclopaedist, space, time, substance, atomism.*

РИЧАРД ФОЛЬТС

Ричард Фолтс (Гарвард) является профессором религии и Фондовым директором Центра по изучению Ирана Университета Конкордия в Монреале, Канада. Работы Фолтса охватывают все стороны иранской истории и цивилизации, с древнего периода до наших дней и по темам, охватывающим Культ Животных до Зороастризма. Его последними работами являются «Иран во Всемирной Истории» (Изд-е Оксфордского Ун-та в 2015г.) и «Религии Ирана: от древней истории по настоящее время» (Мировые публикации, 2013г.)

Иорданский Центр по Изучению Персии (текст) **РИЧАРД ФОЛЬТС У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ ИРАНА РИЧАРД ЭФРАЙ И ИСТОРИЯ ТАДЖИКОВ. Т.4**

Ричард Фолтс. Впервые напечатано в марте 2016г.

Дизайн Куруш Бейгпор, напечатано в США. Калифорнийский Университет и Иорданский Центр по Изучению Персии. Том 4.

Статьи, написанные Иорданским Центром по Изучению Персии включают исследователей, интересующихся её историей. Они поставили перед собой цель – прояснить вопросы различных аспектов Иорданской цивилизации с древних времен по настоящее время. Доклады, опубликованные под редакцией доктора Самуэля М. из Иорданского Центра по изучению Персидской истории и культуры, охватывают область антропологии, археологии, истории искусства, языков, литературы, религии и истории. Мы (ред.) надеемся, что статьи, написанные специалистами из каждого из этих направлений, прольют свет на понятие Иранского наследия в самом широком аспекте на англо-язычные страны (English speaking countries).

Доктор Турач Дарёй-ответственный председатель по изучению Персии её культуры. Директор Иорданского Центра по изучению Перси. Университет Калифорнии

Я считаю за честь, что мой коллега, профессор Турач Дарёй, образовал Семейный Фонд Семнани в память о Ричарде Фрае в Ирвине. Он, как иранист, испытывает большое уважение к Ричарду Фраю и сожалеет, что не был его учеником, хотя он в 1990г. был в Гарварде и проводил там исследования. Он его видел на семинарах и во время другой деятельности. Год спустя, когда они основали Центр по изучению Иранского наследия в Университете Конкордия в 2008г. в Монреале, профессор Р.Фрай принял их приглашение прочитать там лекции, поэтому ему было очень приятно присутствовать на них.

«Ричард Фрай являлся выдающимся американским иранистом». Их было немного, и в основном они были из Европы и Ирана. Только благодаря усилиям Р.Фрая в 1950г. в Гарварде был создан Центр по изучению Иранского наследия как научное направление в Северной Америке. Была дана оценка исследований и точки зрения на данный вопрос западных исследователей по Иранской культуре.

В 2007г. Р.Фрай в интервью в Средствах массовой информации заявил, что «Во всей Евразии, с тех пор как она стала известна, существовало всего два Великих культурных центров, две Великие цивилизации: одна – в Китае, и вторая – в Иране». Несмотря на то, что он изучал Китай, параллельно изучал арабскую и тюркскую культуры. Последние годы своей жизни он посвятил Таджикистану- стране, которая связывает Китай и Иран. Люди, посещающие в настоящее время Таджикистан, повсюду могут наблюдать влияние Китая, особенно на рынках, и китайцы подняли английский язык на первое место как иностранного языка для поддержания контактов с таджикской молодежью.

Невозможно забыть Великий шелковый путь, который «открылся» в 104г.н.э. китайской военной экспедицией в Ферганскую долину с целью поиска Центрально - Азиатских лошадей, разводимых предками таджиков – согдийцами. Согдийцы, которые говорили на восточно-иранском диалекте, являлись «знатоками» Великого шелкового пути вплоть до их завоевания арабами в к.У11- нач.У111вв., о чем Р.Фраем подчеркивалось во время преподавания в Гарвардском Университете в течение многих лет. На вампере машины Р.Фрая была надпись: «Согдийцы существуют повсюду».Его статья, написанная в 1943г. под названием «Согд и

согдийцы» была одна из первых по этой теме в западных академических журналах, и свою жизнь он писал о различных аспектах согдийского языка и культуры.

Однажды он заявил, что «Изучение Центральной Азии будет целью моей жизни». И хотя он изучал и Персию и Турцию, именно таджики, а не другие тюркоязычные народы стали темой его исследований. Объектом исследования докторской диссертации он выбрал тему, относящуюся к X веку эпохе Саманидов, точнее исследование работы историка этого периода Абу Бакра Мухаммад Ибн Чаъфара Наршахи «История Бухары». Однако, в 1941г. его исследовательская работа была прервана началом Второй Мировой Войны, и его отправили в Афганистан для прохождения службы.

Как считал Р.Фрай, «История Бухары» Наршахи является одним из основных ярких примеров возрождения иранистики в Центральной Азии в Саманидский период в Хв.

Хотя, как все исследовательские работы того периода, она была составлена на арабском языке, автором, который был местным - из Бухарского региона, и чей родной язык, возможно, был одним из диалектов персидского языка, была представлена Саманидскому правителю Нух ибн Насру в 943г. и, несомненно, послужила будущим целям - объединению бывших согдийских земель согласно Саманидской программы возрождения доисламской Персидской культуры.

Меньше, чем через два века спустя, в 1128г., другой местный исследователь Абу Наср Кубави перевел «Историю Бухары» Наршахи и сделал комментарии о том, что «большинство людей не изъявили желания читать арабскую книгу». Фактом является то, что не сохранился арабский оригинал, подтверждающий перевод Кубави. Р.Фрай перевел работу на английский язык со слов Кубави с довольно «тяжелым» персидским изданием, поскольку арабская версия была недоступна. Наоборот, в персидской версии Р.Фрая есть доступ к не менее, чем 6 различным манускриптам из общего количества в 38, как известно, до сих пор существующих.

Если сравнить арабскую и персидскую версии, то у нас вызывает сомнение, та ли эта работа. Фактически, Кубави взял на себя и роль переводчика, и роль издателя, и роль автора. Он заменил многие строки из текста Наршахи, которые, как ему казалось, не вызывали интереса. Ведь между ними была разница в два века, и мы правильно считаем, что «История Бухары» может считаться работой в соавторстве. Жаль, что Р.Фрай ничего об этом не отметил.

Тема исламизации Бухары с начала и до середины У11в., в «Истории Бухары» Наршахи становится в один ряд с появлением таджикского народа, представляя собой вид исламизированного возрождения Согдийцев – и здесь Р.Фрай, как говорится, начал свою карьеру как историка - таджиковеда. В 1990г. он написал работу «История Центральной Азии», которая, как говорится во введении, является «попыткой описать древнюю и средневековую историю этой земли».¹

Р.Фрай произносит слово «земля» в то время, когда Таджикистан еще не был политическим единством до 1924г., и получил статус независимого государства только недавно, в 1991году. Поэтому Р.Фрай сконцентрировал свое внимание не только на Таджикистане, но и на тех её частях, где проживали персоязычные народы – таджики, которые численно и культурно доминировали по всей истории региона. С этой точки зрения, эти две книги – одна вышла в начале карьеры Фрая, а вторая – в конце его карьеры – являются этнической историей таджикского народа и ее прямых потомков – согдийцев.

Термин «таджик» является спорным, особенно с повсеместно известным определением - «персы». «Таджики» и «Персы» могут считаться отдельными народами, так как таджики находятся в Восточной части Великого Ирана. В процессе истории, тем не менее, между ними появились различия, которые весьма реальны, и игнорировать их является очень нереально.

Кроме того, интересно заметить, что до сих пор, в некоторых случаях, слово «таджик» и «перс» являются синонимами, по крайней мере, не этимологически. Термин «таджик» происходит от поздней Среднеперсидской формы «тазиг», и берет начало от названия арабского племени «Той» (*ze tauu*), и оно было первоначально принято иранцами не мусульманами по отношению к арабским мусульманским захватчикам в период У11в. Поскольку местные иранцы постепенно подпали под влияние арабского доминирования и начали присоединяться к растущему мусульманскому сообществу, слово «таджик» потеряло свой специфический этнический смысл и на них ссылались как на всех мусульман в общем. Ко времени, когда арабы руководили мусульманами, они были в состоянии окончательно подчинить Согдийские земли Трансоксианы в

¹ Richard N.Frye. The Heritage of Central Asia: From Antiquity to the Turkish Expansion, Princeton: Markus Wiener, 1996, p. 3

первой половине У111в., большинство мусульманских солдат и их последователи были этническими иранцами, поэтому слово «таджик» пришло к нам со значением «иранцы, которые приняли ислам».

С тех пор, как арабы стали оседать в Центральной Азии, число ираноязычных народов значительно превалировало, и основными переносчиками ислама в регион явились персоязычные народы Ирана. Поскольку местное население весь следующий век было под влиянием исламизации, они начали создавать свой язык в противовес персидскому, как например, арамейско и коптійско говорящее население Ближнего Востока и Египта поменяли свой местный диалект на арабский. К середине Хв. Данная трансформация продолжала прогрессировать в тех местах, где правителями были местные бухарцы из Саманидской династии, переводами работ Абу Чаъфара Табари с арабского языка на персидский, где говорится: «Здесь, в этом регионе, язык персидский (парси), и все короли этой области – персидские короли (молики Ачам).¹ Это давало возможность и отвечало требованиям Саманидов вовлечь себя в Сасанидские королевские традиции, где большинство населения говорили по-согдийски.

Некоторые люди из Бухарской элиты, в основном те, кто был связан со двором и, возможно, некоторые священники, могли быть персонизированы даже в доисламский период благодаря их связям с Сасанидским миром. Об этом говорится в «Истории Бухары» Наршахи: «когда арабские захватчики впервые занесли ислам начиная с начала У111в., группа людей, состоящая из нескольких сот людей местных читали свои молитвы на «дари», поскольку не могли говорить или понимать арабский язык. Почему же они говорили на «дари», западно-иранском диалекте, вместо своего местного – «согдийского языка»?

Р. Фрай проливает свет на эту проблему и предлагает объяснение, ссылаясь на «оперсинизированных» горожан, но удивляет одно, как Сасанидское влияние могло реально сменить согдийское очень широко в Бухаре в короткий период времени где, по документам, найденным на горе Муг, оставленным последним согдийским правителем Диваштичем, написаны на согдийском языке. Иранский географ Истахри, который являлся современником Наршахи писал, что даже в свое время (два века спустя после захвата арабами Центральной Азии) язык населения в Бухаре был таким же, как и в Согдиане, «за исключением некоторых изменений». ² Это противоречит высказываниям Р.Фрая, что несколько раньше этого времени «персы говорили языком городских людей». ³ Р.Фрай считает, что «дари» был в действительности простым стилем новоперсидского языка, свободным от арабизмов, где термин «фарси» (чаще «парси») в этот период был в качестве знака стиля новоперсидского языка, который очень много был перемешан с арабскими словами, и был более сложным, чем простым. ⁴

Тем не менее, согласно сведений исследователя Розбех пир-е Дадое, известного в арабском мире как Ибн ал Мукаффаъ, термин «дари» отражен в языке Сасанидских придворных в Стесифоне в Месопотамии, как противостоящая языку «парси», который являлся языком Парса, а также языком Маздакийского духовенства. ⁵ Легче поверить в то, что во времена арабских завоеваний в начале У111в. придворная часть Бухарской элиты могли говорить на поздне среднеперсидской форме «дари», привнесенного из Сасанидского запада, чтобы принять сомнения Фрая, что «дари» был диалектом всего городского населения Бухары, но в сообщении Наршахи говорится, что те кто посещал мечети, как уже было отмечено выше, терпели, приспособлялись к этому, чтобы избежать налога «чизия», что свидетельствует о том, что они, похоже, имели общий фольклор. Возможно Наршахи использовал термин «дари» в этом контексте как анахронистическое или просто неточно. Его намерением, возможно, является просто сигналом, что они знали только свой местный язык, неопределенный иранский язык.

В любом случае можно допустить, что во времена Кубави, на четыре века позже персидский язык сместил Согдийский почти полностью, хотя современная версия позднего языка уцелела на сегодня в глубоких уголках горного Таджикистана, где он известен как язык «яғноби». Возвращаясь к нашему спору о семантике трансформации термина «таджик», во время периода Тюркского правления - Газневидов и Сельджукидов в XI и XII вв., то есть в то время, когда жил

¹ Abu Ja'far Mohammad Tabari, Tarjome-yl-tafsir-e Tabari, ed. Habib Yagmai, 7vols, Tehran. 1339-44(1960-65), vol. 1, p.5

² Abu Ishaq Ibrahim ibn Muhammad al-Farisi al Istakhri, Kitab al-Masalik wa'l Mamalik, in M.J/ de Goege, ed/Biblioteca Geographorum Arabocorum, vol,1, 1870, p.314.

³ Richard N.Frye, Bukhara: The Medieval Achievement, Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 1996 [Norman: University of Oklahoma Press, 1965], p.44

⁴ Richard N.Frye, Bukhara: The Medieval Achievement, pp.62-63

⁵ See Gilbert Lazard. "Dari", Encyclopedia Iranica on line

Кубави – определение «таджик» применялось тюрками ко всем иранцам, больше к тем, кто в настоящее время являются мусульманами.¹

На некоторое время я отклонюсь от главного вопроса и призываю к обсуждению того, что однажды я имел честь побывать в Самаркандском Государственном Университете в середине 90-х годов XXв., сразу же после годовичного пребывания Р.Фрая в Душанбе. Таджики Самарканда (до сих пор они составляют 70% населения, несмотря на то, что проживают в Узбекистане, где официально распространен тюркский язык, и где таджикский язык подавлен), пригласили Ричарда Фрая для чтения там лекций. Хотя они говорили с ним с благоговением, они ясно чувствовали благодарность великому иранологу, они были в равной степени решительны в отношении существующей ситуации исчезновения позиции развития здесь таджикского языка. «Он по-настоящему нас разочаровал»-сказали они мне тихим тоном, тряся своими головами, указывая на позор всего этого. «Он говорит, стоя напротив всей аудитории, что наш язык пришел к нам от фарсов».

Конечно, позиция Фрая была верной и ее приняли почти все лингвисты, но даже когда выражали непопулярный взгляд, он был одним из тех, кто не менял своих позиций. Приблизительно в это время Р.Фрай был приглашен участвовать в прямом интервью по государственному телевидению в г.Душанбе, где гостя информировали с великим восторгом, что их вновь независимое государство считало (имеет вид на) возврат от кириллического алфавита к арабо-персидскому. «Это страшная идея»-возразил Р.Фрай, подчеркнув, что кириллический алфавит с фонетикой был намного лучше, представляя произношение «точикй» лучше, чем с арабского, и, таким образом, делая его легче для детей для достижения полной грамотности. После этой передачи его больше в прямой эфир не приглашали, но 25 лет спустя и до сих пор таджики используют кириллицу.

Возвратившись снова к термину «таджик», как было отмечено выше, к XIв. он начал приобретать более широкое социологическое значение, в котором персоязычие было лишь одним из компонентов. Распространилось мнение, что цивилизованный человек, горожанин ли это или сельчанин, как противостоящий «тюрку» ссылается не только на тот факт, говорит ли он по-тюркски, но более на стиль его жизни –оседлый или кочевой. Деление на тюрка и таджика враждебно и для некоторых взаимовыгодна, сохранялась до XX века, во время создания советского народа, где полностью реконструировался лингвистический и культурный ландшафт Центральной Азии.

Таким образом, к ХУв., по крайней мере, можно было сказать, что действительно термин «таджик» использовался в том направлении, совершенно схожем с тем понятием, в котором мы его сейчас видим и используем - «персидский» или даже «иранский». «Таджики являлись культурными, персоязычными народами, которые проживали от Ирана на западе и полностью в горах Гиндукуша на востоке, как видно, в противоположность другим народам, проживавшим по всей этой территории, и которые смотрелись «утонченно», по крайней мере, как культурно-изысканные. Это, возможно, по крайней мере, частично быть поводом, что является на первый взгляд очень возмутительным для Советского периода, исказить историческую реальность, согласно которой все великие личности классической Персидской цивилизации, начиная от поэтов и до ученых и государственных деятелей, классифицировались как «Таджики». Таджики Средней Азии претендуют сегодня на весь каталог самых знаменитых средневековых иранцев, от Фирдоуси до Джами, на пути, который кажется смехотворно раздутым, чтобы пролить свет на этнических идентичностей сегодняшнего дня.

Вполне ясно, Рудаки утверждён таджикским поэтом, будучи захороненным на территории современного Таджикистана, и Авиценна может быть, не так растяжим из своего региона в Бухаре, до сих пор, преимущественно, таджикоязычным, даже если оно локализовано в Узбекистане. Из Герата и Балха современного Афганистана вышли многие великие личности иранской цивилизации, и персоязычные обитатели этих регионов рассматриваются как таджики. С другой стороны, таджики претендуют на Хафиза и Саъди, едва могут резонировать внешне, полные желания ультра - националистических мыслей, не более как глупые притязания на современного Азериса, как если бы Низоми Ганчави был тюрком.

До сих пор, даже сегодня термин «таджик» является иногда обманчиво текучим. Принято признание Китайским правительством национальности, состоящей из памирско-говорящих Исмаилитов Шиитов из Ташкуртана провинции на юге Кашгара. Далекое на Запад, я был

¹ See John Perry. "Tajik". Encyclopaedia Iranica.

поражен во время визита в Аламутский храм на севере Казвина прошлой весной, когда я расспросил местное население об обитателях нескольких закрытых селений в регионе – где Яршатер и другие стали подозревать, что Маздакийская религия может быть до сих пор секретно практиковаться – разговорный язык этих людей отличался от персидского; да, мне сказали, что их язык был назван «точикий». В противовес законам истории, где «таджик» - первая и главная индикация того, что человек на вопросы отвечает по-персидски, здесь мы имеем дело с двумя случаями, с противоположного конца Иранского мира, где слово относится к людям не персидского происхождения, скорее чувство различия их от окружающего большинства, которое вызывало оригинальное использование термина в начальный период ислама.

Бухарский регион считается, наряду с сегодняшним Таджикистаном и Самаркандом, центром таджикской цивилизации. Тот факт, что он был размежеван Советами в 1920 году во вновь созданную Тюркоязычную республику Узбекистан остается болезненным до сих пор, как это было 90 лет назад. Общетаджикским является – ссылка на такое действие как «преднамеренное удаление таджикской культуры» Советскими правительствами.¹

Невозможно не знать для уверенности, что с тех пор, как большинство таджикоязычных народов в Узбекистане зарегистрированы как узбеки в своих паспортах, и только после разговора с ними на их родном языке они по отдельности называли себя таджиками.²

Все же, просто проводя несколько моментов на улицах Самарканда или Бухары, втором и третьем больших городах Узбекистана, выявилось, что большинство прохожих говорили между собой по-таджикски, а не по-узбекски. Не на языке ограниченного для этих городских территорий. Во время моей полевой работы в Узбекистане в качестве аспиранта в середине 90-х годов, у меня была возможность выехать в русифицированную столицу – Ташкент, в некоторые окружающие его горные селения, где таджикский язык был единственным, который я слышал.. Путешествие в то время было медленным и трудным, даже на короткие расстояния, и я мог провести весь день, регулируя поездки, чтобы добраться на небольшие горы (нагорья), которые я достигал, в конечном счете, с наступлением ночи. Реально не было пути возвратиться обратно в город с этого места, за исключением прослушивания диалога некоторых местных жителей, стоящих вокруг меня на пыльной улице из кипарисных деревьев.

Я спросил их по-русски, есть ли поблизости какая-либо гостиница – махмонхона. Они посмотрели друг на друга в замешательстве, затем повернулись ко мне с распростертыми объятиями и воскликнули: «Инчо хама хона мехмонхонааст!» («Здесь каждый дом гостиница»), после чего все начали спорить о том, кому из них представится честь принять гостя у себя дома на ночь.

Ричард Фрай описал похожие эксперименты во время своего пребывания в Афганистане во время Второй Мировой Войны, его первого контакта с иранским миром. Хотя характер его записок несколько смягченный, можно представить волнение Фрая более 10-ти лет спустя, когда опубликовав свою диссертацию по Бухаре, которую он никогда не видел, он получил Советскую Визу, по которой в конце концов разрешили ему посетить город в первый раз, в 1955 году. После нескольких дней изнурительного путешествия из Москвы самолетом, затем поездом, Фрай в конечном счете, прибыл в легендарный город, чья история увлекла его с детства. Не было хорошей гостиницы, кроме чаевой комнаты – чайханы, где он спал по индийскому стилю на кровати – «чорпой». «Никаких тротуаров, только пыльные чертополохи и следы стремительной ящерицы, ведущие к знаменитому мавзолею Саманидов», - писал он. «Везде вопросы о древности, приносящие отрицательный ответ, только что молодые люди совсем не интересовались этими вопросами».³

Отсутствие знаний об их собственной истории было чем-то, за что Фрай укорял таджиков всю свою жизнь, но в их защиту можно сказать, что они явились жертвами Советской образовательной системы, которая больше внимания уделяла русской культуре и достижениям в исключение всей остальной. Р.Фрай описал свое короткое пребывание в Бухаре как фрагмент своего путешествия в СССР, и не скрывал своего разочарования в том, что так мало осталось от её былой славы, что являлось осязательным. Несмотря на это, до конца своей жизни он считал Бухару своим любимым Центрально-Азиатским городом.⁴

¹See Rahim Masov. The History of a national Catastrophe. tr. Iraj Bashiri

² See Richard Foltz “Uzbekistan Tajiks: A case of Repressed Identity” Central Asia Monitor no.6(1996);17-19;and idem, “The Tajiks of Uzbekistan” Central Asian Society 15/2(1996);213-216.

³Frye, Greater Iran, pp.167-168

⁴ Frye, Greater Iran,p.289

К середине своей академической карьеры, в 1965 году Ричард Фрай опубликовал монографию под названием «Бухара: Средневековые достижения», в котором утверждал, что «Бухара в конце IX и в X веке становится столицей Восточно-Иранской культурной территории, и тем самым стала последователем старых вековых традиций, независимо от Западного Ирана».¹ Именно в Средней Азии, как заявляет Р.Фрай, можно локализовать «новый Персидский Ренессанс», который, в конце концов, после двух веков арабского политического доминирования, успешно смешал Иранские древние культурные традиции с теми же в исламе. Таджики на этой сцене были принципиальными актерами в Персидском Культурном Возрождении X века, охватив не только литературный, но и возможно, что более важно, валоризацию иранской идентичности как символизирующей доисламское прошлое, которое затем обратно распространилось на Западный Иран.

Согласно мнению Р.Фрая, данный процесс являлся больше реакцией, чем примирением. «Я верю, это было скорее успешной попыткой спасти ислам»-пишет он, - «чтобы спустить его с арабской почвы и бедуинскими нравами, чтобы сделать ислам намного бочаге, более приспособленной и универсальной культурой, чем она была ранее».² Фрай забывает здесь упомянуть предшествующее наследие, течение «*биех* – писцов из Багдада за век до этого, иранских писцов как Робех ибн Мукаффаъ «который искомо демонстрировал возвышенность персидской над арабской культурой посредством перевода персидской литературы на арабский язык. Возможно, именно поэтому такое «*биех* течение было более реакционным, чем примиренческим и поскольку такие актуально поставленные, реальные, и относящиеся к реальному угрозы исламу, на самом деле, более укрепляли его как Р.Фрай озаглавливает Саманидско-персидский Ренессанс.

Работа «Бухара: Средневековые достижения» охватывает ту же тему, как и «История Бухары» Наршахи, и имеет некоторое ощущение его пересказа. В этом аспекте Фрай использует параллели Наршахи, которые взяты у его предшественника XII века Кубави, и его работа может считаться, по другим версиям, третьим олицетворением потерянной работы Наршахи. Фрай, как и Кубави, собрал то, что ему нравилось, и добавил материалы из других источников, и его проза повествовательная, благодарная, имеющая некоторую последовательность и связность с Кубави, что является чем-то произвольным и часто запутанным.

Первый визит Фрая в Таджикистан свойственен – то есть в Таджикистан, созданный Советами, должен был быть таким, каким он ожидал его видеть в декабре 1965года, сразу же после публикации его монографии по Бухаре.

В своих воспоминаниях он описывает свою поездку в Душанбе в первый раз, как «человека, похожего на возвращающегося домой». Можно предположить его мышление в том, что он попал в удобное место, к иранцам, после 2-х месячного пребывания в России, до этого он на короткое время останавливался в Ташкенте, который представлял для него, как исследователя, большой интерес. Душанбе в Советский период оставался отчетливо провинциальным городом даже для таджиков, несмотря на то, что таджики занимали высокие правительственные посты - большинство рукописей, представлявших интерес для исследователя хранились в Ленинграде и Ташкенте. Фрай описал столицу таджиков этого периода как сохраняющую аспекты пограничного города, и в самом деле, не говоря уже о маленькой Тимуридской гробнице XVвека Накшбанди – святыни Якуб Чархи (который Р.Фрай даже не отметил), он представлял небольшой исторический интерес здесь от прежнего Советского периода, и он не являлся, наконец, городом, а только частью регионального рынка в «Понедельник».

Возвратившись в Душанбе на конференцию почти через два десятилетия, в конце 1989 года, когда Советский Союз был на стадии распада, Фрай был чрезвычайно удивлен, что решил на следующий год проживать там после ухода на пенсию из Гарварда. Достоверно, и это являлось очень интересным периодом для него, что ему разрешили совместно с его второй женой Эдем Нэби и его 9-летним сыном Нельсом наблюдать за распадом СССР и зарождением независимого Таджикистана.

Несмотря на многие изменения в течении многих лет, Душанбе в 1990 году, вспоминает Фрай, напоминал «более Кабул, чем Шираз».³

Фрай были единственными иностранцами, живущими в столице Таджикистана в то время. Молодой Нэльс разрешал своим одноклассникам колкости в местной школе, в то время как его мать обучала студентов английскому языку в Педучилище и Фрай, находясь «на пенсии», вел

¹ Frye, Bukhara: The Medieval Achievement, p.1X

² Ibid

³ Frye, Greater Iran, p.293

лекции по Иранской истории в Университете, по предмету, которому нашел таджикских студентов, мало информированных даже о своей собственной истории.

К сожалению, обещания демократии с натиском независимости быстро дегенерировали в клановый функционализм, и, в конце концов, в гражданскую войну. Фрай решил покинуть Таджикистан в конце 1991 года, как только разгорелись события, перед закупкой двухкомнатной квартиры, судьба которой волновала Фрая после возвращения в Массачусетс, однако война уже бушевала по всему глобусу.

В своих мемуарах он размышляет о том факте, что сначала Афганистан, потом Иран, и, в конечном счете, Таджикистан- каждый из них впал в большой конфликт сразу же после его визитов: «Сейчас все три ираноязычные страны в суматохе»-пишет он-«наши путешествия в эту часть мира были окончены».

Книга Фрая впервые была задумана во время его пребывания в Таджикистане, называемая «Наследие Центральной Азии», и была одной из последних его исследовательских усилий.¹ Первоначально, намереваясь написать Историю Таджикистана, Фрай заострил свое внимание на территории, ограниченной сегодняшними границами страны, что не имело бы смысла со всех сторон, и что, затем могло пройти через всю историю таджиков, и которое произошло из-за тех недавних случайных размежеваний. Поэтому, как поясняет он, «затем решил, что внимание в книге будет сосредоточено на таджиках, где бы они не проживали в прошлом, но такое решение также было бы неадекватным из-за различий в дополнительном значении названия «таджик», проходимого через всю историю и географию»... «В конечном счете»,-пишет он, «кажется, что правильным курсом явилось бы увеличить холст, включающий всю Центральную Азию, и дать историю различных ираноязычных народов на всей обширной территории, которую они раньше занимали, и до экспансии тюркоязычных народов».²

Результат проявляется в самом факте общей истории, в котором не заостряется внимание представлению «не таджикский».

На самом деле, книга читается более как базовое введение к новой истории Великого Ирана, хотя с восточным уклоном, таким как это может более соответствовать названию титульного листа, который Фрай избрал для своих мемуаров в 2005 году. Сакская культура не рассматривается подробно. Согдийская культура получила не более, чем поверхностное рассмотрение на 12 страницах в главе XIII, и Саманиды, которые являлись основателями Персидской культуры в пост-исламский период и считаются как основоположники современных таджиков, являются, наконец, едва замеченными. Поздняя утрата владений кажется совершенно поразительной, и можно только принять тот факт, что Фрай уже уделил достаточно внимания Саманидам в своей ранней книге «Бухара: достижения средневековья», которая является, по существу, историей периода Саманидов.

Итак, в процессе написания «Наследия Центральной Азии» выяснилось, чисто случайно, что этот предмет взят из его собственной жизни, независимо от основных целей автора. Это являлось, возможно, неизбежным и нам становится ясным, что чрезвычайно широкое видение Иранской цивилизации было вдохновением для тотальности карьеры Фрая, поэтому над каким бы проектом он не работал, такое видение не могло быть узким или ограничиться всякими преградами, будь то политическими, социологическими или временными. На самом деле, бросая взгляд на прошлое глазами Фрая и на различные другие исследовательские сочинения, мы можем сознавать расширенность его однозначных взглядов об «не иранцах», сыгравших главенствующую роль в определении и расширении границ Иранской Цивилизации, таким, каким мы его сегодня представляем.

¹ Перевод Фрая и комментарии Ибн Фадлаха, путешественника Хв. было опубликовано в 2005г.(Ibn Fadlah's Journey in Russia.Princeton^Marcus Wiener),основана на работе, которую он проделал в 1940-хг.(R.N.Frey and R.P.Blake,"The Vikings Abroad and at Home:перевод Ибн Фадлаха,in C.S.Koon,ed.A Reader in General Anthropology,New York:H.Hoit,1948,pp.411-16;and Richard N.Frye,"Notes of the Russia of Ibn Fadlah."Byzantina Metabyzantina ½(1949):7-37).

² Frye. The Heritage of Central Asia,p.3.

ОТЧЕТ О ПАМИРСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2016 ГОДА (г. Хорог, Рошт-кала)

Мумина ШОВАЛИЕВА,

старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН РТ

Маснав НАВРУЗБЕКОВ,

научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН РТ

Памирская этнографическая экспедиция 2016 года в составе старшего научного сотрудника отдела этнографии Шовалиевой Мумина и научного сотрудника отдела Наврузбекова Маснава проходила с 11 по 21 июля 2016 года в Рошткалинском районе (долине реки Шохдара) и г. Хороге Горно-Бадахшанской Автономной Области. Наряду со сбором материала по истории селений долины р.Шохдара, хозяйственной жизни, семьи и семейных отношений, рождения, свадьбы, похоронно-поминальной обрядности, бытовой культуры, этикета, нравов, верований, мазаров, календаря, образования и культуры, жилища и пищи долины реки Шохдара, особое внимание было уделено новым этническим процессам как на селе, так и в городе.

***Ключевые слова:** этнографическая экспедиция, история, этнические процессы, инновации, жилища, пища, одежда, бытовая культура, семья и семейный быт, ремесла, календарь, миграционные процессы, образование, свадьба, рождение, похоронно-поминальный цикл, хозяйственная и культурная жизнь, поверья, терминология, религия, Бадахшан.*

Согласно нашим полевым материалам, инновационные процессы на Памире затронули все стороны жизни и быта населения этого горного края: жилище, пищу, одежду и т.п. Трудно поддается инновациям похоронно-поминальный цикл, однако здесь, как согласно сообщений информаторов, так и по нашим наблюдениям, расходы на похоронно-поминальный цикл небольшие, и жители селения оказывают семье как моральную, так и материальную поддержку.

Что касается жилища у бадахшанских, выяснилось, что в результате поднятия благосостояния населения (собственных вложений), в том числе и финансовой помощи со стороны родственников, проживающих и работающих в Российской Федерации, во всех селениях строятся дома нового типа, в основном, 2-х этажные. До сих пор еще сохранились постройки 60-х-70-х годов с традиционными памирскими жилищами – «чид». Традиционно, во всех домах присутствуют 5 священных столбов – «сутун», называемые именами святых Мухаммада, Али, Фатимы, Хасана и Хусейна. Новизна заключается в том, что очаг, который находился в традиционном доме, в настоящее время не используется в хозяйственных целях. Сейчас его ставят во дворе дома, в кухне, однако с ним связано много обычаев и обрядов. В частности, нами выявлено, что в случае, если домашние направлялись в дальнюю дорогу, после прочтения молитвы благославления со стороны старшего по дому, уезжающий обязательно склоняет голову у старого очага, находящегося в доме «чид», и 3 раза, дотрагиваясь до очага – дегдон, проводя по лбу и глазам, целует ладонь, то есть этот очаг до сих пор почитается, и считается священным местом в доме – «мукаддас». После чего, обязательно возжигается священная рута, называемая здесь «страхм». Новизной при строительстве новых традиционных жилищ является то, что теперь в доме «чид» не строят печь – дегдон, дом «чид» дополняется 2-3 окнами, наряду с традиционным окошечком на потолке – «рудз», пристраивается кухня, иногда, ванная – хаммом». Чаще оба эти помещения строят отдельно от дома – во дворе дома, в укромном уголке двора. Если строят двухэтажный дом, то на первом этаже пристраивают отдельные комнаты по последним проектам, балконы, однако, на втором этаже стараются все же построить традиционный памирский дом с окошками и «верхним окошком на потолке – «рудз», который всегда считался гостиной комнатой (залом) и местом для проведения различных общественных мероприятий. Однако, наряду с этим, строят и новые дома по последним проектам, утвержденным Госархитектурным Управлением Республики Таджикистан. Двери и окна сделаны по последнему стилю современного домостроения, есть стеклянные веранды, вокруг разбивают сад, вход украшен цветами. Заборы вокруг дома, называемые здесь «сипчак или парий», строят из облепиховых веточек, которой здесь очень много. В городе заборы строят из кирпичей - цементных блоков.

Что касается одежды, то она современная, часто европейская. Даже на селе, как дети, так и молодежь носят европейскую одежду – джинсы, кофточки, европейские платья, рубашки, майки, куртки, то есть городскую молодежь трудно отличить от молодежи сельской местности. Из национальной одежды можно отметить платья на кокетке или просто сшитые по-европейски -

«платье» и штанины из легкой летней ткани поплин. Головных уборов молодежь не носит. Обувь – современная. Что касается женщин средних лет и пожилых людей, то для них характерны ношение платья на кокетке и штанин-эзоров. Поскольку погода здесь прохладнее, чем в других регионах Таджикистана, в летний период времени носят вязаные безрукавки или кофточки с рукавами, носки. На голове маленький головной платок – руймоли майда. Что касается одежды пожилых мужчин, носят европейскую одежду – костюм и брюки, на голове кепка. При отправлении на пастбища-айлоқ, надевают теплую заводскую шапку, поскольку там прохладнее, иногда надевают традиционный чапан. Национальную памирскую одежду надевают только танцоры в театрах и в дни больших праздников, семейных торжеств, надевают, в основном, памирскую тюбетейку красного цвета. Никоҳ – бракосочетание, свадьба без тюбетейки красного цвета не обходится. Следовало бы заметить, что, в Центре «Де-Помирй» в г.Хороге (ремесленный центр) открыты мини-цехи, где шьют национальную одежду и тюбетейки для продажи, а также в качестве сувениров.

Относительно пищи бадахшанцев можно сказать, что она, в основном, растительная в сочетании с продуктами животноводства. Блюдо ширчой - чай с молоком, как правильно отмечала исследователь культуры и быта бадахшанцев Моногарова Л.Ф. в своей работе «Преобразования в быту и культуре припамирских народностей», является этническим определителем Горнобадахшанцев в пище[1]. Ширчоем угощают гостей, едят повседневно, иногда даже 3 раза в день. Ширчой – еда легкая, сытная, в блюдо закладывают небольшой кусочек сливочного масла. Однако, наряду с ширчоем, повседневными блюдами являются ош - суп из лапши, замешанной на муке из бобовых, плов, шурбо – мясной суп на масле, гүштбирён – жареное мясо, мурғбирён – жареная курица, ширбиринч – рисовая каша, ширруған – масло с молоком и т.п. Гостевыми блюдами являются плов, шурбо- суп, гүштбирён – жареное мясо, мурғбирён – жареная на масле курица, нонушир или ширруған - молочная пища (хлеб с молоком), который едят совместно, в деревянной посуде – табаки чўбин. Причем гостю стараются нарезать козу, и приготовить из козлятины плов или жареное мясо - гүштбирён. Кроме того, из печени и легких животного в жареном виде подают блюдо чигарбирён, именно гостям, что считается проявлением особого уважения к ним. Как уже отмечалось выше, за гостевой трапезой готовят различные европейские салаты: салат из огурцов и помидоров, кислое молоко с зеленью и огурцами, подают сладости, соки, печения, самбусу, пирожки с картошкой и т.п. В летний период времени на Памире очень популярно блюдо ош – суп с лапшой из муки бобовых, заправленные кислым молоком или разведенным на воде «курутом». Роженицам дают пищу «хухпа» (пам.) типа «оталаи ордбирён» в горных районах Таджикистана, но если в последнем случае похлебку готовят на льняном масле – зағир, то здесь льняные зерна кладут в болтушку целиком. На летовке – айлоқ готовят пищу, называемую «бат», состоящую из масла, муки и молока, которая съедается совместно.

В городе Хороге действует много ресторанов и забегаловок, в которых готовят пищу шакароб, которая характерна для южных районов Таджикистана, самбўса, манты, русские блинчики, рогалики, картошку фри, различные виды выпечки, напитки, что является инновацией в пище бадахшанцев.

Также новым является и то, что посуда, из которой горцы принимают пищу, в основном современная, фарфоровая. Даже плов подают каждому отдельно в фарфоровой посуде. Деревянная посуда встречается изредка, и используется при подаче традиционной пищи в семейном кругу.

Что касается миграционных процессов, то из каждой семьи, по крайней мере, по 3-4 человека находятся в миграции в Российской Федерации, в основном в г. Москве, Уфе, Санкт-Петербурге и других городах. Многие из них уже стали гражданами Российской Федерации, с семьями проживают там, причем работают не только рабочими, но и по своей профессии. Что касается социального состава мигрантов, то большинство с высшим образованием, интеллигенция. Много кандидатов наук, которые защитились в России, работают преподавателями в Высших Учебных Заведениях России, в частности МГУ и других вузах, преподают физику, экономику, лингвистику, историю и другие предметы. Проживающие в Российской Федерации женятся, кроме таджиков, также и на девушках из других национальностей: русских, казашках, башкирках, татарках и т.п.

Относительно образования хотелось бы подчеркнуть, что в Советский период Горно-Бадахшанскую Автономную Область всегда отличал от других регионов Союза высокий уровень образования. В тот период ГБАО занимала первое место по высшему образованию в СССР. В настоящее время данная традиция продолжается. В процентном отношении из каждой семьи 90% имеют высшее образование, за исключением одного – двух взрослых членов семьи, часто женщин свыше 70 лет, которые занимаются ремеслами или домашним хозяйством. Хотелось бы заметить,

что семьи здесь многодетные. Согласно сообщений Норанчева Чумъа, 1954г.р. ведущего специалиста Районо Рошт-калинского района, там действует 41 школа, из них 6 начальных, 26 средних общеобразовательных школ, лицеев нет. Из общего количества окончивших школу – 369 человек, только 1 человек не сдал документы для поступления на учебу в учебные заведения, 25 человек посредством квоты поступили в ВУЗы, из них – 7 человек в Россию, 2 – в Бишкек. Многие из жителей Рошт-Кальинского района защитили кандидатские диссертации, преподают в ВУЗах г.Хорога, г.Душанбе, Бишкеке, городов Москва, Санкт-Петербург и в других городах Российской Федерации, в Индии и Дубае. Многие учатся и работают за границей – в Англии, США и других западных странах. Для саморазвития есть множество Молодежных центров, кружков, где молодежь ходит на дополнительные занятия. Большое внимание уделяется изучению иностранных языков – русского и английского. Почти все горнобадахшанцы говорят по-русски, обучаются на курсах русского и английских языков. Центр УЦА находится в г.Хороге и сейчас переполнен учениками. Здесь изучают несколько иностранных языков, особое значение придается английскому языку.

Также исследовались вопросы семьи и брака у горнобадахшанцев. Выявилось, что у населения долины р.Шохдара, в недалеком прошлом, согласно сведений информаторов, еще бытовали большие патриархальные семьи, когда в одном доме «чид» проживало до 5 и более женатых сыновей, а также отец с семьей. За последние годы, лет 40-50 тому назад, они постепенно выделились в малые, и в настоящее время все сыновья, обычно, проживают по соседству с отцом – старшим по дому, являясь теперь его соседями или же проживают в г.Хороге, г.Душанбе и других районах республики, а также за рубежом.

С целью уточнения вопросов брачного возраста, а также процента разводов нами был посещен Центральный ЗАГС г.Хорога. Выяснилось, что в настоящее время родственных, кузенных и ортокузенных браков, которые еще существовали в конце XIX и начале XX века, почти не наблюдается. Этот факт подтвердили и наши полевые материалы по Рошткале. Отсутствие родственных браков объясняют биологическими причинами – «будет кровосмешение и дети будут неполноценными», а также тем, что религия – исмаилизм всегда запрещала такие браки. Процент распада молодых семей – невелик. Так, по отчетам ЗАГСА г. Хорога ГБАО за 6 месяцев 2016 года было зарегистрировано 873 брака, разводов 52, главной причиной которых являются тяжелые семейные условия. Молодежь в настоящее время создает семью только после получения образования, обычно высшего, то есть ранних браков не наблюдается. Средний возраст регистрируемых молодоженов в ЗАГСе – 20-25лет. На наш взгляд, образованность членов семьи и является гарантией крепкой семьи. Такие молодые семьи не нуждаются в материальной помощи со стороны родителей, поскольку могут сами себя обеспечить, и обычно живут раздельно.

Что касается обрядов рождения и похоронно-поминальной обрядности, то и здесь мы наблюдаем много архаических черт, связанных с предохранением ребенка от «злых духов» и так называемых, «темных, злых сил».

Следует отметить, что кладбища в селениях – родственные. Так в селении Парзудж существуют в настоящее время 3 родовых кладбища. Однако, основоположника рода кузнецов, которого звали Азизмамад из селения Парзудж захоронили рядом с его кузницей, хотя весь его род покоится на родовом кладбище.

По сообщениям информатора из селения Парзудж Наврузбекова Ниёзмамада, 1941г.р., в похоронно-поминальных обрядах отсутствуют поминки в 3, 7,40 дней и годовщина, кроме обряда на второй и третий день, называемый «чирогравшан», а также чтения молитв – оят. «Хакки мурда то 3 рӯз» - сообщают информаторы. Считается, что до покойного дойдет только молитва – «дуои нек», а остальные расходы – это лишнее. Поминают умерших также и в мусульманские праздники «Рамазан» и «Курбан», возжигая на могиле по 2 свечи и приготавливают пищу «ширравған» или «ширчӯш», которая съедается присутствующими совместно, а остатки приносят домой и раздают домашним.

Членов экспедиции интересовало и развитие ремесленного производства на территории ГБАО, и долины р. Шохдара. В настоящее время в г. Хороге существуют различные правительственные и неправительственные организации, занимающиеся деятельностью ремесленников. Среди них можно отметить центры «Лаёкат» и общественную организацию «Де-Помирй», созданная при поддержке Фонда Ага-хана. Учреждение находится в г. Хороге, директор – Бердов Ёррали и его пять сотрудников занимаются поиском ремесленников и поставкой их изделий в офис. Согласно их сведений, вязаные изделия распространены повсеместно в ГБАО; изделия из дерева – в Шугнани, Дарвазе, Ванче; войлочные изделия – в Шугнани, Мургабе,

Ишкашима; плетеные изделия (корзины) - повсеместно; украшения из камня и бисера – в Шугнана; вышивки (подушки, чодары) – в Дарвазе, в Ишкашима - тубетейки; сувениры - повсеместно; косметика – сурьма из Дарморахта (Шугнан); текстиль (сумки вышитые, войлочные и кожаные) – Дарваз; паласы шерстяные вязаные – Мургаб; джурабы - Бартанг; музыкальные инструменты – усто Озод из Бартанга и мастера из Шохдары; выделка кошмы – наmatрези - Шугнан, Рошт-кала; работа с драгоценными камнями – Шугнан (Поршнеv), где расположено учреждение «Памиркварцсамоцветы». В настоящее время мастера – ювелиры занимаются выделкой сережек из серебра – усто Абутолиб из г. Хорога, и сувениров, раньше из рогов горного козла.

Что касается ремесленного производства в Рошт-кале, то многие из них почти исчезают. Как было указано выше, в настоящее время повсеместно на Памире сохранилось такое ремесло как вязание памирских носков. Во время нашей экспедиции в Рошт-кале нами зарегистрировано несколько видов ремесел, в основном, в селении Хидорджедв – родине известного Народного поэта Таджикистана Ширин Бунеда. Здесь нами зарегистрировано около 13 видов ремесел: кузнечное дело (цех), кройки и шитья (цех), деревообделочное дело цех и курсы обучения Усто Иброхима – Иброхим Эльчибеков, 1969г.р., с-с Тавдем с. Хидорджедв (занявший первое место в Таджикистане в Конкурсе лучших деревообделочников), кулинария (пекарня), ремонт машин - 3 точки СТО (на основе кузнечных мастерских), писание картин (для деревообделочного производства), выделка национальных тубетеек – токидӯзи, выделка тесемок для одежды и других целей (шероздӯзи), производство для продажи сувениров – армуғонтароши, производство национальных музыкальных инструментов (рубабов, тавлаков, гижак, най, сетор, танбур и т. п), выделка кошм – наmatрези, пчеловодство – асалпарварӣ. Кузнечное дело, валяние кошм также развито в селениях Хидорджедв, Парзудж, Меденшарв, Паршед; выделкой музыкальных инструментов и скульптурой, писанием картин занят поэт из селения калъа Тайғуншо Бозоров, 1942г.р. и жители селения Хидорджедв, вышиванием - учительница труда средней школы из селения Пистарез и другие. В частности, изготовитель национальных музыкальных инструментов - рубобтарош Дилшодов Суҳайли, 1966г.р. из селения Хидорджедх изготавливает различные виды национальных музыкальных инструментов - рубоби Шугнони (шугнанский рубаб), танбур, сетор, рубоби афгонӣ, гижак, най, тавлак. Он – член Союза ремесленников Таджикистана. Музыкальные инструменты он изготавливает из орехового, абрикосового и тутового дерева. С весны замачивает древесину в воде, приступает к работе только в сентябре-октябре месяце. Эта профессия – наследственная, передалась ему от отца, работает с ним и его брат. Кроме того, он работает в Доме Культуры г. Хорога, сам пишет стихи и является народным певцом. У него трое сыновей: старший играет на гитаре и нескольких других инструментах, поет, средний сын – ювелир - заргар, младший является учеником усто Ибрагима из этого же села, обучается деревообделочному мастерству.

В связи с этим, хотелось отметить, что опытным деревообделочником в селении Хидорджедв, сельсовета Тавдем Рошткалинского района ГБАО является Иброхим Эльчибеков. Отец его – Усто Асадбек также является хорошим мастером по резке по дереву, 1942г.р., сейчас он не занимается ремеслом. Его сын занимается этим ремеслом с детства, обучает детей на уроках труда в сельской школе № 9 им.Ш.Бунёда, дома у него есть мастерская, где он обучает ремеслу 15 учеников – шогирдо. Лучшие дома – «чид» в Рошт-кала и других районах ГБАО сделаны его искусными руками.

Из всех ремесел самым «священным» здесь является кузнечное дело, поскольку его, как считалось, покровительствовал «Хазрати Довуд». Существовало суеверие, что если обидят кузнеца, то это приводит к несчастью. Поэтому с кузницей и кузнецом связаны многие обычаи и обряды, поверья. Так, если при родах роженица пила воду с наковальни – роды облегчались. При агонии, при условии выпивания глотка воды из кузницы – или больной выживал, или умирал – «роҳ кушода мешуд» («разрешение проблем»), во время поездки в дальнюю дорогу – «роҳи - Сафар» брали благославление у кузнеца, пепел из кузницы предохранял человека от сглаза, не крадут железные вещи (в том числе и дрова – топливо) и т.п.

Были исследованы и вопросы хозяйственной деятельности населения. Выяснилось, что население занимается земледелием, огородничеством, садоводством, подсобным является животноводство. Выращивают пшеницу, просо, ячмень, бобовые, клевер для кормления скота, картофель, лук, помидоры, огурцы, капусту, свеклу, морковь и т.п. Бывшая колхозная земля в селении роздана хозяйствам еще в 1995 году – т.е. были созданы дехканские хозяйства с учетом состава семьи и количества свободных земель в селении. В каждом хозяйстве есть небольшие участки земли, которые обрабатываются трактором, однако, часто используют мотыгу. Земля

здесь неровная, участки земли расположены в различных местах - на склонах гор, иногда попеременно с садом, поэтому для удобства пользуются плугом, запрягая для этого 2-х волов. В ремесленных мастерских для этого выделывают железный наконечник плуга и другие орудия земледелия, такие как мотыгу, косу, приспособления для измельчения травы, остриё мотыги, лопату и т.п. Что касается орошения полей, то следовало бы отметить, что воды в селении Парзудж мало, устанавливается очередность на воду для полива полей и огородов. В других селениях, как Хидорджедв и другие - земли побольше. Вода в селение поступает сверху, с гор, по видимому родниковая, орошают, как уже было отмечено выше, по очереди. График составляет председатель сельсовета в зависимости от количества земли и воды. Если в хозяйстве 56 десятин земли, то очередь приходит раз в 15 дней для каждого хозяйства. Однако, в других селениях, как например, Хидорджедв, где с гор стекает река, воды побольше и, практически, очередности на орошение полей или земельных участков нет. Кроме того, для повседневного использования, к каждому дому подведен арык - речка, которым может пользоваться ежедневно каждое хозяйство. Некоторые хозяйства для удобства пользования, проводят трубы для водопровода или же устанавливают специальные железные подставки к стекающему арыку, называемые новадон.

Из новых занятий в последние годы здесь можно отметить пчеловодство – асалпарварӣ. Например, в селении Хидорджедв пчеловодством занимаются 3 брата - Пайшанбиев Панчшанбе, 1963г.р., старший брат - Бадавлатов Боздавлат, и младший брат - Шодавлат. Они научились этому занятию у одного пчеловода из селения Поршнев Шугнанского района. За один сезон они, от 26-ти сот получают 250кг «майского меда». Также он получает из него прополис – лечебное средство, которое забирают и используют для приготовления лекарственных средств в аптеках. Он сам делает ящики и рамки для пчел, которые немного больше заводских, и, поскольку они удобны в пользовании, их у него покупают все пчеловоды. Другим его «хобби» является скрещивание фруктовых деревьев, которые также дают хороший результат.

Культурно-просветительская работа в Рошткалинском районе также поставлена на хороший уровень. Здесь, почти в каждом селении, в том числе и в районе есть дома культуры, в которых население может заниматься народным творчеством. В частности, в районном центре при Доме культуры функционирует ансамбль «Мавҷҳои Шоҳдара» (директор Туробов Давлатхон), который постоянно выступает с концертами на всех Республиканских конкурсах народного творчества, в частности готовится к выступлению к Конкурсу посвященному 25-летию Государственной независимости Республики Таджикистан – «Андалеб». Особое внимание уделяется развитию детского творчества. В 2015 г. была построена новая Музыкальная детская школа в районном центре Рошт-кала имени Қиматшо Шоискандарова, директором которого является молодой специалист, окончивший Национальную Консерваторию им. Т.Сатторова Саъдоншоев Фирдавс Хушқадамович. Здесь обучают детей с 1 по 5 классы в кружках народных инструментов, рисования, работы по дереву, хореографии, драмы, вышиванию (которым занимается мастерица из селения Пистарез). В селении Парзудж нам довелось встретиться с «Отличником культуры Республики Таджикистан», удостоенным множества грамот и медалей Министерства культуры Республики Таджикистан, бывшим заведующим клубом селения Барджангал Наврузбековым Ниезмамадом Азизмамадовичам, 1941г.р. С 1964года он работал заведующим клубом селения Видодж Шугнанского района, с 1974 по 1996 годы являлся директором Дома культуры селения Барджангал Рошткалинского района, где он организовал ансамбль «Ноз». В последние годы, проживая в Российской Федерации, его солисты вновь, после его распада, образовали ансамбль «Ноз», и до сих пор, проживая в г. Москве, выступают в составе 4-х солистов - Чакабоева Ачама, Бекмамадова Абдумамата, Бодурхонова Мастибека, Чакабоевой Наргис.

Были исследованы и вопросы культурной жизни горнобадахшанцев. Издавна в их народном творчестве известен танец «аспакбозӣ». Нам посчастливилось встретиться с одним из лучших исполнителей этого танца, жителем селения Парзудж Наврузбековым Шакармамадом, 1944г.р. Этому танцу его научил старший брат, в то время завклубом вышеупомянутый Наврузбеков Ниезмамад и уже, будучи учеником 10-го класса средней школы, он научился танцевать этот танец лошади. Движениям лошади – «аспак» обучил его Худоназаров Бозор, заведующий клубом района Рошткала. В 1970г. он участвовал на Международном фестивале «Горных народов» в Польше, г.Закопани и среди 40 стран мира Таджикистан занял призовое 3-е место. Всю свою жизнь он являлся преподавателем физической культуры, он - «Отличник народного образования Республики Таджикистан». До сих пор на свадьбах и торжествах, в Доме культуры он исполняет этот старинный танец «аспакбозӣ».

Нас заинтересовала гостевая трапеза и отношение к гостю. Если знают, что гость приехал издалека, стараются уделить ему особое внимание, пригласить в гости на чашку чая, что является проявлением дани уважения не только к гостю, сколько поддержанием «авторитета» своего сородича. Стараются разместить гостя у себя дома – в гостиной, причем для каждого сельчанина является честью, если гость остановится у него дома. Все соседи и родственники обязательно приходят пригласить гостя на чашку чая словами чай бирехт «Заходите к нам на чашку чая». Для уважаемых гостей стараются заколоть козу и устроить угощение по этому поводу. Приходят навещать гостя в тот дом, где он становился, приготовив одно из национальных блюд. Можно зайти в любой дом селения – везде будешь почетным гостем. Как только гость входит в дом, ему стелят на сурфе в доме «чид» курпачи – узкие ватные одеяла для сидения на полу, и тут же накрывают дастархан: подают чай, сладости, печеное, лепешки, чурфот – кислое молоко. Если гость чуть «задержится», тут же начинают готовить пищу для гостя. Гостю стараются приготовить изысканные блюда-плов, гүштбирён (жареное на масле мясо), ош – суп с лапшой из бобовых, заправленный кислым молоком и растворенным на воде крутом (курут).

Нами зарегистрировано, что наряду с настоящим, григорианским календарем, в Рошткале используют и народный календарь. Напротив селения Парзудж расположена большая скала, называемая в селении «Санги соатсанг» или «Masoriziv – полуденный камень». По расположению лучей солнца на скале определяют время: «соя»- утро, «видобе» - полдень, «мазоре» mazareg - обед, «бегохй» - полдник (4-5 час), «вега» - вечер. Кроме того, в народе до сих пор знают отмеченный М.С.Андреевым счет времени по частям тела человека – «хисоби мард». «Благополучные дни» для проведения различных обрядов и торжеств определяются религиозным деятелем - халифой по календарной астрономической книге – «Китоби Нучум».

Также нами были записана Терминология и Поверья. Сделано более 300 фотографий жизни и быта населения г. Хорога и Рошткала (долины р.Шахдара).

ЛИТЕРАТУРА

Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей.-М. – Наука.- 1972г.

RESULTS OF PAMIR ETHNOGRAPHICAL EXPEDITION IN 2016 (с.KHOROG AND ROSHT-QAL'A REGION)

M.SHOVALIEVA,

Senior scientific worker Institute of History, archeology and ethnography named after A.Donish
Academy of Sciences Republic of Tajikistan

M.NAVRUZBEKOV,

A scientific worker Institute of History, archeology and ethnography named after A.Donish
Academy of Sciences Republic of Tajikistan

Pamir ethnographical expedition of 2016 year with participation of two anthropologists – ethnographer Shovalieva M., a senior scientific worker Institute of History, archeology and ethnography named after A.Donish Academy of Sciences Republic of Tajikistan and anthropologist Masnav Navruzbekov was held from 11 till 21st of July in the centre of Gorny-Badakhshan Autonomous Region - Khorog city and Rosht – Qal'a region (valley of the River Shakhdara). The scientists have collected much materials on history of villages, which were situated on the course of Shakhdara River, family and family relations, birth, wedding, burial rites, social life, etiquette, behavior, believes, sacred places-mazars, calendar, education and culture, settlings, food, dressing, crafts, religious of Pamirs. Special attention was taken to new ethnical processes of rural people, as well as of the citizens of Khorog city – the centre (capital) of Gorny - Badakhshan Autonomous Region (Pamir).

Key words: *ethnographical expedition, history, ethnic processes, innovations, settlings, food, dressing, social life, crafts, calendar, migration processes, education, religious, etiquette, behavior, believes, sacred places - mazars, calendar, birth, wedding, burial rites of Badakhshans.*

*Ба ифтихори 25- солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон
ва 85- солагии муаррихи маъруф Мансур БОБОХОНОВ*

ИСТИҚЛОЛИЯТ ВА ТОҶИКНИ БУРУНМАРЗИ

Дар зарфи бисту панҷ соли Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар тамоми соҳаҳои хоҷагии халқ, хусусан ҳаёти илмиву фарҳангии тоҷикон дигаргунҳои кулӣ ба вуқӯъ пайвастанд. Дар нигоштаи зер перомони заҳматҳои доимӣ ва тақоӣҳои пайвасти олими заҳматкаши тоҷик, муаррихи маъруф, профессор, шодравон, устод Мансур БОБОХОНОВ муфассал сухан ронданием, ки саҳми мавсуф дар кашфи таърихи тоҷикони бурунмарзӣ, пажӯҳишу тадқиқи масъалаҳои мубрами тоҷикшиносӣ, таълифи як асари пурмухтаво роҷеъ ба тоҷикони бурунмарзӣ басо бузург аст.

Танҳо ҳаминро қайд кардан бамаврид аст, ки тахти роҳбарии бевоситаи ӯ аспирантону унвонҷӯҳо ва муҳаққиқони бешумор рисолаҳои номзадӣ ва докторӣ дифоъ намуда, масъалаҳои мубраму ҳалталаби таърихи халқи тоҷик ва таърихи тоҷикони ҷаҳонро ҳаллу фасл намудаанд ва дар таърихнигории муосири кишвари соҳибистиқлоламон саҳми муносиби хешро гузоштанд ва мегузоранд.

Устод Мансур Бобохонов дар тӯли беш аз 16 сол роҳбарии факултети таърихи Донишгоҳи давлатии Тоҷикистонро (солҳои 1966-1982) ба уҳда доштанд, ки ба қавли шогирдонашон давраи роҳбарии устод М. Бобохонов «давраи тиллоӣ»-и факултети таърихи ДМТ маҳсуб меёбад. Чунки муаллим ва муаррихи номӣ ҳамчун роҳбари оқилу қордон ва дурандеш омили асосии пешрафти қорро танҳо дар интиҳоби дуруст ва ҷобачогузори кадрҳо мегарданд. Кадрҳоро на аз рӯи маҳалу минтақа, балки аз рӯи қобилияту истеъдод ба қор интиҳобу тавсия ва таъин менамуданд. Ба донишҷӯёни аълоҳону ғаёло тавачҷуҳи хоса зоҳир намуда, истеъдодҳоро дастгирӣ ва сарпарастӣ мекарданд.

Як ҷанбаи муҳими тадқиқотҳои олим аз он иборат аст, ки муҳаққиқ аз маҷмӯаи васеи маъхазу сарҷашмаҳо, хотираву ёддоштҳои шоҳидон, адабиёти таърихӣ ва навгонҳои илми таърихшиносии муосир ва монанди он моҳиронаву эҷодқорона истифода бурдааст. Ин омилро танҳо дар мисоли таълифи «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» дидан душвор нест. Аз мутолиаи ин асар бармеояд, ки таърихнигории масъала, бандубасти қисматҳои таркибии он ва ғайра ниҳоят пурқувват баромадааст.

Мансур Бобохонов олими ҷӯянда ва навоар буда, дорои мактаби хоси илмиву тадқиқотӣ мебошад. Мактаби устод мактаби қомилан тавоно ва пуриқтидор аст. Ин мактаб зодаву парвардаи даврони Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маҳсуб меёбад. Хосатан пас аз ба даст овардани истиқлолияти қомил, дарҳол ин марди дурандешу ояндабин ба як қори бағоят пурхайру пуарарзиш машғул шуд. Мавсуф ба қоре оғоз намуд, ки дар даврони Шӯравӣ омӯзиши ин мавзӯ тамоман ғайриимкон буд. Устод аз Истиқлолияти давлатӣ шоду масрур гашта, ғояҳои оламшумули онро дастгирӣ намуда, ба қорҳои одилонаву оқилона ва ба манфиати миллату давлати мустақили тоҷикон равонагардида даст мезанад. Ин қори хайр эҷоди фанни нав - «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» ба шумор меравад, ки онро бори нахуст дар таърихи ҷумҳурии

соҳибистиклоли мо устод Мансур Бобохонов ба миён гузошта, ҳамчун мактаби чадид ва тавоно рӯху равони наву тоза бахшидааст. Аксарияти намояндагони аҳли илму адаби ҷумҳурӣ хидматҳои олишону бузурги устодро эътироф карда, аз он шоду мамнун гаштанд. Ба тариқи профессор Ниёз Мирзоев таъкид бар он намудааст, ки «истиклолият худшиносии моро афзуда, дар омӯзиш ва тарғиби ғояҳои миллӣ заминаи мусоидро фароҳам овард. Мансур Бобохонович бо дарки масъулияти ватандорӣ дар шароити нави таърихӣ масъалаи омӯзиши таърихи тоҷикони ҷаҳонро ба миён гузошта, пайгири на дар ин росто талош варзиданд...» (Ниг.: Мирзоев Н. Устоди мумтоз ва инсони нексиришт // Элита. - 2011. - №8. - С. 32).

Албатта, дар ин ҷо муаллифони таҳлилу муқоиса ва муаррифии китоби «Таърихи тоҷикони ҷаҳон»-ро ба уҳда намегиранд. Танҳо ҳаминро қайд кардан басанда аст, ки устод дар зарфи бисту панҷ соли Истиклолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон пайваста заҳмат кашид, шабҳои бедорхобиро паси сар намудааст. Дар натиҷа, маҳсули ин тақоӣӯӣҳо бор оварданд, муаллиф асари пунарзиши «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» (Душанбе, 1999, 2001, 2011)-ро таълиф намуда, ба хонандагони арҷманд пешкаш кардааст. Ин бозёфт, бегуфтӯӣ маҳсули замони нав ва файзи даврони истиқлол ба шумор меравад.

Имрӯз мо гуфта метавонем, ки китоби пунарзиши «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» дастоварди бузург ва беҳамтоист. Вале дар ин росто, яъне таълифи ин асар устод то ҷӣ андоза муҳолифату тақоӣӯӣҳоро паси сар намудааст, мутаассифона, ҳамагон намедонем. Аз ин боис, ба хонандаи имрӯз ба ин масъала рӯшани андохтан аз аҳамияти амалӣ ҳолӣ нест. Чуноне маълум аст, дар аҳди Шӯравӣ дар бораи тоҷикони бурунмарзӣ сухан рондан мамнӯӣ буд, ҳол он ки фанни «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» бо қадом роҳ ва дар қучо ба миён омада метавонист?! Бесабаб нест, ки муҳаққиқи тоҷик Амиршоҳи Ёрмуҳаммад дар ин хусус қайд кардааст, ки «дар замони Шӯравӣ хондани фанни «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» аз ҳар қиҳат мамнӯӣ буд. Зеро Ҳукумати Шӯравӣ дар симои тоҷикони бурунмарзӣ душмани ашадии худро меид. Мавзӯи мазкур дар марҳилаи Шӯравӣ на ҳамчун илм, балки сиёсат доништа мешуд». Бар замми он, дигар душвории навбатӣ он ба ҳисоб мерафт, ки доир ба ин фан на дар бойғониҳоро ва на дар китобхонаҳо ва монанди он санаду маводи дарқорӣ пайдо кардан ғайриимкон буд.

Вале профессор М. Бобохонов аз ин душвориҳоро мушкилиҳоро ва ноумедиҳоро наҳаросида, дар тадқиқу пажӯҳиши ин мавзӯӣ бо ҳасорати ҳосса, ҳисси баланди масъулиятшиносӣ ва худшиносии миллӣ шуғл варзид. Муаллиф дар ибтидо барномаи таълимии фанни «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» (1994)-ро мурағтаб сохта, сониян, китоби хонданбобу пурмуғтавои «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» (Душанбе, 1999, 2001, 2011)-ро ба майдон овард, ки месазад дар ин бора иттилои қомил баён гардад.

Профессор Мансур Бобохонов зарурият ва аҳамияти илмиву амалии таърихи тоҷикони бурунмарзиро воқеъбиниона дарқу эҳсос намуда, пас аз соҳибистиклол гардидани Тоҷикистон баҳри дастбӣ ва расидан ба ваҳдат ва худшиносии миллӣ дар қомеаи муосири тоҷикон ба душворӣ ва муракқабии таҳқиқу пажӯҳиши он нигоҳ накарда, як асари муқаммал ва дастқамъона таълиф намуд.

Тавре, ки профессор Ҳомид Аҳмадов қайд кардааст, «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» китоби ниҳоят хонданбоб ва рӯимизии ҳар як тоҷиқу тоҷиқпарасти ба шумор меравад...». Аз рӯи ақидаи дотсенти Донишгоҳи давлатии Қӯлоб, Аълочии маорифи ҷумҳурӣ Қаюм Сангов «...бо боварии том гуфтан мумкин аст, ки ин асар дар оянда яке аз китобҳои дӯстдошта ва рӯимизии ҳар як хонандаи соҳибзавқи тоҷик, маҳсусан қавонон ҳоҳад гашт».

Бесабаб нест, ки ин асар аз қониби хонандагони сершумори дохилӣ ва хориҷии кишвар қун дастоварди қидди илмӣ ва фарҳангӣ пазируфта шуда, ҳамчун китоби дарсии таълими дар факултаҳои таърих, фалсафа ва шуъбаҳои он, инчунин равияҳои гуманитарии макотиби оӣ қабул ва қорӣ гардид.

Ҳоваршиноси номдори олмонӣ Манфред Лоренс қунин иброз доштааст, ки «ба наздиқӣ дар бораи навғониҳои қорҳои ҳозираи ӯ, ба тадқиқу омӯзиши таърихи тоҷикони ҷаҳон қиддан машғул аст, ҳабардор шудам ва сидқан аз ин қор хушнуд гаштам. Дар ҳақиқат ҳам, ду қиди «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» (Душанбе, 1999, 2001) рағҳои китобхонаи маро зиннату ороиш меидҳанд».

Аҳли илму адаб Мансур Бобохоновро ҳамчун муаррихи барқаста ва соҳибтақриба эътироф кардаанд. Мавсуф аз зумраи муҳаққиқонест, ки ба омӯзиши ин ё он масъала маҳдуд нашуда, қамеша дар талошу қустуҷӯ буд, осори илмиву эҷодии ҳешро бо обуранги дилқаш сайқал меид. Ба қавли профессор Ҳайдаршо Пирумшоев, «воқеан ҳам ин марди пурқунарро қунари ниғорандагиашон ниҳоят баланд аст. Мавзӯӣ ва масъалаҳое, ки эшон даст мезананд, наву тоза, муҳим ва дардқурди қамон аст...»

Мансур Бобохонов яке аз муаррихони забардасти тоҷик буда, муаллифи беш аз 400 асару монография, брошюра, мақолаҳои илмиву тадқиқотӣ, илмию методӣ ва илмиву оммавӣ маҳсуб меёбад ва асарҳои мавсуф дар сатҳи баланди ниғорандагӣ таълиф шудаанд.

Асосғузори сулҳу ваҳдати миллӣ- Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон,

мухтарам Эмомалӣ Раҳмон дар суҳанронии худ ҳангоми 50-солагии таъсисёбии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 12-уми сентябри соли 1998 доир ба шахсияти профессор Мансур Бобохонов ва дигар аҳли илму адаби кишварамон изҳори ақида намуда, зикр карда буданд, ки «... Дар донишгоҳ олимоне буданд ва ҳастанд, ки мактабҳои хоси илмии худро доштанд ва доранд. Натиҷаи тадқиқоти илмӣ ва асару рисолаҳои олимони донишгоҳ на фақат дар Тоҷикистон, балки дар бисёр кишварҳои дигар ҳам маълуманд ва аз ҷониби аҳли илм эътироф гардидаанд...».

Мансур Бобохонов на танҳо бо олимону таърихшиносони собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ, балки берун аз ҳоки он ва мамолику кишварҳои гуногуни олам низ ҳамкориҳои илмӣ ва робитаи ҷавии дӯстӣ барқарор намуда буд, ки онро ба манфиати рушду нумӯи таърихи тоҷикони ҷаҳон васеъ ва ҳамаҷониба мавриди истифода қарор додааст. Мавсуф махсусан бо муаррихони шинохтаи рус, академикҳои Академияи илмҳои собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ И.И. Минс, П.В.Волобуев, Ю.С.Кукушкин, академикҳои Академияи илмҳои ҷумҳуриҳои бародарии Тоҷикистон ва Ўзбекистон З.Ш.Раҷабов, Б.И.Искандаров, К. Е. Житов, докторҳои илмҳои таърих, профессорон Н.А.Халфин, А.Д.Горский, Х.Ш.Иноятов, А.Г.Ваҳобов, Г.А. Хидоятлов, К.У.Усенбоев ва инчунин мустаҳриқони номдори хориҷӣ, ба мисли профессорон Г.Розенфелд, Манфред Лоренс, Берт Фрагнер, Ҳикматулло Довуд, Кемпер Манфред, Эдхард Бауэр, Лутс Жеҳак ва даҳҳо дигарон ҳамкориҳои илмӣ ва равобити дӯстиро ба роҳ монда, аз дастовардҳои илмиву амалии онҳо боҳабар шуда, комёбиҳои онҳоро дар пешбурди корҳои илмиву эҷодии хеш васеъ истифода бурдааст.

Профессор Мансур Бобохонов ба корҳои илмӣ олимони на танҳо Осиёи Марказӣ, балки Иттиҳоди Шӯравӣ ва берун аз он тақризи илмӣ иншо карда, ҳусну қубҳи онҳоро мавриди баррасӣ қарор медод ва баробари иброи нуқсонӣ камбудӣҳо ба онҳо баҳои баланд мегузошт.

Мавсуф дар конфронсу симпозиумҳо ва ҳамоишҳои илмиву фарҳангии сатҳи байналмилалӣ борҳо ширкат намуда, бо олимони кишварҳои гуногун ҳамкориҳои илмӣ худро вусъат бахшидааст. Чунончӣ, мудири кафедраи Университети Доғистон, доктори илми таърих, профессор, Ходими хизматнишондодаи илми Федератсияи Руссия Б.О.Кашкаев дар номаи худ аз 20-уми январ соли 1992 ба профессор М.Бобохонов чунин ибрози ақида кардааст: «... Воҳӯрии мо дар Бухарест дар Конгресси байналмилалӣ дар хотирам хеле хуб боқӣ монд. Аксари шиносҳоямон, ки Шуморо хуб мешиносанд, дар бораи Шумо ҳамчун олим ва инсон танҳо баҳои мусбат медиҳанд... Ба Шумо дар ҷабҳаи илму маориф дастовардҳои бузург меҳамаем...».

Осори рангини профессор М.Бобохонов дар байни ховаршиносони ҷӣ Осиёву Аврупо ва ҷӣ Амрикову дигар қитъаҳои олам маҳбубият пайдо намуда, хонандагони зиёдеро дарбар мегирад. Чунончӣ, доктори илми таърих, профессор Ваҳҳоб Набиев дар ин бора чунин паёми хушнудӣ иброз доштааст: «... Ман моҳи майи соли 2000 ҳангоми сафари хидмати дар шаҳри Омаҳои Иёлоти Небраскаи ИМА китоби «Таърихи тоҷикони ҷаҳон»-ро ба раиси Маркази афғонистоншиносии назди Донишгоҳи Небраска, профессор Томас Гуттиер аз номи муаллифи он тухфа намудам, шодии ӯро интиҳо набуд. Вай бо қаноатмандӣ изҳор намуд, ки китоби «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» дар китобхонаи Маркази афғонистоншиносӣ мавқеи хосро ишғол хоҳад кард...».

Профессор Мансур Бобохонов на танҳо дар байни ҳамкорону шогирдон ва аҳли илму адаби тоҷик, балки ховаршиносони мамолику кишварҳои хориҷӣ ба обрӯ ва эътибори баландро сазовор гаштааст. Ба тариқи ки профессор Иброҳим Усмон бо ихлосу фаҳри баланд қайд кардааст, «...боре мо мулоқоте доштем бо профессор Манфред Лоренс дар шаҳри Берлин. Ӯ дониши худро аз Тоҷикистон, ифтихору эътироми худро аз тоҷикон бо номи Мансурхон тавба мепаиваст. Ними суҳбаташ аз қиссаи фазилату донишварии ин инсонии шариф иборат буд. Ба мо - тоҷикон мояи ифтихор буд, ки дар мусофират як марди орифи немис, ки номи дунёи дорад, самимона ҳамдиёри моро сифат мекард. Меҳри мо ба ин васила ба устод дучанд меафзуд».

Профессор Мансур Бобохонов ба қарибӣ бо ҳамроҳии яке аз муаллифи ин сатрҳо дар бораи рӯзгору осор ва фаъолияти илмиву эҷодӣ, омӯзгорӣ ва ҷамоатии тоҷикшиносии варзида Манфред Лоренс бо номи «Ховаршинос Манфред Лоренс» (Душанбе, Шарқи озода, 2001. - 126 с.) китоби ҷолибу хонданбобе таълиф карда, ба аҳли илму адаб ва доираи васеи хонандагон тақдим намуд, ки он тухфаи бағоят арзандааст. Дар ин асар дар ҳаққи аҳли илму адаб ва миллату давлати Олмон маводу санадҳои ҷолибу хонданбоб, суҳанҳои самимона ва дӯстона садо додаанд, ки на танҳо дар байни шахсиятҳои илмиву фарҳангии ду мамлакат, балки мардуми тамоми сайёра низ беш аз пеш дӯстӣ ва рафоқатро пайдору мустаҳкам ва густариш медиҳад. Аз ин рӯ, ин асар дар ояндаи наздик ҳам дар Тоҷикистон ва ҳам дар Олмон бемуҳобот хонандаи сершуморе пайдо хоҳад кард ва дар густариши ҳамаҷонибаи дӯстиву рафоқат ва равобити илмиву фарҳангии ду давлати бузург - Тоҷикистон ва Олмон мусоидат хоҳад намуд.

Ҳамин тарик, баррасӣ ва муқоисаи саҳифаҳои пурмуҳтавои осори муаррих Мансур Бобохонов аз он гувоҳӣ медиҳанд, ки ин шахси бузург, на танҳо дар аксар соҳаҳои рӯзгор, балки дар эҷоду тадқиқоти илмӣ, тарбия намудани кадрҳои баландихтисос, хосса ҳамкориҳои

гуногунчабха бо ховаршиносони кишварҳои мухталиф ва инчунин дӯстиву рафоқат низ дар сафи пеши зиёиёни ҷумҳурӣ қарор гирифта буд.

Самтҳои асосии фаъолияти илмиву татқиқотии олим ба баррасӣ ва омӯзиши таърихи тоинқилобии халқи тоҷик ва умуман кишварҳои Осиёи Марказӣ дар садаи нуздаҳ ва ибтидои қарни бист, таърихи тоҷикони ҷаҳон ва ҷандин масоили даврони Шӯравӣ равона шудаанд. Вале бо вучуди он, дар тадқиқотҳои даврони истиқлолият ва осори бебаҳои олими фаррохназар ва муҳаққиқи бориқбин навғониҳо ва комёбиҳо хеле зиёданд, ки онҳоро ин ҷо баён кардан амри маҳол аст.

Бесабаб нест, ки Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, мухтарам Эмомалӣ Раҳмон дар хусуси осори тоҷикшиносии профессор Мансур Бобохонов изҳори ақида намуда, ҷунин ҳақиқатро иброз медорад: «Масъалаи муҳочирати тоҷикон ва тарки Ватан қардани онҳо, ба назари ман, яке аз масъалаҳои муҳимест, ки илми таърихшиносии муосир бояд ба он рӯ оварад. Чанде пеш мақолаи муаррихи намоёни тоҷик Мансур Бобохоновро (мансур мақолаи «Фирори тоҷикон, сабабҳо ва оқибати он» //Минбари халқ. - 1996. - №1) хонда будам, ки масъалаи муҳочират ва тарки Ватан қардани тоҷиконро ба ҷанд даврҳо тақсим карда, оғози онро аз овони истилои араб гирифтааст» (Ниг.: Эмомалӣ Раҳмон. Тоҷикон дар ойнаи таърих. - Китоби якум: Аз Ориён то Сомониён. - Лондон. 1999. - С. 9).

Соли 1999 нашриёти «Маориф»-и ҷумҳурӣ китоби профессор Мансур Бобохоновро таҳти унвони «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» аз ҷоп баровард, ки он пеш аз ҳама, ба донишҷӯёни факултаи таърихи ДМТ ва дигар макотиби олии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбини шудааст. Дар асоси маводи мавҷуда китоб ҳаёти тоҷикони 11 мамлақати ҷаҳон - Ўзбекистон, Қирғизистон, Туркменистон, Қазоқистон, Руссияю Афғонистон, Эрон, Ҳиндустон, Покистон, Чин ва Исроилро ба таври нисбатан васеъ инъикос намудааст. «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» аввалин китобе мебошад, ки дар асоси сохтори муайяни илмиву амалӣ гирд омада, ҳангоми таълиф, нигоранда аз адабиёти илмиву адабӣ ва тадқиқотӣ, матбуоти даврӣ, ахбороти садои симои тоҷик, ҳуҷҷатҳои Ҷамъияти «Пайванд», суҳбатҳо бо кормандони он ва ашхоси хориҷи кишвар ва инчунин ёддошту хотираҳои ашхоси мухталиф навишта шудааст. Дар китоб, мутаассифона, таърихи тоҷикони на ҳамаи мамлақатҳо яқсон ба пуррагӣ инъикос ёфтааст. Илова бар ин, ҳоло мамлақатҳои ҳастанд, ки тоҷикони сокини онҳо на танҳо баррасӣ нашудаанд, балки дар бораи онҳо ишора ҳам нафафтааст. Чехраҳои намоёни тоҷикони хориҷи кишвар аз сабаби набудани маводи зарурӣ дар қанор мондаанд.

Соли 2002 ба ифтихори Анҷумани 5-уми тоҷикони ҷаҳон китоби мазкур аз нав бо ихтисорот интишор гардид. Муаллиф дар солҳои баъдӣ ин асарро таҳрир намуда, бо тасҳеҳу иловаҳо ва ҷалб намудани маводи наву тоза баҳри нашр намудан кӯшиши зиёде ба харҷ додааст. Натоиҷи заҳмату бедорхобиҳои устод буд, ки нашри нави «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» (Душанбе, 2011, дар ҳаҷми 540 сах.) ҷоп шуда, ба доираи васеи ҳаводорони он пешниҳод гардид. Асари мазкур маҳсули заҳмати бистсолаи муаллиф мебошад. Асар аз нашр то нашри нав ҳамаҷониба бо тасҳеҳу иловаҳо пурра гардида, дар бораи тоҷикон ва форсизабонони беш аз 33 давлати ҷаҳони муосир (40-50 миллион нафар) маълумоти муфиду наву хонданбоб медиҳад. Дар ҳақиқат ҳам, нашри нави ин асар армуғони муфид ба ҷашни биступанҷсолагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба шумор меравад.

Маҳз солҳои охир, самтҳои пажӯҳиши таърихӣ фарҳанги тоҷикони бурунмарзӣ амалан тавсия ва густариш ёфтанд. Соли 2006 ба мақсади васеъу фаррох ва густурдатар тадқиқи баррасии самтҳои таърихӣ фарҳанги тоҷикони бурунмарзӣ бо ташаббуси бевоситаи Мансур Бобохонов дар Донишгоҳи миллии Тоҷикистон Маркази илмиву тадқиқотии тоҷикон ва форсизабонон таъсис дода шуд, ки кормандони он ба тадқиқи омӯзиши масъалаҳои тадқиқоталабу мубрами таърихи тоҷикони ҷаҳон, диҳӯзу имрӯз ва фардои он машғул аст. То имрӯз марказ ҷандин конфронси ҷумҳуриявӣ байналмилалӣ доир намуда, дар он ширкати олимони номдору маъруфи ватанӣ хориҷиро таъмин сохтааст. Моҳи сентябри соли 2011 ин марказ Конфронси байналмилалӣ қорбаст карда, масоили мубрами тоҷикшиносӣ, хусусан муҳочирати тоҷикон, марҳилаҳо, душвориҳо ва пешомадҳои онро мавриди муҳокимаи васеъ қарор дод, ки шоистаи таҳсину офарин аст.

Аз мавриди мувофиқ истифода бурда, ҷанд тақлифи пешниҳодҳои худро нисбати таърихи тоҷикони ҷаҳон баён қардан мехоҳем, ки онҳо ба манфиати пешрафти таълиму тарбияи насли наврас ва омода намудани мутахассисони баландихтисос равона гардидаанд:

1. Имрӯз вақти он расидааст, ки таълими фанни «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» дар мактабҳои таҳсилоти миёнаи умумӣ, гимназияву коллеҷҳо, донишгоҳҳо ва донишқадаҳои олии ҷумҳурии соҳибистиқлоламон ба роҳ монда шавад. Иқдом гувоҳи соҳибистиқлол гаштани Ҷумҳурии Тоҷикистон ба шумор меравад. Ба назар ҷунин мерасад, ки дар тӯли бисту панҷ сол фанни номбурда ба майдон вуруд шуда, ташаққулу тақомул ёфт ва ба яке аз фанҳои асосии таълимӣ мубаддал гардид.

2. Азбаски доираи тадқиқи пажӯҳиши ин масъалаи муҳиму мубрам ниҳоят фароҳу доманадор аст, бо назардошти он, ки теъдоди тоҷикон ва форсизабонон дар ҷаҳон беш аз 50 милён

нафарро ташкил медиҳанду онҳо дар зиёда аз 30 мамолику кишварҳои олам сукунат доранд, дар ҷумҳурӣ, хусусан Донишгоҳи миллии Тоҷикистон кафедраи нави «Таърихи тоҷикони ҷаҳон» таъсис дода шавад. Умед дорем, ки ин чорабинӣ ба пешрафту такомул ва фароҳу доманадор гардидани тадқику пажӯҳиши таърихи тоҷикони бурунмарзӣ мусоидат хоҳад намуд.

Зикриё АКРАМӢ,
доктори илмҳои таърих, профессор,
директори Институти таърих,
бостоншиносӣ ва мардумшиносии АИ ҶТ

Юсуфи ШОДИПУР,
номзади илмҳои таърих, дотсенти ДМТ,
Аълочии маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон

ШОДБОШИ

ФАЙЗИ УМР

Ҳафтад сол қабл 1-уми сентябри соли 1946 дар оилаи бригадирӣ колхоз Босар-амак, ки сокини деҳаи Шоботии ноҳияи Пешқӯи вилояти овозадори Бухоро ба ҳисоб мерафт, тифли дӯстрӯе ба дунё омад. Азбаски тифли навзод дар рӯзи Иди сайиди моҳи шарифи Рамазон ба дунё омада буд, волидайн барояш Намоз ном гузоштанд. Ҳамин тавр, Намози наврас бо дӯстонаш вақтҳои холии худро бештар ба тамошои шаҳри таърихии Бухоро гузаронида, ба арку кӯшкҳо бо меҳру муҳаббат менигаристу баъзан аз таърихи пайдоиши онҳо суол мегузошт ва ба суолҳои худ посух меҷуст. Орзу мекард, ки муаррих шавад аз асрори таърих огоҳ гардад.

Намоз ҲОТАМОВ аз синни 6-солагӣ ба мактаби миёна рафта, онро бомуваффақият ба итмом расонида, соли 1962 хуччатҳояшро ба факултети таъриху филологияи Университети давлатии Тоҷикистон месупорад. Ҳотамов Н.Б. Донишгоҳи миллии Тоҷикистонро соли 1967 хатм намуда, ҳамон сол ба аспирантураи он (вобаста ба кафедраи таърихи ИҶШС) дохил шуд. Солҳои 1969-1970 дар хизмати ҳарбӣ буд. Баъди адои хизмати ҳарбӣ таҳсилро дар аспирантура давом дод. 1-уми сентябри соли 1971 аз аспирантура ба кори омӯзгорӣ ҳамон кафедра, ба сифати ассистент даъват гардид. То соли 1980 дар ҳамин кафедра фаъолият намудааст. Солҳои 1971-1974 ба сифати ассистент, солҳои 1974-1976 устои калон ва солҳои 1976-1980 и.в. дотсенти ҳамон кафедра ба ҳисоб мерафт. Аз фанни таърихи ИҶШС (СССР) ва таърихи халқи тоҷик дарс меҷуфт. Соли 1974 дар мавзӯи «Инъикоси Инқилоби халқии Шӯравии Бухоро дар асарҳои Садриддин Айни» рисолаи номзадиро дифоъ намуд.

Ҳотамов Намоз солҳои 1980 – 1995 ба сифати ходими калони илмӣ ва сарҳодими шуъбаи таърихи навини Пажӯҳишгоҳи таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон фаъолият намуд. Дар ин давр бо таҳқиқи

таърихи фаъолияти бонкҳои Россия дар Осиёи Миёна ва барпо намудани Ҳокимияти Шӯравӣ дар ин сарзамин бештар машғул шуд. Соли 1991 рисолаи докториро таҳти унвони «Мавқеи сармояи бонкӣ дар инкишофи вазъи иҷтимоию иқтисодии Осиёи Миёна (охири солҳои 90-уми асри XIX – соли 1917)» дифоъ намуд. Соли 1994 унвони профессориаш тасдиқ гардид.

Дар солҳои фаъолият дар Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои ҷумҳурӣ низ Ҳотамов Н.Б. фаъолияти омӯзгориро идома дод. Аз ҷумла, аз рӯзи аввали таъсисёбии Донишкадаи соҳибкорӣ ва хизмат (аз 1-уми сентябри соли 1991) бо он ҳамкорӣ намуд (дар донишкадаи дарси аввалро ӯ аз фанни «Таърихи халқи тоҷик» гузаронид) ва аз 1-уми сентябри соли 1995 ба сифати профессори кафедраи адаб ва фарҳанг ба кори доимӣ шурӯъ кард. Аз давраи таъсисёбии кафедраи фалсафа ва таърихи соҳибкорӣ (24-уми октябри соли 2001, он вақт кафедраи «Ҷомеашиносӣ» ном дошт) то январи соли 2013 мудирӣ он ба ҳисоб мерафт. Ҳоло профессори ҳамин кафедра мебошад.

Намоз Ҳотамов баробари фаъолияти омӯзгорӣ бо корҳои илмӣ низ пайваста машғул аст. То ба имрӯз ба қалами ӯ зиёда аз 200 асару мақолаҳо ва корҳои илмӣю методӣ тааллуқ доранд. Аз ҷумла 11 китобҳои алоҳида, ба монанди: 1) «Инъикоси Инкилоби халқии Шӯравии Бухоро дар асарҳои Садриддин Айнӣ» (соли 1980); 2) Мавқеи сармояи бонкӣ дар инкишофи вазъи иҷтимоию иқтисодии Осиёи Миёна (охири солҳои 90-уми асри XIX - соли 1917)» (соли 1990, бо забони русӣ); 3) «Сарнагун намудани тарғиботи амири дар Бухоро» (соли 1997, бо забони русӣ); 4) «Ҷадидони Бухоро ва давраҳои асосии фаъолияти онҳо» (соли 2000, бо забони русӣ); 5) «Таърихи халқи тоҷик (аз солҳои 60-уми асри XIX то соли 1924)» (Нашри 1-ум, соли 2001 ва наشري 2-юм, бо тасвех, такмил ва иловаҳо, соли 2007. Китоби дарсӣ барои донишҷӯён); 6) Аз таърихи бонкҳо ва соҳибкорӣ дар Осиёи Марказӣ» (соли 2002, бо забони русӣ, бо ҳаммуаллифӣ); 7) «Аз таърихи аввалин корхонаҳои саноатӣ дар Осиёи Миёна» (соли 2005, бо забони русӣ); 8) «Таърихи халқи тоҷик» (соли 2005, наشري аввал ва соли 2013 наشري дуюм, бо тавзеҳот ва иловаҳо. Китоби дарсӣ барои синфҳои 9-уми мактабҳои миёна); 9) «Дигаргунсозиҳои иҷтимоию иқтисодӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар замони истиқлолият (солҳои 1991-2006, бо забони русӣ)» (соли 2008); 10) «Тоҷикистон дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ ва азнавбарқароркунии баъдичангӣ (солҳои 1941 - 1950)» (соли 2010); 11) Таърихи халқи тоҷик (аз замонҳои қадим то имрӯз). Китоби дарсӣ барои ихтисосҳои ғайри таърихи мактабҳои олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (соли 2011, бо ҳаммуаллифӣ).

Ба ғайр аз ин асарҳо, Ҳотамов Н.Б. муаллифи қисмҳои ҷудоғонаи таърихи бисёрҷилдаи халқи тоҷик, ҷилдҳои IV, V ва VI ба ҳисоб меравад. Китоби мукаммали «Таърихи бонкҳо ва соҳибкорӣ дар Осиёи Миёна (аз солҳои 60-уми асри XIX то соли 1917)» (бо забони русӣ) аз ҷоп баромад.

Ҳотамов Намоз аъзои Шӯрои Ҷомеаи рисолаҳои доктории назди Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои ҷумҳурӣ, сарвари гурӯҳи коршиносони назди Вазорати маориф ва илми ҷумҳурӣ оид ба китобҳои дарсӣ барои мактабҳои миёна аз фанни «таърих»; аъзои Шӯрои миллии таҳсилоти назди Вазорати маориф ва илм, узви Шӯрои Ҷомеаи рисолаҳои доктории Комиссияи Олии Аттестатсионии (ВАК)-и Федератсияи Руссия дар назди Донишгоҳи миллии Тоҷикистон мебошад. Таҳти роҳбарии устод як нафар рисолаи докторӣ, се нафар рисолаи номзадӣ худро Ҷомеа намудаанд. Аз шогирдони устод 3 нафари дигар рисолаи номзадӣ менависанд. Дар конференсияи симпозиумҳои донишкадавӣ, ҷумҳуриявӣ ва байналхалқӣ бо маърузаҳо баромад кардааст. Борҳо дар донишгоҳҳои гуногун раиси имтиҳоноти давлатӣ таъин гардидааст.

Профессор Ҳотамов Намоз дар натиҷаи ҷамъбасти фаъолияти илмӣю кормандони Донишкадаи соҳибкорӣ ва хизмат ду сол пай ҳам, солҳои 2007 ва 2008 «Муҳаққиқи сол» эълон гардида, бо мукофотпулӣ сарфароз шуд. Шахси хоксор, нисбати худ ва ҳамкорон сарғалаб буда, дар ҷомеаи меҳнатӣ обрӯи хоса дорад.

Ҳотамов Н.Б. дорандаи нишони «Аълочии маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон» буда, бо медали «Барои шучоати ҳарбӣ, ба муносибати 100-солагии зодрӯзи В.И. Ленин», Ифтихорномаҳои Вазорати саноат ва технологияҳои нав, Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, Агентии давлатии ҳифзи иҷтимоӣ, шуғли аҳоли ва муҳоҷирати Ҷумҳурии Тоҷикистон, Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон сарфароз гардидааст.

Раёсати Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва ҳайати таҳририяи маҷаллаи «Муаррих» устод Ҳотамов Намоз Басаровичро ба муносибати ҷашни мубораки 70-солагии зодрӯзашон самимона шодбош гуфта, барояшон пеш аз ҳама умри дароз, ризқи фароз ва дар ҷодаи илму маърифат тавфиқ хоҳонанд.

Умр ба хушнудии дилҳо гузор,
То зи ту хушнуд бувад Кирдугор.
Соҷи хуршеди саворон талаб,
Ранҷи худу роҳати ёрон талаб.

БА ТАВАЧЧУҲИ МУАЛЛИФОН!

Дар маҷаллаи «Муаррих» - («Историк») мақолаҳое ҷоп мешаванд, ки натиҷаи то ҷое нави тадқиқот оид ба илмҳои таърих, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа ва ҳоказо, ки аз ҷониби донишмандони Ҷумҳурии Тоҷикистон ва хориҷӣ навишта шудаанд.

Ҳайати таҳририяи маҷалла ба маълумоти муаллифон мерасонад, ки ҳангоми пешниҳоди мақола ба қоидаҳои зер ҷиддан риоя намоянд:

1. Ҳаҷми мақола набояд беш аз 10 саҳифаи компютерӣ бошад, ки ба он матн, дар зарурат аксҳо, адабиёти истифодашуда ва матни фишурда ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ ҳамроҳ ҳастанд.

2. Мақола бояд дар системаи Microsoft Word, ҳамзамон дар ду нусха бо файли зарурӣ супорида мешавад, (ҳар як мақола дар диск ё дискети алоҳида). Дастнавис бояд дар компютер ҳуруфчинӣ шуда бошад (тариқи Times New Roman Tj). Андозаи ҳарфҳо 14 ва фосилаи байни сатрҳо 1,5 дар қоғази андозаи А4 (297x210мм). Дар як саҳифаи матн бояд то 30 сатр ҷой дода шавад ва аз ҷониби чапи саҳифа баъди 25мм оғоз гардад, яъне дар як сатр 60 аломат.

3. Расмҳо, ҷадвалҳо ва аксҳои дар мақола ҷойдошта бояд дар алоҳидагӣ дар қоғази сафед ба андозаҳои 5x6 см то 15x18см пешниҳод гарданд. Барои ҷоп танҳо расмҳо, ҷадвалҳо ва аксҳои ранги сиёҳу сафед қабул карда мешаванд ва дар як мақола ба такрор овардани онҳо салоҳ нест.

4. Ҷадвалҳои ба мақола алоқаманд, бояд дар матн бо шумораҳои лотинӣ дода шаванд. Номи ҷадвал баъди шумораи гузошта оварда шавад.

5. Дар тарафи ростии болоии саҳифаи мақола соҳаи илме, ки дар он мақола нишон дода мешавад, як сатр поён дар қисми чапи саҳифа УДК, баъдан дар маркази сатри марказии он ном ва номи падари муаллиф (ҳо) ва дар зери он номи мақола меояд. Дар байни ном ва матн номи муассисае, ки мақолаи мазкур таҳия гардидааст, сабт мегардад. Пас фишурдаи мақола ба забони тоҷикӣ (ё русӣ вобаста ба матни мақола) оварда шавад. Баъд аз фишурда дар сатри алоҳида вожаҳои калидӣ оварда мешаванд. Ба мақола фишурдаи он ба забонҳои тоҷикӣ ё русӣ ва англисӣ, вожаҳои калидӣ ба ин забонҳо ва суроғи электронӣ ба мукотиба замима мегардад. Ба мақола бояд суроғи электронӣ, рақами телефонҳо, ном ва номи падар ва унвони илмии муаллиф (он) замима карда шавад.

6. Ихтисори калима ва номҳо, ба ҷуз аз ихтисорҳои қабулгаридани ченакҳо ва истилоҳот, иҷозат дода намешавад.

7. Формула ва рамзҳо бояд дар компютер ҷоп карда шаванд. Ҳамчунин аз истифодаи ифодаҳои ноҳинҷор худдорӣ шавад.

8. Иқтибоси адабиёти истифодашуда дар қафсаи росткунҷа ба таври мисол [1], [1, 3-5], дода шаванд. Рӯйхати адабиёт дар рӯйхати умумӣ таҳти унвони «Адабиёт», аз рӯи тартиби овардашуда дар матн ва тартиби зерин нишон дода мешавад:

Барои китобҳо: Ном ва номи падари муаллиф, номи пурраи китоб, маҳалли нашр, нашриёт, соли нашр, ҷилд ё шумора, миқдори умумии саҳифаҳо.

Барои рӯзномаву маҷаллаҳо: Ном ва номи падари муаллиф, номи пурраи китоб, маҳалли нашр, нашриёт, соли нашр, ҷилд ё шумора, саҳифаҳои аввал ва охири мақола. Пеш аз маҳалли нашр тире (-) гузошта шавад. Байни маҳалли нашр ва нашриёт ду нукта

(:), пеш аз соли нашр (.), пеш аз номгӯи нашрия тире (-). Иқтибос аз корҳои интишорнаёфта иҷозат дода намешавад.

9. Мақолаҳое, ки ба ҳайати таҳририя пешкаш мешаванд, бояд мактуби муассиса, хулосаи коршиносонро дар бораи зарурати нашри мақола ҳамроҳ дошта бошанд. Ҳангоми иҷро гардидани кор дар якҷанд муассиса хулосаи коршиносони ҳар як муассиса пешниҳод ва тақризи мутахассиси соҳа, ки бо имзо тасдиқ шудааст замима мегардад.

10. Ҳайати таҳририя ҳуқуқ дорад, ба матни мақола таҳрир ва ислоҳ ворид созад ва ё онро дар бойгонии худ нигоҳ дорад. Дар ҳолати ба муаллиф баргардонидани мақола барои таҳриру такмил таърихи қабули он, рӯзи пешниҳоди матни ниҳии мақола муайян мегардад. Мақолаҳои ба талабот ҷавобгӯ набударо ҳайати таҳририя наменпазирад.

11. Дар мавриди аз ҷониби ҳайати таҳририя ба муаллиф баргардонидани мақола танҳо як нусхаи он дода шуда, нашрия зарур намендонад, ки оид ба сабабҳои баргардонидани он бо муаллиф баҳс намояд.

Матни мақолаи фиристода бояд ислоҳи ниҳой дошта, ҷиддан таҳия ва бо имзои муаллиф (он) супорида шавад. Дар мақолаи муштарақ бояд имзои ҳамаи муаллифон бошад.

Суроғи мо: 734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ – 33, хучраи 21, тел: 221 -37-42.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научно-теоретический журнал «Муаррих» («Историк») является изданием Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Таджикистана и публикует материалы научных исследований по следующим направлениям: история, историография, археология, нумизматика, этнография, история культуры, история литературы, история философии и история религии. В нем печатаются статьи, освещающие новые исследования ученых Таджикистана и зарубежных стран.

Редакционная коллегия журнала обращает внимание авторов на необходимость соблюдения следующих правил при оформлении статьи:

1. Статья, представленная в редколлегию, должна иметь экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати от учреждения, в котором выполнена данная работа.

2. Статья должна обосновывать актуальность темы, отражать теоретические результаты и содержать четкие выводы.

3. Редколлегия принимает статьи на таджикском и русском языках, подготовленные в системе Word, при этом одновременно с распечаткой статьи в 2-х экземплярах сдаются также соответствующие файлы на отдельном диске. Рукопись должна быть отпечатана на компьютере через 1,5 интервала (размер шрифта кегль 14 Times New Roman Tj и Times New Roman), на белой бумаге формата А4 (297x210 мм). Текст должен занимать 28-30 строк на каждой странице, 60-64 знака в строке, слева должно быть оставлено поле в 30 мм, справа – 20 мм, сверху – 30 мм; снизу – 25 мм. Одновременно текст статьи присылается по электронной почте: muhbirjon.kenjaev@mail.ru

4. Размер статьи не должен превышать 10 страниц компьютерного текста включая текст, иллюстрации (рисунки, фотографии не более 4), список литературы (не более 15), тексты резюме на русском и английском языках (не более 100 слов). Иллюстрации (фотографии) должны быть расположены в тексте статьи и выполнены в одном из

графических редакторов (формат tif, pcc, jpg, pcd, msp, dib, cdr, cgm, eps, wmf). Каждый рисунок должен иметь номер и подпись. Таблицы располагаются непосредственно в тексте статьи. Каждая таблица должна иметь номер и заголовок. В тексте необходимо дать ссылки на все приводимые таблицы, рисунки и фотографии. Редакция принимает к публикации только черно-белые иллюстрации.

5. В правом углу статьи указывается научное направление, в котором следует поместить статью и ниже в левом углу указать универсальную десятичную классификацию (УДК). Далее на первой странице данные идут в такой последовательности: в центре следующей строки – название статьи (шрифт жирный, буквы прописные), ниже инициалы и фамилия, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес, электронная почта и телефон автора (ов), аннотация (5-7 строк на русском языке) и ключевые слова. Сразу после текста статьи приводится список использованной литературы, затем, название статьи, автор (ы), ученая степень, ученое звание, должность, адрес, электронная почта и телефон автора (ов) и аннотация на английском (редактор Times New Roman) языке.

6. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ). Не следует употреблять сокращенных слов. Допускается введение предварительно расшифрованных сокращений.

7. Цитируемая литература приводится под заголовком «Литература» в конце статьи. Цитируемая литература должна иметь сквозную нумерацию в порядке упоминания работ в тексте. Ссылки на литературу в тексте должны быть заключены в квадратные скобки. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

8. Список литературы оформляется следующим образом. Для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. Для периодических изданий: фамилия и инициалы автора (ов), название журнала, год издания, том, номер, первая и последняя страница статьи. Перед местом издания ставится тире, между местом издания и издательством – двоеточие, перед годом издания – запятая, перед названием журнала – тире.

9. Электронная версия опубликованной статьи размещается в сайте Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Таджикистана и в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

10. Редакция оставляет за собой право производить редакционные изменения, не искажающие основное содержание статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

11. Плата с аспирантов и докторантов Института истории, археологии и этнографии имени А.Дониша за публикацию рукописей не взимается.

Наш адрес: 734025, город Душанбе, проспект Рудаки – 33, кабинет 21, тел: 221 -37-42.

МУНДАРИЧА – СОДЕРЖАНИЕ

З.Акрамӣ, Б. Курбонов, Х. Мақсадов. <i>Ҳаёт ва фаъолияти Абӯбакр Муҳаммад Закариёи Розӣ</i>	3
Р. Абулхаев. <i>К вопросу оттока русскоязычного населения из Таджикистана в конце 80-х начале 90-х годов XX столетия</i>	9
Р.Мукимов, С.Мамаджанова. <i>Опыт прошлого в архитектуре Таджикистана 30-90-х годах XX века</i>	15
Л.Додхудоева. <i>Из истории идеологических репрессий против творческой интеллигенции Средней Азии</i>	20
А. Мирбабаев, Н. Рахимов. <i>Предпосылки начала специализации ремесленного производства и торговли в городах Хоросана и Мавераннахра в X-XV вв.</i>	23
Ф. Брюнэ, А. Раззоков. <i>О новом понимании энеолита в Центральной Азии. каменная индустрия Саразма (Таджикистан): первые результаты технологического анализа</i>	30
С. Мукимова, М. Шерматов. <i>Преимственность и взаимовлияния традиций в архитектуре Мавераннахра и Хорасана на рубеже древности и раннего средневековья</i>	40
М. Табаров. <i>Активизация авторской позиции в современной Таджикской драматургии</i>	45
Л. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева. <i>Развитие этнографии Таджикистана в годы независимости</i>	50
Д. Алимов. <i>Формирование и развитие водохозяйственных институтов в центральных и южных районах Таджикистана (1920-1940-е гг.)</i>	55
Н. Джураева. <i>Полевые исследования этнических групп киргизов Джиргиталая Б.Х.Кармышевой в 1954 г.</i>	60
К. Маджлунова. <i>Памир как экспериментальный центр исследования космических лучей</i>	64
Л. Додхудоева, Н. Джураева. <i>Личный фонд Р.Л. Неменовой: эпистолярное наследие и другие документы</i>	67
Х. Мақсадов. <i>Нобигаи Рай ё мухтасаре роҷеъ ба ҳаёт ва фаъолияти илмии Абӯбакр Муҳаммад Закариёи Розӣ</i>	70
Р. Фольтс. <i>Иорданский Центр по изучению Персии</i>	74
М. Шовалиева, М. Наврузбеков. <i>Отчет о Памирской этнографической экспедиции 2016 года (г. Хорог, Рошт-Калья)</i>	81
З. Акрамӣ, Ю. Шодипур. <i>Истиқлолият ва тоҷикони бурунмарзӣ</i>	87
Шодбоиӣ. <i>Файзи умр</i>	90
Ба таваччухи муаллифон! К сведению авторов	92

МУАРРИХ

(мачаллаи илмӣ)

ИСТОРИК

(научный журнал)

Технический редактор:
Художественный редактор:

Хасан ПИРОВ
Мухбирджон КЕНДЖАЕВ

Подписано к печати 30.09.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Офсетная бумага
Печ. л. 12. Тираж 150 экз.
Заказ 7.

Отпечатано в типографии «Нашри Камол»
г. Душанбе, ул. Борбад, 23а.